ДНЕВНИК
АЛ. БЛОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/unknown0000vari_e1n6

ДНЕВНИК АЛ. БЛОКА

1917 — 1921

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. Н. МЕДВЕДЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ
1928

ОБЛОЖКА РАБОТЫ М. А. КИРНАРСКОГО

Ленинградский Областлит № 5729. Тираж 5000.—18 л. Заказ № 1181

Государств. тип. им. Евгении Соколовой. Ленинград, пр. Красных Командиров, 29.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том «Дневника» Ал. Блока охватывает революционные годы, оказавшиеся вместе с тем последними годами жизни поэта. Первая запись этого тома — от 25 мая 1917 года, т. е. спустя три месяца после свержения царизма; последняя — от 3 июля 1921 года, т. е. за месяц до смерти ее автора.

Начало новой жизни страны и конец личной жизни поэта — такова общественная и психологическая атмосфера, в которой развивается действие второго тома «Дневника».

По этим двум линиям и распределяется основной материал книги. Тема социально-общественная и индивидуально-психологическая переплетается в ней, то восполняя, то замещая одна другую. Первая превалирует в 1917 — 1919 гг., вторая дает о себе решительно знать с 1920 года, с началом и развитием предсмертной болезни.

Все это обусловливает историческую ценность «Дневника». В нем, думается нам, имеется значительное количество материала и для характеристики личности Ал. Блока в последние годы его жизни, и идеопсихики той группы дореволюционной интеллигенции, представителем которой он объективно являлся, и, пожалуй, самой эпохи первых лет революции, ее атмосферы, ее колорита.

Вряд ли нужно подчеркивать, что на полноту и историческую объективность эти записи не претендуют и претендовать не могут.

Что касается принципов редактирования, то они общи с первым томом.

Меньшая, чем в первом томе, интимность записей дала возможность значительно сократить количество зашифровок и купюр. Второй том «Дневника» печатается почти полностью.

1917 ГОД

25 мая.

Старая русская власть делилась на безответственную и ответственную.

Вторая несла ответственность только перед первой, а не перед народом.

Такой порядок требовал людей верующих (вера в помазание), мужественных (нераздвоенных) и честных (аксиомы нравственности).

С непомерным же развитием России вглубь и вширь он требовал еще — все повелительнее — гениальности.

Всех этих свойств давно уже не было у носителей власти в России. Верхи мельчали, развращая низы. Все это продолжалось много лет. Последние годы, по признанию самих носителей власти, они были уже совершенно растеряны. Однако равновесие не нарушалось. Безвластие сверху уравновешивалось равнодушием снизу. Русская власть находила опору в исконных чертах народа. Отрицанию отвечало отрицание. Так как опора была только отрицательною, то для того, чтобы вывести из равновесия положение, надо было ждать толчка.

Толчок этот, по громадности России, должен был быть очень силен. Таковым оказалась война 1914 — 1917 года.

Надо помнить, однако, что старая русская власть опиралась на очень глубокие свойства русской души,

на свойства, которые заложены в гораздо большем количестве русских людей, в кругах гораздо более широких (и полностью или частями), чем принято думать, и чем полагается думать «по-революционному». «Революционный народ» — понятие не вполне реальное.

Не мог сразу сделаться революционным тот народ, для которого, в большинстве, крушение власти оказалось неожиданностью и «чудом»; скорее, просто неожиданностью, как крушение поезда ночью, как обвал моста под ногами, как падение дома. Революция предполагает волю; было ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?

Все это — в миноре.

Допрос Горемыкина 15 мая (35 страниц стенографического отчета) [1].

Рескрипт 24 июля 1914 года — о передаче Совету министров некоторых прав верховной власти. — Порядок роспуска законодательных учреждений и перерыва занятий Государственной думы.—Мероприятия в порядке 87-й статьи Основных законов и отношение к Государственной думе. — Издание актов в порядке верховного управления. — Назначения. — Распространение деятельности военной цензуры на дела внутреннего управления. — Стремление к восстановлению предварительной цензуры. — Отношение к закону.

Ночь на 1 июня

Труд — это написано на красном знамени революции. Труд — священный труд, дающий людям жить, воспитывающий ум и волю и сердце. Откуда же в нем еще

проклятие? А оно есть. И на красном знамени написано не только слово труд, написано больше, еще что-то.

1 июня

С утра (10-11) я ждал Муравьева[2] в Петропавловской крепости, разговаривал и слушал разговоры солдат. Стрелки убили сапера за противу-ленинизм (на-днях в крепости), всячески противятся выдаче еды заключенным. Не большевизм, а темнота.

Доктор Манухин[3]. Поручик Чхония сегодня приуныл (вероятно, после скандала, о котором рассказывали)[4].

Вчера в миниатюре—представление Распутина и Анны Вырубовой. Жестокая улица. Несмотря на бездарность и грубость — доля правды. Публика (много солдат) в восторге.

Муравьев приехал от Керенского, который сказал, что военнообязанных из комиссии не возьмет, и сказал это, совсем не морщась, как я боялся, а с полной готовностью. «Бумаги у вас не возьму» (об этом).

Мы обошли 12 камер (см. записную книжку)[5]. Вырубова похорошела. Воейкова стригли.

Щегловитов — каменный. Ренненкампф — каррикатурный кавалерист. Добровольский может умереть. Макаров — аккуратный и сдержанный. Климовичу очень тяжело.

Днем я писал Муравьеву записку — соображения об издании стенографических отчетов.

2 июня

3 допроса в Зимнем дворце (Фредерикс, Золотарев, Джунковский). Червинского ушли из комиссии. Разговор

с Неведомским [6]. Письма царя, царицы и Штюрмера, Илиодора, Ржевского. Ночью — телеграмма от Любы, что завтра утром приедет — на два дня... [7].

3 июня

Утром приехала Люба, спит на моем диване. Очевидно, я сегодня мало буду делать. Письмо маме.

Да, я ничего не делал. Приезд Любы так всполошил меня, «выбил из колеи».

Вечером мы были с ней в каком-то идиотском «Луна-Парке», в оперетке, но она все-таки была довольна я был этому рад.

Ночью—на улице—бледная от злой ревности ***. А от m-me *** лежит письмо. «Оне» правы все, потому что во мне есть притягательная сила, хотя, может-быть, я догораю.

4 июня

Громовое ура на Неве. Разговор с Любой о «Новой Жизни» [8]. Вихрь мыслей и чувств — до слез, до этой постоянной боли в спине.

Подумали еще мы, «простые люди», прощать или не прощать старому графу (Фредериксу) его ногти, то, что он «ни в чем не виноват». Это так просто не прощается. «Эй ты, граф, ходи только до сих пор». «Только четыре шага».

Все-таки я сделал сегодня свои 20 страниц Белецкого. В перерывах был с моей Любой, которая

никуда не уходила. Вечером я отвез Любу на вокзал, посадил в вагон; даже подробностей не забуду. Как хорошо.

Ночью бледная Дельмас[9] дала мне на улице три розы, взятые ею с концерта (черноморского флота), где она пела и продавала цветы...

5 июня

От Пашуканиса[10] — 350 рублей, и написано, что он пробует печатать (?! где договор?).

Письмо от мамы. От Пяста[11]—открытка с пути. Телефон—от Верховского[12]: 7-го в $9^1/_2$ часов m-me Кокошкина[13] зовет меня на собрание к себе обсуждать участие литераторов в выборах в Учредительное собрание (!).

20 страниц Белецкого, большая прогулка... Очень жаркий день.

6 июня

Звонила Любовь Михайловна Самарина, рожденная Боткина. У нее умерла мать, спрашивала Любу и адрес Анны Ивановны[14], рассказала мне о $\overset{*}{*}_{*}$, которого выперли из Штокмансгофа санитары и который сделал что-то неважное по отношению к Боткиным с библиотекой.

Звонил В. Н. Егоров[15], рассказывал о делах дружинных.

Кончено с первым допросом Белецкого.

Телефон от Марии Филипповны Кокошкиной — о завтрашнем собрании (В. Д. Набоков[16] зовет). О моих

стихах. Я говорил о своем «большевизме» (Французская набережная 8, телефон 6-47-76).

7 июня

Муравьев поручил мне привести в известность и порядок стенограмму после Червинского. При беспорядке это не особенно легко. Два допроса во дворце (Джунковский и Золотарев). Угнетающая жара (или я старею?).

В кадетский клуб я не пошел. Письмо маме.

8 июня

Переговоры по телефону с М. П. Миклашевским и Л. Я. Гуревич[17] «по делам Чрезвычайной следственной комиссии». Второй допрос Белецкого — 20 страниц.

В вечере было необычное и жуткое.

Уходя во дворец — заняться с Косолаповым — я получил письмо от тети[18]. У мамы опять болит спина. В семействе *** — контр-революционный ватер-клозет. Меня это задело, так что я разозленный на буржуев шел по улице. Косолапов так устал, что мы мало занимались, а пошли наверх, в их коммуну. Коммуна Зимнего дворца — чай с вареньем! Все усталые и все тревожны все-таки. Замечательные рассказы Руднева о Распутине (специалист по «темным силам»). Распутин гулял в молодости; потом пошло покаяние и монастыри. Отсюда и стиль — псалтири много. Третий и последний период — закрутился с господами. Ни с императрицей ни с Вырубовой он не жил. О Вырубовой — ужасные рассказы

И. И. Манухина (солдат; ее непричастность ни к чему; почему она «так» себя ведет). В Севастополь приехали большевики, взбунтовали, Колчак ушел. С утра есть слух, что Керенский сошел с ума.

Следователь[19] — русский, бородатый — тяготится «темными силами», скучает по своему полтавскому продовольственному делу. Продовольствие — безнадежно, в министерстве опускаются руки.

Ночью заходила ***, которая вчера гуляла с моряком в Летнем саду. Запах гари от фабрик (окна настежь) не дает уснуть.

Надо всем — белые ночи. Люба, Люба! Что же будет?

9 июня

После 10-ти страниц Белецкого, в 2 часа знойного дня — вдруг свое. Меня нет до ночи. Будто бы — потерял крест, искал его часа два, перебирая тонкие травинки и звенящие трубки камыша, весь муравейник под высохшей корявой ольхой. А вдали — большие паруса, треск гидроплана, очарование заката. И как всегда. Возвращаюсь — крест лежит дома, я забыл его надеть, А я уже, молясь богу, молясь Любе, думал, что мне грозит беда, и опять шевельнулось — пора кончать.

10 июня

А спину с утра опять колет и ломит. Сладостная старость близка.

Все это прошло — «большой день» опять. Придя в крепость, я застал там Н. А. Морозова[20] (который искал следы Алексеевского равелина, где сидел),

Муравьева, уже обходившего камеры с прокурором петербургской палаты Каринским и И. И. Манухиным. Я присоединился.

Сухомлинов опять светски легкомысленно хлопнул в ладошки. Макаров, у которого всегда так пахнет иодом, также все ни о чем не просит (очень стойко). Белецкий пишет 70-ую с чем-то страницу, потный, в синем халате, всплакнул: Распутин ночью снится, «одно, что осталось для души», «даже жена мешает» — с ее приходом начинает думать о жизни. Ему уже предъявлено обвинение,но ему не надо мешать писать.

Собещанский стоит по ту сторону кровати. Он стал вовсе страшной крошкой. Из страшной крошки с чудовищем-носом вдруг раздался глухой бас: прошу об амнистии, потому что я ни в чем не считаю себя виноватым. Муравьев развел как-то особенно едко руками, все мгновенно вышли, не ответив ни слова.

Спиридович, когда-то стригшийся «ежиком», похожий на пристава генерал, нелепо мужиковатый, большой и молодой. Все говорил деловито, а на вопрос о претензиях сказал — нет ничего, только вот прогулки... и вдруг повернулся спиной к солдатам и, неслышно всхлипывая, заплакал.

Союзник Орлов долго говорил с прокурором, трясясь от слез (детей выгнали из учебных заведений, за квартиру неплачено), иногда переходя в хриплый шопот, прерывая слова рыданием.

Васильев был тоже менее спокоен, чем обыкновенно.

В Протопопове, оказывается, есть панченковское[21]. Я взял от него еще записки. На-днях он,

кажется, Манухину, который предлагал ему заняться самонаблюдением, говорил: а знаете, я убедился в том, какой я мерзавец (в этом смысле).

Штюрмер все поднимал с полу книжонки (Собрание узаконений по 87 статье) и, тряся бороденкой, показывал их мне, прося еще других.

Хабалов вполголоса сказал: «Относятся грубо, но я не жалуюсь. Понятие о вежливости не всем свойственно».

Курлов просил меня прислать для диктовки еще раз.

Маклаков. После всего этого мы попали в гарнизонный комитет (по поводу того, что на-днях, когда Беляева увозили на Фурштадтскую, было чуть не сделано вооруженное нападение на бастион; в крепости гарнизон 5 000, из них 2 000 — большевики (есть и офицеры). Муравьев сказал большую речь, требуя власти и доверия к своим действиям. Столкновение с доктором. В ответ— просили контроля. Муравьев остроумно доказал необходимость разделения труда (если каждый захочет контролировать, то автомобиль с заключенными не переедет и Невы). Манухин объяснил, что Щегловитов здоров. Говорил Каринский. Говорил Морозов. Морозову аплодировали. Митинг очень хороший. Мы вернулись во дворец, я записал что надо.

Вечером у меня был Идельсон (умный «западник») и Егоров, пришедший поздно.

Ладыженский [22] ответил длинным письмом Муравьеву обо мне, что рабочих уже 2 000, что заведывание партией недостаточно обслужено, что, однако, идя навстречу, он предлагает обратиться к начальнику дружины и в дружинный совет телеграфно.

Муравьев — социалист. Интересный разговор с Идельсоном.

11 июня

Около 5 часов я работал в Зимнем дворце, приводя в относительный порядок тот стенографический хаос, который оставил в наследство Червинский. Заискивающий телефон от ⁂. Письмо маме. Вечером я ходил в кинематограф, а ночью ⁂ долго ходила перед окнами.

От исполнительной комиссии дружины — лестно, но глупо [23].

12 июня

20 страниц Белецкого. Покупка часов. Ольгино [24] — серое море, гарь, ветер, гроза... Письмо от мамы.

13 июня

20 страниц Белецкого. Днем Г. И. Чулков [25]. Его «платформа» (адрес — Москва, Б. Левшинский пер., 10, кв. 7). Письмо от Пашуканиса с пунктами договора.

Опять молодое, летающее тело. Знакомство с директором «Ниагары» Шурыгиным [26], который просил у меня чертежника для проекта изобретенного им большого плуга.

Увядающая брюнетка в трамвае. Мы изучали друг друга. Под конец, по лицу ее пробежало то самое, чего я ждал и что я часто вызывал у женщин: воспоминание,

бремя томлений, приближение страсти, связанность (обручальное кольцо). Она очень устала от этого душевного движения. Я распахнул перед ней дверь, и она побежала в серую ночь. Вероятно, она долго не оглянется.

Опять набегает запредельная страсть, ужас желания жить. У нее очень много видевшие руки; она показала и ладонь, но я, впивая форму и цвет, не успел прочесть этой страницы. Ее продолговатые ногти холены без маникюра. Загар, смуглота, желающие руки В бровях надломленных — невозможность.

14 июня

Проверка Горемыкина (отчет подписан) — 2 часа утром. Весь день в крепости (допрос Штюрмера и Маклакова). Разговор с С. В. Ивановым и ***. «Большевики». Усталость. Вечером — встреча в трамвае с Ясинским [27].

15 июня

20 страниц Белецкого (кончен 3-й допрос). Встреча с Сомовым [28]. Ольгино. Усталость. Письмо маме. Вдруг — поздно вечером — зашел ***. Он сегодня допрашивал Вырубову, в связи с Штюрмером, ничего не добился.

16 июня

Возня с порядком в стенограммах и проверка Маклакова (все время до обеда ушло). Телефон с Муравьевым,

который спрашивал общие мои соображения, как материал для его выступления в Совете солдатских и рабочих депутатов. Какая-то еще бумага Ладыженского — в комиссию (обо мне).

Пустые поля, чахлые поросли, плоские — это обывательщина. Распутин — пропасти, а Штюрмер (много чести) — плоский выгон, где трава сглодана коровами (овцами?) и ковриги [29]. Только покойный Витте был если не горой, то возвышенностью; с его времени в правительстве этого больше не встречалось; ничего «высокого», все «плоско», а рядом — глубокая трещина (Распутин), куда все и провалилось.

Вечером, подойдя к кадетскому корпусу на 1 линии, где заседает Съезд советов солдатских и рабочих депутатов, я увидал Муравьева, едущего в коляске. В «мандатном бюро» мне необыкновенно любезно выдали корреспондентский билет, узнав, что я — редактор Чрезвычайной следственной комиссии. По длинным коридорам, мимо часовых с ружьями, я прошел в огромный зал, двухсветный наверху. Был еще перерыв. Зал полон народу, сзади курят. На эстраде — Чхеидзе, Зиновьев, Каменев, Луначарский. На том месте, где всегда торчал царский портрет, — очень красивые красные ленты (они — на всех стенах и на люстрах) и рисунок двух фигур: одной — воинственной, а другой — более мирной и надпись, через поле, — Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Мелькание, масса женщин, масса еврейских лиц... Я сел под самой эстрадой.

Сначала долго говорил приветствие представитель американской конфедерации труда. Каждый период переводил стоявший рядом с ним переводчик с малиновой

повязкой на рукаве. Речь была полна общих мест, обещаний «помочь», некоторого высокомерия и полезных советов, преподаваемых с высоты успокоенной. Съезд ответил на все это шорохом невнимания, смешками (один только раз сердито выкрикнул что-то сзади матрос) и сдержанными аплодисментами.

Отвечая на приветствие, Чхеидзе сказал, что первое, в чем должна нам помочь Америка,—это скорейшая ликвидация войны, что было покрыто несколько раз громом аплодисментов.

Муравьев сказал большую деловую речь. Сначала немного вяло, как ему свойственно начинать, потом, когда он спросил, может ли он несколько подробнее сказать о департаменте полиции, послышались голоса «просим»; в середине рукоплескали (на слова о том, что «мы не желаем применять к заключенным тех мер, которые они к нам применяли»). Вообще, «деловая» речь была выслушана внимательно и деловым образом; кажется, произвела хорошее впечатление и не вызвала возражений. В записках с вопросами, переданных в конце, спрашивали, между прочим, занимаемся ли мы делом Николая Романова.

Встреча в зале с Брызгайловым [30], который—делегат от Ташкента Много было наших (из комиссий). Потом я долго сидел в столовой, пил чай (черный хлеб и белые кружки) и говорил с молодым преображенским солдатом, который хорошо, просто и доверчиво рассказал мне о боевой жизни, наступлении, окопах, секретах, лисьих норах; как перед наступлением меняется лицо (у соседа—синее), как потом надо владеть собой, как падают рядом, и это странно (только что говорил с человеком, а уж

он — убит). Что он хотел «приключений» и с радостью пошел, и как потом приключений не вышло, а трудно (6 часов в секрете на 20-градусном морозе). И еще — о земле, конечно; о помещиках Ряжского уезда, как барин у крестьянина жену купил, как помещичьи черкесы загоняли скотину за потраву, о чересполосице, хлебе, сахаре и прочем. Хорошо очень. Жарко, на съезде окна раскрыты, сквозняки, а все-таки — жарко. За окнами — деревья и дымный закат.

17 июня

День знойный и гроз. Весь день — в крепости (допросы Виссарионова и Протопопова). Слухи о завтрашней манифестации, конечно, разноречивые. Записи в записной книжке крепостной и дворцовой [31]. Усталость. Письмо от мамы.

Ночью ***: от нескольких дней у моря — в обаянии всех благоуханий, обаятельная и хозяйственная, с какими-то слухами, очень важными, если они оправдаются (о предложениях Америки), какие могут узнавать только красивые женщины и, узнавая, разносить, равнодушными и страстными губами произнося умные вещи, имеющие мировое значение.

18 июня

Изучение Протопопова. Письмо от Л. А. [Дельмас].

Перед окнами — жаркая праздничная пустота, а утром — собрались рабочие Франко-русского завода под знаменем с надписями «Долой контр-революцию», «Вся власть в руки С. С. и Р. Д.».

Ключевский IV периодом русской истории считает период в начале XVII века до начала царствования Александра II (1613—1855). (Вот, вот—реализм, научность моей поэмы, моих мыслей с 1909 года! [32]). Мы в феврале 1917 года заключили V период (три огромных царствования) и выступаем в шестой (переходный). Итак, и пятый период уже доступен нашему изучению «на всем своем протяжении».

Рубежом III—IV периодов была эпоха самозванцев—запомним—№. Да будет 41-я лекция Ключевского нашей настольной книгой для русских людей, как можно большего круга [33].

Изучение Бурцева. Окончательная подготовка к переписке 3-х допросов Белецкого.

Мысль в честь сегодняшнего дня, который я опять отдал весь работе над прошедшим:

Перед моим окном высохло дерево. Буржуа, особенно, с эстетическим рылом, посмотрит и скажет: опять рабочие нахулиганили. Но надо сначала знать: может-быть, тут сваливали что-нибудь тяжелое, может-быть, нельзя было не задеть, может-быть, просто очень неловкий человек тут работал (у многих из них еще нет культурной верности движений).

В отчете комиссии следует обойтись без анекдотов; но использовать тот богатый литературный материал, который дают, именно, стенограммы и письменные показания, можно. Такова моя мысль.

Думаю, что, если комиссия [не будет подходить] с точки зрения профессиональной, припахивающей бюрократизмом, то она «окупится», т.-е., выйдя умело на широкий литературный путь, заплатит государству с

избытком ту огромную сумму, которую государство на нее тратит (200 000 в месяц?).

Кроме обоих редакторов (кроме меня), необходимо пригласить в состав нашей подкомиссии (на-днях имеющей собраться) литератора-практика, который сумел бы поставить дело выгодно для государства.

Я написал письмо в Исполнительную комиссию дружины [34].

19 июня

Стенографический хаос во дворце, дрянность Х. [35], растерянность разных растерях. Слухи о вчерашних страхах и сегодняшних манифестациях на Невском, и будто наши прорвали в 3-х местах немецкий фронт. Письмо маме (нервное).

Ненависть к интеллигенции и прочему, одиночество. Никто не понимает, что никогда не было такого образцового порядка и что этот порядок величаво и спокойно оберегается всем [36] революционным народом.

Какое право имеем мы (мозг страны) нашим дрянным буржуазным недоверием оскорблять умный, спокойный и многознающий революционный народ?

Нервы расстроены. Нет, я не удивлюсь еще раз, если нас перережут во имя порядка [37].

«Нервы» оправдались отчасти. Когда я вечером вышел на улицу, оказалось, что началось наступление, наши прорвали фронт и взяли 9 000 пленных, а «Новое Время», рот которого до сих пор не зажат (страшное русское добродушие!), обливает в своей вечерке русские войска

грязью своих похвал. Обливает Керенского помоями своего восхищения. Улица возбуждена немного. В первый раз за время революции появились какие-то верховые солдаты, с красными шнурками, осаживающие кучки людей крупом лошади.

20 июня

Все эти дни я думал о заседании по поводу отчета, сегодня плохо спал ночью, утром пришел во дворец, когда, конечно, никого не было. Пришел С. В. Иванов, потом — г. Х.; Щеголев [38] так и не пришел — его не добудились. Проболтавшись долго, С. В. Иванов, я и г. Х. сели в конюшне, называемой покоем Зимнего дворца. Г-н Х. пространно излагал дело, в курс которого он несколько вошел. Я осторожно успел сказать только, что отчет должен быть проникнут революцией (С. В. Иванов согласился быстро), успел предложить редакторов (литераторов) и намекнул, что бумажка г. Х. не план, а конспект (г. Х. тоже сдался). Потом стали завтракать, я даром проваландался и, смертельно устав от дворцовой бестолочи, ушел, проторчав почти даром $3^1/_2$ часа. В утешение — купил «Семейство Холмских» [39] и водевили Ленского для Любы (в Александровском рынке).

В «Правде» нет ни слова о наступлении, но «Дело Народа» [40] и «Новая Жизнь» констатируют и не протестуют. Съезд Советов Р. и С. депутатов вчера одобрил и наступление и арест анархистов на даче Дурново [41].

В отчете мне, повидимому, предстоит дать характеристику министров. Комиссия будет редакционная, под председательством С. В. Иванова. Секретарем будет,

к счастью, г. Лесневский (он аккуратен, по крайней мере). С Щеголевым («Былое») как-нибудь поделятся. Мы будем заниматься и отчетом и выработкой плана издания. С. В. Иванов очень хорошо рассказал сегодня, как Щегловитов выгнал его из Сената и как он не подал руки Щегловитову. Но дело не подвинулось.

Серая публика завтракает во дворце. Среди этих следователей и наблюдающих и пр. — две породы (большето уж неинтересные разветвления); одни — умные или считающие себя умными; эти имеют холостой и иронический вид; другие — семейные, грустные и озабоченные. Так снаружи, по крайней мере, а ведь это — лучшие работники («самые талантливые»). Резко отличаются, конечно, евреи — они умны, нигилисты до конца ногтей, а некоторые — очень или заметно наглы. Исключение из них, пожалуй, С. А. Гуревич (может-быть, он подкупил меня тем, что один только исполнил часть необходимой для меня работы)...

21 июня

Письмо от Любы — от 15 июня.

Письмо ей.

Манифестации (солдатское пошло!). Три интересных допроса в крепости (Белецкий, Протопопов, Маклаков).

Повидимому, у меня инфлуэнца; кроме частой «апендицитной» боли, всего томит и ломает.

22 июня

Бестолковое совещание с утра в Зимнем дворце. Завтра — опять. По-моему, ничего не выйдет. Тысяча

комбинаций мешает мне найти свое отношение к отчету, который поворачивается, повидимому, совершено не так, как мне брежжит... Сенатор Иванов добродушен и мил, и только. Редакторы еще не выразились. Щеголев один стоит на реальной почве, но он думает только о себе.

Проверка Воейкова и бешенство на переписчицу, которую мало выпороть.

Вообще этот...-бюрократический хаос может погубить комиссию. Нет, нет, лучше не углубляться, уже крови много испорчено, я нахожу все-таки еще в себе бесцельность и легкомыслие, когда не слишком ломают люди, старость, работа.

Поздно покинув Севилью...

23 июня

Телеграмма от Любы и ей.

Письмо маме.

На заседание я решил не итти.

В нашей редакционной комиссии революционный дух не присутствовал. Революция там не ночевала. С другой стороны, в городе откровенно поднимают голову юнкера — ударники, империалисты, буржуа, биржевики, «Вечернее Время» [42]. Неужели? Опять в ночь, в ужас, в отчаянье? У меня есть только взгляд, а голоса (души) нет.

Побеждая все чувства и мысли, я все-таки проработал до обеда, сделал больше половины Фредерикса и кончил проверку Воейкова.

24 июня

Кончен Фредерикс и проверена Вырубова. Выписки из Голицына и Герасимова.

Вдруг — несколько минут — почти сумасшествие (какая-то совесть, припадок, как было в конце 1913 года, но острее), почти невыносимо. Потом — обратное, и до ночи — меня нет. Все это — к «самонаблюдению» (господи, господи, когда наконец отпустит меня государство?)... К делу, к делу...

Письмо от Н. Маныча [43] — откуда-то с фронта.

25 июня

Занятие Белецким. Господин Картавцев пришел с письмом от Потапенко [44]. Телефон с Л. Я. Гуревич, которая «недоумевает», почему «ничем себя не зарекомендовавший маленький Х. играет чуть ли не первую роль». Я не могу объяснить, что «маленький Х.» — это большой хам, который скоро окрутит усталого Муравьева и нагадит комиссии.

Занятие Климовичем.

Поделом мне за мои тяжелые жизненные грехи: я опять трачу нервы на какого-то жидка и ерепенюсь, вспоминая его мелкую наглость.

В газетах: «темные солдаты» побили Н. Д. Соколова [45]. Съезд Советов С. и Р. Д.[епутатов] закрылся.

Вечером — прелесть островов. К ночи — выписка из Хабалова (увлекательное описание дней революции).

26 июня

И ночью и утром я читаю интереснейший допрос Хвостова, А. Н. (кружки, Распутин и пр.).

Письмо от мамы — о том, как в Шахматове [46] тоскливо и глухо (от 19 июня!)

Длинный разговор по телефону с Л. Я. Гуревич, в которой я нашел полное сочувствие себе в отношении к Х. Стало полегче благодаря ее чуткости.

Букинисты.

И разбит, и устал, и окрылен, и желаю — и работой и пьяный закатом — все вместе...

Какие странные бывают иногда состояния. Иногда мне кажется, что я все-таки могу сойти с ума. Это — когда наплывают тучи дум, прорываться начинают сквозь них какие-то особые лучи, озаряя эти тучи особым откровением каким-то. И, вместе с тем, подавленное и усталое тело, не теряя усталости, как-то молодеет и начинает нести, окрыляет. Это описано немного литературно, но то, что я хотел бы описать, бывает после больших работ, беспокойных ночей, когда несколько ночей подряд терзают неперестающие сны.

В снах часто, что и в жизни: кто-то нападает, преследует, я отбиваюсь, мне страшно. Что это за страх? Иногда я думаю, что я труслив, но, кажется, нет, я не трус. Этот страх пошел давно из двух источников — отрицательного и положительного: из того, где я себя испортил, и из того, что я в себе открыл.

Сегодня все-таки много сделано четвертого допроса Белецкого.

27 июня

Телефон (сегодняшнее собрание следователей и наблюдающих переносится на завтра). 25 страниц четвертого допроса Белецкого. Письмо маме. Лесной — Коломяги [47]...

28 июня

Весь день в Зимнем дворце. Два интересных допроса (Челноков и Н. Г. Иванов), вечернее заседание. Х. явлено мое недоброжелательство, т. е., кажется, он его почувствовал. Муравьев выдвигает его всячески, но нечего выдвинуть: одни пошлости, общие места (согласен с этим и ⁂). С. А. Гуревич рассказывает свой разговор о суммах департамента с Белецким. Хорошие слова Гирчича. Вернулся я из дворца в 1 часу ночи.

Л. А. Дельмас пела Кармен в Народном доме. Или я устал, или «привык», или последний раз она опять меня пленила? Но за пустою болтовней я слышу голос соловьиный.

Письмо от тети — хорошее...

30 июня

Одушевленное (с моей стороны) заседание во дворце по поводу стенограмм. Письмо маме. Особый род усталости — лихорадочный. Телефон от Идельсона, который как-то справляется о Х.

В 12 часов ночи, в минуту, когда я дописал записку Любе, погасло электричество и стал особенно заметен этот едкий запах гари — фабрики и давно уже где-то в окрестности горящий торф.

Месяц на ущербе за окном над крышами на востоке — страшный острый серп. А под окном целуются, долго и сладко целуются. Женщина вся согнулась — таким долгим и томным изгибом закинулась на плечо мужчины и не отрывает губ. Как красиво! А я сижу при двух свечах.

2 июля

В противоположность вчерашнему, когда меня закрутило: 20 страниц Белецкого (кончен IV допрос). Подготовляюсь к завтрашнему заседанию — о стенограммах.

Также готовлюсь я разрушить дурацкое недоразумение, которое подсунул Х.

3 июля

Не выспался. Длинное заседание о стенограммах (Ольденбург [48], Л. Я. Гуревич, Миклашевский, я — много говорю, Лесневский, заходил Иванов, С. В. и Муравьев). Ольденбург очень убедительно доказал необходимость реформы правописания (миллионы просьб, 13 лет вопрос в воздухе, реформа умеренна, Пушкин остается, кассы шрифтов могут быть и старые для «желающих»).

Ночью ушли все министры-кадеты. Г-жа Танеева (мать Вырубовой) написала пасквиль на комиссию и на администрацию Петропавловской крепости.

Страшная усталость. Вечером письмо от Любы с оказией (театральный парикмахер) — о том, какая она с.-д. Записка Любе, 2 журнала, книжка.

Заседание тянется, все время перемежаясь более или менее интересными разговорами, от этого внимание слабеет, секретарь убегает, протокол оказывается неполным. Вообще, хаос, в котором обсуждается все время, в сущности, один вопрос — как бороться с хаосом? — с самими собой бороться.

Вечером я сижу и работаю усталый (надоевшая таблица стенограмм). Душно. К ночи пришла Дельмас (она пела «Гимн радости»). На мосту какое-то

оживление. Ночью рабочие подкатили на грузовике к почтовым [49] учреждениям и вызвали товарищей. Три грузовика наполнились людьми, которые с криками укатили в город (один грузовик до того стар и расхлябан, что через 10 минут его руками прикатили назад). Мальчишки, отдельные восклицания. По слухам сегодня вышел вооруженный Московский полк. По слухам же германские деньги и агитация громадны. С продовольствием Петербурга дело стоит очень плохо. Есть много обвинений против Громана [50]. Какая душная ночь, скоро час, а много не спящих людей на улице, галдеж, хохот, свинцовые облака. Дельмас, воротясь домой, позвонила: на улице говорят «долой Временное правительство», хвалят Ленина. Через Николаевский мост идут рабочие и Финляндский полк под командой офицеров с плакатами «долой Временное правительство». Стреляют (будто бы, пулеметы). Также идет Московский полк и пулеметная рота (рассказы на улице). Я слышу где-то далеко «ура». На дворе — тоскливые обрывки сплетен прислуг. Не спит город. Как я устал и слаб. 2 час ночи, опять подкатывают автомобили, ура и крики.

Л. Я. Гуревич сегодня предлагала мне подумать об издании дешевой книжки стихов и маленьких брошюр стихов вообще. Тоскливо как-то. Спать что ли и думать, что победит эта умеренная эс-эровская городская дума? Я слишком устал. Все-таки было от Любы письмо.

Еще выбежал желтый грузовик из почтового сарая — с людьми (солдаты и рабочие, у заднего видно ружье). Немного светает, 2 часа ночи (по новым часам).

Письмо от Любы.

4 июля

Утренние газеты вышли. Много лавок позакрывалось. Робкий телефон от г. Х. К 2 часам пешком в Зимний дворец (трамваев нет). Улица довольно пуста и спокойна. Через 1/4 часа, после того как я пришел во дворец, началась стрельба залпами где-то в тылу его. Говорят, стреляли в Преображенские казармы и из окон отвечали. Заседание об отчете. Г-н Х. всем орудует, все с этим согласны и его обожают, фрондируем только мы с ⁂. А Х. тоже, оказывается, склонен к вульгарности, он уже предлагает услуги издательства «Муравей»... В 6 часу домой опять пешком. Встреча с Княжниным [51]. На улицах — кучки народа. Я заходил в кофейню на Вознесенском. Вечерняя «Биржевка» вышла. Будто бы, побили на Невском кронштадцев. Две стихии. Озлобление Княжнина. Сейчас (пока я пишу это) на улице выстрел. По городу носятся автомобили, набитые солдатами, торчат штыки.

Дворцовый слух — Петербург на осадном положении, Половцеву [52] предоставлены все полномочия. Присяжный поверенный Гольдштейн, когда у него сегодня отобрали автомобиль, показал удостоверение Керенского на право служебных поездок. Ему сказали: «Керенский давно арестован. Вы бы еще показали удостоверение Николая II».

Один автомобиль был очень красив сегодня (маленький, несется, огромное красное знамя и сзади пулемет). Много пулеметов на грузовиках. Красные плакаты. Слух швейцарихи Вари о пулеметах на крышах и о бывших городовых. Я думаю о немецких деньгах. Остальное — в газетах.

Утром шел дождь, потом наступила жара, к вечеру душно, идет грозовая туча с молнией.

Чем более она [комиссия] будет топить себя в хлябях пустопорожних заседаний и вульгаризировать свои «идеи» (до сих пор неглубокие), — тем в более убогом виде явится комиссия перед лицом Учредительного собрания. В лучшем случае это будет явление «деловое», т. е. безличное, в худшем — это будет посмешище для русских людей, которые — осудить не осудят, но отвернутся и забудут. Что же, если так суждено; значит — голоса нет. Сдаваясь Х., комиссия сама себя отведет на задний план, оттуда, где поют солисты, она отойдет туда, где сплетничают хористки.

Письмо маме.

На улице встретился Вася Менделеев [53]. Серое пальто, дорожная шапка с козырьком, через плечо — на веревке — мешок для провизии. Бородатый, довольно бледный, сходство с отцом.

Тоскливо как-то... Свежесть после дождя, собака кричит, полаивает, а люди — не очень громко (а, когда и громко, их немного на углах). Последний слух: на Литейную выписали 20 карет скорой помощи (ночью). Солдаты, будто бы, готовы «подавить восстание», кроме нескольких полков.

Как я устал от государства, от его бедных перспектив, от этого отбывания воинской повинности в разных видах. Неужели долго или никогда уже не вернуться к искусству?

5 июля

Пришло чулковское «Народоправство» № 1 [54]. «Русская Воля» [55] полна событий; оказывается, вчера много

убитых и раненых. Я принялся за Белецкого и поступил мудро, так как в Зимнем дворце, как оказалось, никаких допросов нет (барышень нет), меня никто не предупредил, и я пришел бы даром.

Барышня на телефоне говорит, что очень много работы — не отвечала $^1/_4$ часа.

Ко мне в комнату, пока я работаю, влетел маленький воробей, и я сейчас же почувствовал тоскливость минуты, грязь государственную, в которой я к чему-то сижу по уши, стал вспоминать Любу.

С. П. Белецкий «очищается от грязи». Но можно ли очиститься, выливая также и всю чужую грязь и не стараясь оправдать ее? Нет, те, кто из них раскаялся (и раскаялся ли?), должны еще пройти много ступеней очищения, они — в самом низу лестницы, как «дети», только наоборот.

Сегодня сделал весь V допрос Белецкого — 26 страниц, особенно больших и полных (вплоть до обеда).

6 июля

День богатый делами и грешный. Утром — миноносец «Орфей» у Английской набережной. Патрули у мостов, Николаевский разведен. Дворец — пусто. Первый, конечно, С. Ф. Ольденбург. Заседание. Я в течение нескольких часов, прерываемых разговорами о событиях дня, приездом велосипедной команды, завтраком, — стараюсь «изолировать» Х., нахожу разные поддержки, в конце концов, кажется по крайней мере на время, это удается. Часов около 3-х (с 11 утра) заседание об отчете прерывается, выясняется многообразие мнений и отсутствие плана.

В комиссию приезжают меньшевики, члены ЦК и Исполнительного комитета — Либер, Дан и еще один. Муравьев зовет меня в крепость, мы едем на автомобилях большой компанией; цель — узнать у бывших чинов департамента полиции имена главнейших провокаторов из большевиков (присутствующие меньшевики — следственная комиссия, расследующая немецкие деньги на последние события) [56]. Последовательно вызываются: Виссарионов, Курлов, Спиридович, Белецкий и Трусевич. Все одинаково не знают. Протокол Курлова пишу я; потом иду к нему в камеру, прошу его подписать и разговариваю с ним. Он держится — униженно-добродушно (генерал-лейтенант).

Крепость внутри пуста, комендант рассказывает о сегодняшней осаде, мы доезжаем только до ворот, которые заперты, мост полон кучек солдат, в обоих воротах — большие караулы. К заключенным большевиков не пустили (рассказывает унтер-офицер), они спрашивали о стрельбе на улицах эти дни, им говорили для объяснения, что вода поднялась. Едва ли они этому поверили, слыша пулеметы. Пушки в полдень сегодня не было (во избежание паники).

Слухи об арестах, освобождениях, опять арестах. Когда мы вышли из крепости (в 8 часу вечера), сияло солнце; смирные кучки толпились, дворец Кшесинской завоеван, побежали трамваи. Я долго гулял...

Газеты празднуют победу. Ночью на сегодня с фронта пришла целая дивизия. Казаки. Слухи о заводах. Ночью много труб дымит. Слухи об отправке взбунтовавшихся на фронт. Распорядительность Половцева.

От мамы писем давно нет, очевидно, масса писем не разобрана.

У Либера—хорошее лицо (Микель-Анджело), у Дана—отвратительное (шиповник Вайс [57]). Третий товарищ—моложе—мрачный. Все—измученные.

Слух об аресте Ленина...

О, грешный день, весь Петербург грешил и много работал, и я—много работал и грешил.

Люба, Люба, Люба.

7 июля

С утра—небольшая справочная работа. Мое отсутствие весь день (Ольгино). Письмо от мамы от 27 июня. Письмо маме.

«Восстание усмирено». А именно: ночью... вдруг где-то на Неве или на Васильевском острове затрещали пулеметы, залпы, выстрелы, долго. Люди выбежали на улицу, кучки на углах. Дельмас принесла слух, что Терещенко [58] тоже ушел.

Сырая, душная ночь.

8 июля

Утром дописывал письмо маме. 26 страниц II допроса Маклакова.

Всякая мысль прочна и завоевательна только тогда, когда верна основная схема ее, когда в ее основании разумеется чертеж сухой и единственно возможный. При нахождении чертежа нельзя не руководствоваться вековой академической традицией, здравым и, так сказать, естественным разумом.

Что мыслится прежде всего, когда думаешь о докладе высокого государственного учреждения — Следственной комиссии, долженствующей вынести приговор старому 300-летнему режиму,—учреждению еще более высокому— Учредительному собранию нового режима?

Мыслится русская речь, немногословная, спокойная, важная, веская, понятная — и соответствующее издание государственной типографии (а не популярные книжечки, издаваемые еврейско-немецкой фирмой «Муравей»). Такую речь поймет народ (напрасно думать, что народ не поймет чего-нибудь настоящего, верного), а популяризации — не поймет.

Всякая популяризация, всякое оригинальничанье, всякое приспособление заранее лишает мысль ее творческого веса, разжижает ее, делает шаткой, студенистой. Caveat Academia, ne quid ratio detrimenti capiat [59].

Найденный верный чертеж можно спокойно вручить для разработки всяким настоящим рабочим рукам. Лучше — талантливым; но личных талантов бог не требует, он требует верности, добросовестности и честности. Если будет работать талант, обладающий этими качествами (и, кроме того, в данном случае государственным умом), то он сумеет вырастить на сухих прутьях благоухающие свежие и красные цветы Демократии. («Талантик» только нагадит). Если не будет таланта, чертеж останется верным, а Народ примет милостиво и простой и чистый рабочий труд.

Нельзя оскорблять никакой народ приспособлением, популяризацией. Вульгаризация не есть демократизация. Современем Народ все оценит и произнесет свой суд, жестокий и холодный, над всеми, кто считал его ниже

его, кто, не только из личной корысти, но и из своего... интеллигентского недомыслия хотел к нему «спуститься». Народ — наверху; кто спускается, тот проваливается. Это судьба и «Х — ов» и «Муравьев» — дело только во времени.

Это — моя мысль (после ванны), все еще засоряющаяся злостью. Ее надо очистить, заострить и пустить оперенной стрелой, она — коренная и хорошая.

Прелесть закатного неба, много аэропланов в вышине, заграница на Карповке [60], грусть воспоминаний в Ботаническом саду и около казармы, наши окна с Любой [61].

9 июля

Почтовый сюрприз [62]. Небольшая работа над Маклаковым (кончил II допрос, начал III).

Телеграммы от Любы и от мамы, и мои в ответ.

Прелесть Шуваловского парка, Парголова, купанья, заката. Свежий, крылатый, зеленый день. К вечеру — неожиданная встреча с Дельмас в Парголове.

10 июля

Почему я врал себе и маме, что Либер и Дан — большевики? Оба — меньшевики. Все это — моя «отвлеченность».

Сегодня — раздирающий день для меня, потому что я почти никогда не умею совмещать. Между тем сегодня «новое» врывалось в «старое», как никогда. Потому я измучен, просто — выпита вся кровь.

Едва я пришел во дворец, вся здравомыслящая обывательщина мнений его аборигенов кинулась на меня. Все наперерыв: арестовать большевиков, давно надо было, Россия гибнет, прорыв и бегство, какого никогда не было, и так далее, измена и прочее.

Кадеты приняли резко националистическую окраску. Миклашевский слабо защищается против риторического жара Родичева [63], потому что правда Миклашевского — пьяненькая, хорошая, бесшабашная, русская правда. Да ведь оба пьяненькие? Не правда ли? Слезы на глазах у обоих. Слезы Миклашевского лучше. Холодный Муравьев против ареста Ленина и старается ликвидировать спор. Щеголев принес «хорошие ужасные вести»: наши наступают на севере, Галич и Тарнополь снова в наших руках, остатки 11-ой армии расстреляны своими же, французы и англичане начинают наступление.

Это — «перерыв». А до и после — 5-часовой допрос умного Крыжановского, мне пришлось быть секретарем и строчить протокол, а документов оглашено и предъявлено больше, чем когда-нибудь. На возвратном пути меня заговаривал С. Ф. Ольденбург. Бывают же такие дни.

Буржуазные вечерние газеты — одна лихорадка: злобная травля, истерический ужас, угрожающие крики. А русский народ «бяжит» добродушно, тупо, подловато, себе на уме. Вот наша пьяненькая правда: «окопная правда». За что нам верить? За что верить государству? Господа всегда обманывали. Господа, хоть и хорошие, да чужие. Если это возобладает, будет полный государственный крах, но — разве я смею их

за это травить? Глупый, озлобленный, корыстный, тупой, наглый, а каким же ему еще, господи, быть?

Толпившиеся на-днях вечером с криками у Луна-Парка (когда оттуда выходит офицерье со своими б..... и, ей богу, хочется побить) арестовывали, оказывается, редактора «Окопной Правды», поручика Хаустова. Какая мерзость — «средний» человек, особенно, военный — «в отпуску».

День серый, какие-то холодные тряпки туч.

К ночи я долго слышу какие-то глухие удары, похожие на пушечную стрельбу (в стороне моря). По-видимому, это — мое воображение, потому что на улице никто не обращает внимания.

11 июля

С утра до полдня (4-го часа) — занятия стенограммами во дворце с Ольденбургом и Лесневским. Очень приятный день и освежающая прогулка вечером, а днем — покупка книг у Глебова [64], с которым мы давно не видались.

12 июля

Когда стреляют по своим, то обыкновенно стремятся произвести, главным образом, моральное действие, стреляют поверху. Однако (как теперь, по 11-й армии) перестреляли и совершенно невинных, случайно попадавшихся (Ольденбург).

Китайская книга о поэте написана Алексеевым [65], хорошо говорящим по-китайски. Вступление к драмам

Калидасы — восточная поэзия вообще требует творчества читателя, гораздо больше, чем западная (Ольденбург), она как бы требует усилия от желающего насладиться ею.

«Отделение» Финляндии и Украины сегодня вдруг испугало меня. Я начинаю бояться за «Великую Россию». Вчера мне пришлось высказать Ольденбургу, что в сущности национализм, даже кадетизм — мое по крови и что стыдно любить «свое», и что «буржуа» — всякий, накопивший какие бы то ни было ценности, даже и духовные (такова психология lanterne'а и всех предельных «бессмысленных» возмущений; Киприанович, поддержавший меня, внес поправку, что все это имеет экономическую предпосылку, но я думаю, что она— выпадает, сама собой, и ум, нравственность, а особенно уж искусство и суть — предмет ненависти. Это — один из самых страшных языков революционного пламени, но это — так, и русским это свойственно больше, чем кому-либо).

Если распылится Россия? Распылится ли и весь «старый мир» и замкнется исторический процесс, уступая место новому (или иному); или Россия будет «служанкой» сильных государственных организмов?

Деятельность Шептицкого [66], документ которого, прямо указывающий на австрийскую работу (документ щегловитовских времен), *** хочет опубликовать. Подозрения на Грушевского [67]. «Украинский сепаратизм — австрийская работа». Указания Белецкого на связь Ленина с Австрией. Юридическая квалификация измены и шпионства различна. «Пораженчество в данный момент — измена» (С. В. Иванов).

На фронте, повидимому, очень неблагополучно, и на западном, судя по сегодняшнему сообщению.

Я попрежнему «не могу выбрать». Для выбора нужно действие воли. Опоры для нее я могу искать только в небе, но небо — сейчас пустое для меня (вся моя жизнь под этим углом, и как это случилось). Т. е., утвердив себя, как художника, я поплатился тем, что узаконил, констатировал середину жизни — «пустую» (естественно), потому что слишком полную содержанием преходящим. Это—еще не «мастер» (Мастер).

Я пошел во дворец, где иногда слушал допрос Александра Алексеевича Хвостова, старого, умного, порядочного, может-быть, хитроватого. Занимался стенограммными мелочами.

На улице — скверно: выйдя, я увидел грузовик с вооруженными матросами («правительственные» или нет?). Всюду — команды, патрули конные и пешие, у хвостов солдаты. Появилось, периодически возникающее, хотя и редкое, отдавание чести. Всюду на стенах — объявление от министра внутренних дел, подписанное Церетелли. В книжных лавках книги теперь завертывают в старые законы.

Письмо от мамы и маме.

Произошло странное недоразумение: я записал для председателя слова Белецкого о большевиках, как о «первых христианах» и пр., сказанные в крепости 6 июля. Председатель сказал, что, наоборот, Белецкий говорил о меньшевиках; когда я хотел взять бумагу обратно, Муравьев спрятал в карман и сказал «зачем же вам переписывать?» *** согласен со мной, что Белецкий говорил именно о большевиках.

Кончил III допрос Маклакова.

Несказанное в природе, а жизнь, как всегда при этом, скучна и непонятна; непонятно особенно: тихо, военно, скверные газетные вести. Швейцар Степан хорошо рассказывает о прелестях братанья, которые нарушил Керенский. На улице зажглись фонари, министерство финансов напечатало еще 2 000 000 000 бумажек, намеки на «Париж» на улице («артист с гитарой» в кафэ).

Я никогда не возьму в руки власть, я никогда не пойду в партию, никогда не сделаю выбора, мне нечем гордиться, я ничего не понимаю.

Я могу шептать, а иногда — кричать: оставьте в покое, не мое дело, как за революцией наступает реакция, как люди, не умеющие жить, утратившие вкус жизни, сначала уступают, потом пугаются, потом начинают пугать и запугивают людей, еще не потерявших вкуса, еще не «живших» «цивилизацией», которым страшно хочется пожить, как богатые.

Ночь, как мышь, юркая какая-то, серая, холодная, пахнет дымом и какими-то морскими бочками, глаза мои, как у кошки, сидит во мне Гришка [Распутин], и жить люблю, а не умею, и — когда же старость, и много, и много, а за всем — Люба.

Дети и звери. Где ребята, там собака. Ребята играют, собака ходит около, ляжет, встанет, поиграет с детьми, дети пристанут, собаке надоест, из вежливости уж играет, потом — детям надоест, собака разыграется. А день к вечеру, всем пора домой, детям и собаке спать хочется. Вот это есть в ***. Травка

растет, цветочек растет, лежит собака пушистая, верная, большая, а на песочке лепит каравай, озабоченно высыпает золотой песок из совочка маленькая...

14 июля

Письмо от тети, от 7 июля, — о мамином беспокойстве, об одиночестве шахматовском и о том, что они собираются приехать в конце июля — начале августа на мамину квартиру.

Государство не может обойтись без смертной казни (Керенский!). Государство не может обойтись без секретных агентов, т. е. провокаторов. Государство не может обойтись без контр-шпионажа, между прочим заключающегося в «добывании языка». Братанье кончилось тем, что батальонный командир потребовал «добыть языка». С немцами давно жили дружно, всем делились. Посовещались и не добыли. На следующий день командир повторил приказание с угрозой выслать весь батальон в дозор. Батальонные и ротные комитеты на фронте бессильны. Ослушаться нельзя. Двух немцев, пришедших по обыкновению брататься (там — тоже не слушались начальства, и немцы тоже отказывались наступать), забрали и отправили в штаб дивизии (что с ними там делали — неизвестно, но обыкновенно «языки» подвергаются пытке и пр.). Немцы вывесили у проволочных заграждений плакат: верните наших двух товарищей, иначе вам будет плохо. Стали совещаться, что поступили подло, но вернуть уже не могли. Немцы вывесили второй плакат: пришлите нам одного из ваших, мы его отпустим. Смельчак нашелся, пошел

к немцам. И вернулся обратно, цел. Немцы вывесили третий плакат: верните нам наших, как мы вернули вам вашего, иначе вам будет плохо. Когда это не подействовало, открыли огонь по нашим окопам. Два дня свирепствовала немецкая артиллерия (к нашим окопам уж наверняка пристреллялись, что наши окопы?) и выбили из каждой роты по 60 человек (вчера рассказал мне швейцар). Какая страшная трагедия!

Его же рассказы: Керенского бранят, зачем начал наступление, когда одни согласны, а другие — нет. Без наступления и с братаньем война бы кончилась. Что отравляли братающиеся немцы — газетное вранье. Еще бранят Керенского за то, что никуда негодных белобилетников и стариков берут и держат, даром тратя казенные деньги, а молодых рабочих с заводов, которые пошли бы в бой, будучи уже обучены, если их смешать с другими, не берут.

Вы меня упрекаете в аристократизме? Но аристократ ближе к демократу, чем средний «буржуа».

День с утра такой же таинственно-холодный, как вчера, но к середине дня выходило солнышко, и сразу легче было на душе. А я тружусь над Виссарионовым (он — бедный труженик, бедный ребенок).

Вчера я жалел себя, что приходится уходить из парка в Шувалове. Жить бы (пожить) в деревне, с Любой.

22 страницы первого допроса Виссарионова.

В хвостах, говорит Агния [68], страшно ругают «буржуазию». Какого-то чиновника чуть не разорвали. Рабочий говорит: «Что мне пятьдесят рублей?» Курица стоит 7 рублей.

Занятие А. Н. Хвостовым (толстым): противно и интересно вместе. Вот придворные помои, гнусная сенсация, жизнь подонков общества во всей ее наготе.

15 июля

Письмо от мамы от 4 июля!

Телефон от А. В. Гиппиуса [69], которого я вчера не застал. Шувалово и Парголово. Вечер у Жени Иванова [70], его жены и у моей крестницы. Без меня звонил Чулков.

Ночью вопит сумасшедший: «Темные силы! Дом 145, квартира 116, была хорошенькая б...ь Надя, ее защищал полицейский!». Требует, чтобы его вели в комиссариат. Его ведут к Николаю Чудотворцу [71], уговаривая: «Товарищ, товарищ, не надо ломаться». Он кричит: «Прикрываясь шляпой»!

Ночью телефон с Дельмас — ее брат ранен на войне и умер в Киеве.

16 июля

Деньги от Пашуканиса. С утра забастовали пекаря, и нет хлеба... *** говорил, что для того, чтобы попасть в партию большевиков, надо внести 2 000, и тогда откроется всякое «продовольствие» и все винные погреба (орудуют бывшие полицейские).

Рассказав об отсутствии хлеба (4 бабы подрались в хвосте), Агния, однако, достала прекрасного кисловатого хлеба.

Как всегда бывает, после нескольких месяцев пребывания напряженного в одной полосе, я притупился, перестал расчленять, события пестрят в глазах, противоречивы; т. е. это утрата некоторая пафоса, в данном случае революционного. Я уже не могу бунтовать против кадет и почитываю прежде непонятное в «Русской Свободе» [72]. Это временно, надеюсь. Я ведь люблю кадет по крови, я ниже их во многом (в морали, прежде всего, в культурности потом), но мне стыдно было бы быть с ними.

Письмо маме (длинное). Висса ионов — I допрос — 23 страницы.

Солнышко к вечеру, и светлей и теплей мне, бедному зверю.

Записка Любе.

Какой-то жуткий вечер после хорошего дня. Телефон от Чулкова. Взгляд сумасшедшего в кафэ, который погрозил мне пальцем. Л. Дельмас — с ней поздний вечер. Сегодня она пленила Глазунова [73].

17 июля

Описано в записной книжке [74].

18 июля

С утра — заседание в Зимнем дворце с С. Ф. Ольденбургом, Миклашевским и Лесневским; обедал и вечером у меня А. В. Гиппиус. Телефон от В. А. Зоргенфрея [75].

19 июля

Утром приехала Маня [76] с большим письмом от Любы и с сундуками. Все это меня очень взбудоражило,

поднялось много со дна души — и хорошего и плохого. Наработать сегодня столько, чтобы пришло все внутри в порядок.

---

36 страниц стенограммы Крыжановского и протокол заседания 10 июля — огромная работа до после обеда.

В России очень... [77].

Телефон от Пяста.

Дождь к вечеру (от гари?)...

Безмятежность?

20 июля

41 страница Крыжановского. Письма маме и Любе. Купанье в Шувалове. Полная луна. Дельмас. Письмо от мамы от 12 июля.

21 июля

День довольно значительный. С утра во дворце — заседание стенографической подкомиссии. Интересный вопрос по поводу бумаг Крыжановского. Х. умно и жестоко говорит, что в политических целях (не только юридически) совершенно возможно печатать даже автобиографию, даже письма из перлюстрации (если это представляет политический интерес).

Мы этого не сделаем; мой вывод, что мы поступили мягко и тактично, соответственно с политическим моментом, требующим, чтобы не возникали все новые обвинения против нового режима. Но государство и право (база его) суть чудовища те же, и размах власти их (в котором есть скрип костей и свист сквозняка) так силен, что люди уже им не владеют.

Государство может, да; как мы после этого отнесемся к государству — другой вопрос.

Л. Я. [Гуревич] предлагала повлиять на Муравьева в смысле отчета через сенатора Андроникова [78].

Днем началось наше заседание об отчете (мой протокол). Ольденбург и председатель сказали мне несколько любезностей, и я принужден согласиться попробовать писать очерк о Протопопове. Мур[авье]в сказал, что будет мне помогать. По-моему, попрежнему нет плана; что будет из ряда очерков, я не представляю. Почему это отчет?

Но матерьял интересен, и я испытаю силы над Протопоповым.

Миклашевский, во время заседания, рисовал меня (как же я стар). Л. Я. Гуревич была, совсем больная (сердце).

Дома нашел неожиданно письмо от мамы от 18 июня; розы и красная записка от **.

В газетах — плохо.

Нет рокового, нет трагического в том, что пожирается чувственностью, что идет, значит, по линии малого сопротивления. Это относится и к Протопопову и ко мне. Если я опять освобожусь от чувственности, как бывало, поднимусь над ней (но не опущусь ниже ее), тогда я начну яснее (думать) и больше желать.

...Непомерная усталость.

22 июля

Муравьев высказал вчера, что Чрезвычайная следственная комиссия изживает свой век, пожелал ей

закончиться естественным путем и сказал, что естественным пределом ее работы будет созыв Учредительного собрания.

Шуваловский парк, поле, купанье — весь день — жаркий день.

23 июля

Дует холодный ветер.

Кончен допрос Крыжановского. Приведен в окончательный вид Горемыкин и Маклаков (без одного документа). Приведение в порядок других стенограммных дел. Чтение Комиссарова с выписками (до того — мало интересного мне Беляева), Макарова с выписками. Когда им (напр., Комиссарову или Макарову) приводится литературная ссылка (обоим этим, напр., на рассказ *Л.* Андреева о семи повешенных), то они игнорируют, даже как будто недовольны.

Восхитительные минуты (только минуты) около вечерних деревьев (в притоне, называемом «Каменный остров», где пахнет хамством). *** я просил быть тихой, и она рассказала мне, как бывает, сама того не зная, только ужасы. Между прочим: юнкера Николаевского кавалерийского училища пили за здоровье царя.

Отчего же после этого хулить большевиков, ужасаться перед нашим отступлением, перед дороговизной и пр., и пр., и пр.? Ничтожная кучка хамья может провонять на всю Россию.

Боже, боже, — ночь холодная, как могила. Швейцар сегодня рассказывал мне хорошо об офицерском хамстве. Вот откуда идет «разложение армии». Чего же после этого ждать?

24 июля

Что же? В России все опять черно и будет чернее прежнего?

Дворец. Уход Ольденбурга (министр народного просвещения). Разговор с Тарле [79]. Допрос Маркова II и Нератова. Разговор с председателем об отчете. Разговор с Миклашевским и Л. Я. Гур[евич]. Вечером у меня композитор Аврамов, основатель общества «Леонардо да-Винчи». Слухи: Одесса эвакуирована, эвакуация сопровождалась «еврейским погромом с большевистскими лозунгами»; наша румынская армия отрезана.

Письмо маме.

25 июля

Итак (к сегодняшнему заседанию об отчете):

Если даже исполнить то, что записано мной в протоколе, получится ряд несвязанных между собой статей, написанных индивидуально разными лицами. Кто их свяжет и как?

Сколько бы мы сейчас ни говорили о масштабе статей, полного масштаба установить нельзя по текучести матерьяла.

Выйдет компромисс.

Мыслимо: или — большое исследованье, исследованье свободное, с точки зрения исторической подходящее к явлениям, требующее времени, пользующееся всем богатейшим матерьялом; или — доклад политический, сжатый, обходящий подробности во имя главной цели (обвинение против старого строя в целом).

Я останавливаюсь, по причинам многим и высказанным многими, на последней форме.

Что это конкретно: это — двухчасовая речь, каждая фраза которой облечена в невидимую броню, речь, по существу, военная, т. е. внешним образом — холодная, общая, важная (Пушкин), не обильная подробностями, внутренно же — горячая, напоенная жаром жизни, которая бьется во всех матерьялах, находящихся в распоряжении комиссии. Следовательно, каждая фраза такой речи может быть брошена в народ, и бросить ее можно, как угодно. Пусть с ней поиграют, пусть ее бросят обратно, — она не разобьется, ибо за ней — твердое основание, она есть твердое обобщение непреложных фактов.

Параллельно этой речи может стоять чисто криминальный отчет. А главное — матерьялы, все множество которых всегда может быть к услугам Учр[едительного] собр[ания].

Мне кажется, что, строя доклад таким образом, мы избежим крупнейшей опасности: преувеличить значение имен, что как бы подтвердит легенду, создаст ошибку чисто зрительную. Опять конкретизирую примером: Протопопов (даже) — личность страшно интересная с точки зрения психологической, исторической и т. д., но вовсе не интересная политически. Так сказать, не он был, а «его было», как любого из них. Если мы лишний раз упомянем это маленькое имя, которое связано со столькими захватывающими не политически фактами, то окажем плохую услугу — и народу, который будет продолжать думать о его значительности, и комиссии, и самому Протопопову.

В 4 часа было заседание, на котором мне удалось это более или менее высказать. Председатель отнесся мило и с улыбкой усталости, Тарле — загадочно, Щеголев — съязвил, горячо поддержали Миклашевский и Гуревич, улыбался ласково и соглашался С. В. Иванов, молчали евреи (Х. — злобно), Черномордик сказал речь на-двое, как Х—ский козел отпущения, Романов отнесся мало как (кажется, и Смиттен), кажется, остался недоволен добрый В. А. Жданов, «большевик».

Ужасные мысли и усталость вечером и ночью (отчасти — от чтения мерзостей Илиодора) [80]. Старший дворник — его речи против правительства; несчастия, сыплющиеся на Россию.

26 июля

Утром будет опять заседание — без председателя (Муравьева), с Тарле. Председательствует С. В. Иванов, который сказал вещь, стоящую многого, освещающую все положение, как прожектором.

— Что такое эти люди? Мы сами виноваты, что не умели управлять ими, и я — один из первых. Мы виноваты больше их. Оставим это... [81].

В результате пришли к какому-то компромиссу, который мне придется излагать в протоколах.

Купанье.

27 июля

Письмо от уехавшей куда-то Дельмас.

В народе говорят, что все происходящее — от падения религии; что в Сенате украли отречение Николая II.

Большевики переведены в Петропавловскую крепость (Козловский, Суменсон, Коллонтай).

И. И. Манухин в первый раз обозлился — за то, что на него перевалили всю ответственность за Макарова, которому вредно сидеть в крепости.

Это бывало раньше (перебрасыванье ответственности), но сейчас родственники подняли голову и наседают. Другая музыка пошла.

Николая Романова комиссия решила не допрашивать (Учредительное собрание, а мы — остаемся в пределах своих «трех классов»).

С. В. Иванов (и С. Ф. Ольденбург) несогласны с председателем издавна в отношении к заключенным (у них — меньше политики). Теперь это опять особо подчеркивается.

Записывая все эти мелочи, доступные моему наблюдению, я, однако, записываю как «повернулась история». Я хочу подчеркнуть, как это заметно *даже* в мелочах (не говоря о крупном).

И все-таки, при всей напряженности, думаешь минутами постоянное: «Хорошо бы заняться серьезным делом — искусством». «Давно, лукавый раб...».

Что это в Шуваловском парке? Молодость, невеста, белая лошадь, вечерние тени, скамья в лощине.

...В частности (об отчете): Х. и... Черномордик злятся, говорят мне любезности, а, в результате, заняли теперь ту позицию, что «я занял выгодную позицию», а они — честные труженики, дающие мало, но дающие верное...

Усталость, лень, купанье, усталость.
Черно, будущего не видно, как в России.

28 июля

Опять заседание с отрицательным результатом. К моему [мнению] уже тяготеет, кроме Л. Я. Гуревич и Миклашевского (сегодня отсутствовавшего), и С. В. Иванов; а Тарле уже сидит между двух стульев...

Письмо от мамы и тети (от 24 июля). Письмо маме.

Отчего (кроме лени) я скверно учился в университете? Оттого, что русские интеллигенты (профессора) руководились большею частью такими же серыми, ничем не освещенными изнутри «программами», какую сегодня выдвинул Тарле, которая действительно похожа на программу... гимназиста Павлушки и с которой сегодня уже спорили. Ничего это не говорит. От таких программ и народ наш темен и интеллигенция темна.

Я пошел к Пясту, который вчера мне звонил, встретил его на улице и прошел с ним несколько шагов.

К ночи — длинный разговор с Феролем,[82] который звонил мне на-днях и опять позвонил. Уезжает в Софроново[83]. Он советует маме жить в санатории с осени, я возражал. Разговор длинный и доверчивый с моей стороны, сухой и деловой с его, и потому — для меня тяжелый. Верно, опять буду видеть тяжелые сны.

Что же, действительно все так ужасно или...[84] Погубила себя революция?

Тихая душная ночь, гарь. А. Тома[85], уезжая, назвал Петербург «б.....м», офицеры английского

генерального штаба пророчат голод и немцев и советуют всем, кто может, уезжать отсюда.

29 июля

Усталость моя дошла до какого-то предела, я разбит. Ленивое занятие стенограммами. Досадую на Любу, зачем она сидит там и не едет, когда уже поздно [86].

30 июля

Воротясь вчера ночью (после купанья и встряски), я нашел пакет от П. Б. Струве «весьма срочно и спешно». В пакете — приглашение в члены Лиги русской культуры и приглашение к участию в первом публичном собрании Лиги (с приложением 9 № «Русской Свободы»).

Кончен I допрос Виссарионова. Бедный...

Вопрос о вступлении в Лигу для меня: А. Конкретные: 1. Горький. Горького нет, а Родзянко есть (связь с бурцевскими нападениями), 2. Укрепление государственности (из воззвания учредителей «К русским гражданам») 3. Отношение к еврейскому вопросу. 4. Присутствие правых и москвичей.

Б. Общий: тяготение мое к туманам большевизма и анархизма (стихия, «гибель», ускорять «лики роз над черной глыбой» [87]).

Пришел Женя Иванов, посидели немного, поговорили... [88].

За: А. Конкретное: Лига русской культуры — 1. Объединение не классовое, но политическое, над

политическими формами и течениями, 2. Просветительная деятельность, 3. Присутствие Струве и Ольденбурга среди учредителей.

Б. Общий: зацепка за ж и з н ь, участие в жизни, которое пока мне нужно («железный день»; нельзя ускорить «вечер»).

Глубокоуважаемый Петр Берн. Тщательно взвесив для себя ваше предложение вступить в число членов Лиги русской культуры, я пришел к заключению, что только одно обстоятельство могло бы служить для меня препятствием: это обстоятельство выражается и конкретно и символически в отсутствии среди учредителей имени Горького, или говоря еще больнее и острее: е с т ь М. В. Родзянко и н е т Горького. Понимая всю фактическую невозможность совмещения, принимая во внимание всю полемику июльских дней, не принадлежа ни к какой партии, я, тем не менее, воспринимаю это болезненно и остро, имею потребность сказать, что нужно изыскать какие-то чрезвычайные средства для обретения Горького, хотя бы для того, чтобы его имя прошло через «Лигу русской культуры» (по-человечески, что ли, как это делается, избрать «почетным членом», а потом — пусть отказывается и ругается). Ведь первоначально нужно, чтобы родился звук, который потом может оформиться, облечься в плоть «слова» или «дела», или не оформиться — остаться звуком и отлететь; но дело в том, что всякий скажет, что в истории русской культуры имя автора «Исповеди» и «Детства» знаменательнее, чем имя председателя IV Думы, что бы ни произошло.

Знаю, что эта боль — не только моя, личная, и что она выразилась, например, еще на-днях в письме С. Ф. Ольденбурга, одного из учредителей Лиги; и потому, зная это, я с благодарностью принимаю ваше приглашение и прошу вас передать мою глубокую благодарность временному комитету Лиги.

Что касается вопроса об участии моем в первом публичном собрании, то я хочу этого, думаю об этом серьезно и буду думать, но боюсь, что, кроме моих постоянных занятий (я редактирую стенографические отчеты Чрезвычайной следственной комиссии), у меня могут теперь как-раз явиться еще более спешные и ответственные (в той же комиссии); так что, в этом случае и при том разъединении, которое существует в моей собственной душе, я не сумею ничего обдумать и написать без ущерба для служебной работы. Искренно преданный вам Ал. Блок [89].

Знаменательнейшая «выноска» Булгакова (найти) [90]. Булгаков упрощает (большевизм и Распутин).

Цепом молотили медовый клевер, жирную кашку, — которой потом великорусские поля. . . [91].

Большевизм (стихия) — к «вечному покою» († покосившийся). Это ведь только сначала — кровь, насилия, зверство, а потом — клевер, розовая кашка. Туда же — и чувственность (Распутин). Буйство идет от вечного покоя и завершается им. Мои «Народ и интеллигенция», «Стихия и культура» [92].

Сковывая железом, не потерять этого драгоценного буйства, этой неусталости.

Да, не так страшно. «Тяжкий млат, дробя стекло, кует булат».

Эта последовательность метаний, способность жить в вечном разногласии с собой... Лава под корой...

После обеда я успел, однако, весело удрать в Шувалово и выкупаться. За озером — «Сияй, сияй мне, далекий край. Бедному сердцу — вечный рай». В чем дело, что так влечет?

Оказывается, озеро железистое, потому вода желтая. Доктора прописывают некоторым купанья там. Около Парголова есть руда.

Купаясь в глубокой купальне (на этом берегу), я убедился, что все-таки могу плавать, нет еще только той сноровки, какая требуется и для велосипеда и, вероятно, для лошади, хотя к лошади я слишком уж привык.

31 июля

Телефон от Егорова, который уже выдержал экзамен на прапорщика инженерных войск.

Во дворце. Сначала иногда особо надоедающее бесконечное здорованье друг с другом. На допросы чинов министерства юстиции не пошел. Примостившись в столовой, довольно долго делал выписки из протопоповских записок. Все-таки начало положено. Около 5-ти — удрал купаться. Жарко очень.

Царя перевезли в Суздаль или Кострому.

Жду мою Любу.

1 августа

Люба приехала утром.

Заседание в комиссии (редакционной) с Д. Д. Гриммом [93].

Его соображения о верховной власти. Х. продолжает читать лекции сенаторам и членам Государственного совета, которые его выслушивают. Скептицизм Идельсона, который давно убеждает меня вернуться в дружину.

Я, повидимому, беру, кроме Протопопова, «Последние дни старого режима» [94]. Зной и ветер, парк и купанье. Весь вечер — разговор с Любой.

Письмо маме.

2 августа

Письмо от мамы. Видно, что ее беспокойство все больше питается глушью Шахматова.

Сдаю I-го (допрос) Маклакова (готового) [95].

Тяжелый и мрачный допрос Гучкова [96]. Ссоры в президиуме. Серость и хамоватость придворных Муравьева (г. ***).

Люба у Вольфа. Как Люба изменилась, не могу еще определить в чем. Купанье.

3 августа

Люба встала в 6 часов утра и побежала на Варшавский вокзал за молоком; вообще, увлеклась хозяйством.

Весь день я составляю по газетам канву из известного политического матерьяла для того, чтобы расшивать потом по ней узоры матерьялов, добытых комиссией

(сегодня и вчера вечером—с декабря до половины января 1917 г.).

Вечером с Любой нашли для тети маленькую комнату в соседней с нами квартире за 45 рублей!

Телефон от Пяста.

Душно, гарь, в газетах что-то беспокойное. Я же не умею потешить Любу, она хочет быть со мной, но ей со мной трудно: трудно слушать мои разговоры. Я сам чувствую тяжесть и нудность колес, вращающихся в моем мозгу и на языке у меня. «Старый холостяк».

Люба говорила сегодня, что думала в Пскове о коллективном самоубийстве (тоже!). «Слишком трудно, все равно — не распутаемся». Однако подождем еще,— думает и она.

Все полно Любой. И тяжесть и ответственность жизни суровой, и за ней—слабая возможность розовой улыбки, единственный путь в розовое, почти невероятный, невозможный.

В газетах на меня произвело впечатление известие о переезде синода в Москву и о возможности закрытия всех театров в Петербурге. Теперь уж (на четвертый год) всему этому веришь. Мы с Идельсоном переговариваемся о том, как потащимся назад в дружину. Тоска. Но все-таки я кончаю день не этим словом, а противоположным: Люба.

Происходит ужасное: смертная казнь на фронте, организация боеспособности, казаки, цензура, запрещение собраний. Это—общие слова, которые тысячью дробных фактов во всем населении и в каждой душе пылят. Я пошел в «Лигу русской культуры», я буду читать «Русскую Волю» (попробую; у «социалистов»

уже не хватает информации, они вышли из центра и не захватывают тех областей, в которых уверенно и спокойно ориентируются уже «буржуа»; «их» день), я, как всякий, тоже игрушка истории, обыватель. Но какой полынью, болью до сладости, все это ложится на наши измученные войной души! Пылью усталости, вот этой душной гарью тянет, голова болит, клонится.

Люба.

Еще темнее мрак жизни вседневной, как после яркой... [97]. «Трудно дышать тому, кто раз вздохнул воздухом свободы». А гарь такая, что, повидимому, вокруг всего города горит торф, кусты, деревья. И никто не тушит. Потушит дождь и зима.

Люба.

4 августа

Опять — Любино хозяйство и уют утром. Во дворец — злой. Разговор с Домбровским, который рассказывал о крупном провокаторе, игравшем роль в протопоповской истории. Пришел Милюков [98], начали его спрашивать (розовый, гладко выбритый и сделанный подбородок, критически кривящиеся усы, припухшие глаза, розовые пальцы с коротко остриженными ногтями, мятый пиджачок, чистое белье).

Я ушел, потому что председатель поручил мне отредактировать к завтрашнему дню (для Керенского) всю вторую половину допроса Хвостова (толстого). Телефон от Зоргенфрея, В. А. 37 страниц стенограммы II допроса Хвостова. Увлекательно и гнусно.

Разговор с Любой за обедом, совесть беспокойная.

Письмо маме. Мысли как будто растут, но все не принимают окончательной формы, все находится в стадии дум. Следует, кажется, наложить на себя запрещение — не записывать этих обрывков, пока не найдешь формы.

5 августа

День для меня большой. Заседание во дворце, из частей которого для меня стали немного выясняться контуры моей будущей работы. Вместе с тем я чувствую величайшую ответственность, даже боюсь несколько. Тему я определил с 1 ноября.

Мне поручено заведывание всеми стенограммами с литературной стороны и привлечение помощников для завершения работы.

Большой разговор с Д. Д. Гриммом по этому поводу.

Разговор с Тарле о моей теме.

Разговор с председателем о стенограммном деле и представление моей работы, которую он принял, сделает свои отметки, и переписанные части пойдут к Керенскому.

Купанье. Без меня звонил Пяст.

Утром — письмо от Струве (замечательные слова о Горьком) [99].

К ночи — сильнейшее возбуждение после купанья и всего дня.

Я принес из дворца — 1) записку (по заказу его величества) с выпиской, между прочим, моих стихов («Грешить бесстыдно»); 2) десять фотографий Чрезвычайной следственной комиссии.

6 августа

Люба получила [100] для пробы работу над Виссарионовым II!

Большой разговор с Пястом по телефону.

«Русская Свобода» № 12-13, в котором опять цитируется «Грешить бесстыдно, непробудно»...

Письмо от мамы—очень нервное и больное. Бедная мама.

Вчера выяснилось, что когда Тарле сказал, что хочет со мной работать над Протопоповым, Иосиф Виталье-вич Домбровский, председатель, решительно сказал, чтобы я писал один.

Между двух снов:

— Спасайте, спасайте!

— Что спасать?

— «Россию», «Родину», «Отечество», не знаю, что и как назвать, чтобы не стало больно и горько и стыдно перед бедными, озлобленными, темными, обиженными!

Но — спасайте! Желто-бурые клубы дыма уже подходят к деревням, широкими полосами вспыхивают кусты и травы, а дождя бог не посылает, и хлеба нет, и то, что есть, сгорит.

Такие же желто-бурые клубы, за которыми—тление и горение (как под Парголовым и Шуваловым, отчего по ночам весь город всегда окутан гарью), стелятся в миллионах душ, пламя вражды, дикости, татарщины, злобы, унижения, забитости, недоверия, мести — то там, то здесь вспыхивает; русский большевизм гуляет, а дождя нет, и бог не посылает его.

Боже, в какой мы страшной зависимости от твоего хлеба! Мы не боролись с тобой, наше «древнее

благочестие» надолго заслонило от нас промышленный путь; твой промысл был для нас больше нашего промысла. Но шли годы, и мы развратились иначе, мы остались безвольными, и вот теперь мы забыли и твой промысл, а своего промысла у нас попрежнему нет, и мы зависим от колосьев, которые ты можешь смять грозой, истоптать засухой и сжечь. Грозный лик твой, такой, как на древней иконе, теперь неумолим перед нами!

7 августа

Проснувшись: и вот задача русской культуры — направить этот огонь на то, что нужно сжечь; буйство Стеньки и Емельки [101] превратить в волевую музыкальную волну; поставить разрушению такие преграды, которые не ослабят напор огня, но организуют этот напор; организовать буйную волю; ленивое тление, в котором тоже таится возможность вспышки буйства, направить в распутинские углы души, и там раздуть его в костер до неба, чтобы сгорела хитрая, ленивая, рабская похоть. Один из способов организации — промышленность («грубость», лапидарность, жестокость первоначальных способов).

Допрос П. Н. Милюкова — интересный, хотя немного внешний. Хлопоты стенографические и отчетные, утомительные мелочи. Вечером — М. В. Бабенчиков [102] (рекомендованный мне Д. Д. Гриммом), которому я отдал для редактирования стенограмму Веревкина. Сплошь рабочий день.

8 августа

День крайнего упадка сил. Работаю много, но не интенсивно — от усталости. Телефон с Пястом.

Записка маме.

9 августа

Работа несколько интенсивнее. Купанье. Я наговорил капризных неприятностей Любе. Вечером у меня Пяст, которому я отдал для редактирования стенограмму Ладыженского. Пяст читал свои красноуфимские впечатления. Пяст признал сам себя годным при переосвидетельствовании.

10 августа

... Люба весь день трудилась над II [допросом] Висссарионова.

Бурный день во дворце. Все окончательно злые и нервные, Муравьев всех задергивает. Мирились и ссорились. Муравьев едет на московское совещание (послезавтра — первый день). Слухи о каких-то будущих бомбах с чьих-то аэропланов и о выступлениях, в связи с отъездом всех в Москву. Мы эвакуировали в Москву по одному экземпляру всех (почти) стенограмм. В хвостах говорят, что послезавтра не будет хлеба (Агния). У меня страшно взвинченное и нервное состояние, и я не жду даже [ничего] от ближайших дней. Может-быть, все это — одни нервы.

Сегодня начался процесс Сухомлинова, утром боялись, что он будет сорван.

Умер Ф. А. Червинский.

«Биржевка» и «Русская Воля» тревожны.

Ночью — телефон от ***, который сегодня попал под автомобиль и ушиб ногу. Он прикомандирован к бюро печати военной цензуры, находящейся в ведении политического отдела военного министерства (новое учреждение, руководимое Степпуном [103]).

От стенограмм и он и его дядя отказались.

На улице я встретил очень невеселую Дельмас.

Бабенчиков приносил Веревкина (без меня, так как меня председатель вызвал для разговора о стенограммах).

Письмо от мамы.

Что такое московское совещание? О чем? Если оно не оправдает тех громадных надежд, которые на него возлагаются, это будет большим ударом прежде всего по Временному правительству...

11 августа

Работа не очень плодотворная. Купанье. Телефон с Женей, который возьмет стенограммы Ладыженского вместо отказавшегося Пяста. Ночью *** принес мне долг (400 руб.) и долго рассказывал: если вычесть его хамское происхождение, военные кастовые точки зрения, жульническую натуру, страшную хвастливость, актерский нигилизм, то останется все-таки нечто «ценное», что можно назвать «современностью», неприкаянностью (а главное — по-своему любит Россию и узнал о ней довольно много).

Письмо из «Народоправства».

Люба сверила Фредерикса.

Взрыв на ракетном заводе.

Уж очень красивые, обаятельные дни (умеренно жарко).

12 августа, суббота

Сегодня — первый день московского совещания (?). Здесь ожидались волнения, но их не было. Не особенно интенсивная работа до 4 часов дня. Купанье.

Письмо маме.

Ночью — какие-то странные вспышки на небе прямо перед моим окном, далеко. Гроза? Зарницы? Но воздух холодный. Может-быть, ракеты? Или прожектор?

Ночь (на воскресенье) производит впечатление рабочей, городской шум еще не улегся, гудки, горят фонари над заводами. А мерцающие вспышки, желтые, а иногда бледные, охватывающие иногда большую полосу неба, продолжаются, и мне начинает казаться, что за городским гулом я слышу еще какой-то гул.

Все-таки я еще немного подумал над работой. Люба спит.

13 августа

Конечно, это был гром.

Письмо от мамы — очень нервное, и от тети к Любе, что мама перестала поправляться. Вчера на московском совещании говорил и Керенский, Авксентьев, Прокопович и Некрасов [104]. О речи Керенского, полной лирики, слез, пафоса — всякий может сказать: Зачем еще и еще? Некрасов сообщил страшные цифры.

Раннее утро было дымное. Потом пошел прохладный дождь, а на небе — розовые просветы. Работаю.

Днем у нас Бабенчиков и Женя (по редакционным делам и чай).

14 августа

С раннего утра до обеда — работаю, статистика стенограмм, доклад или справка, которую я дал Гримму или председателю. Если из этого ничего не выйдет, то господа секретари и госпожи переписчицы погубят государственное дело, недоступное пониманию юристов-специалистов и барышен. Телефон с Л. Я. Гуревич...

15 августа

... Едва моя невеста стала моей женой, лиловые миры первой революции захватили нас и вовлекли в водоворот. Я первый, так давно тайно хотевший гибели, вовлекся в серый пурпур, серебряные звезды, перламутры и аметисты метели. За мной последовала моя жена, для которой этот переход (от тяжелого к легкому, от недозволенного к дозволенному) был мучителен, труднее, чем мне. За миновавшей вьюгой открылась железная пустота дня, продолжавшего, однако, грозить новой вьюгой, таить в себе обещания ее. Таковы были междуреволюционные годы, утомившие и истрепавшие душу и тело. Теперь — опять налетевший шквал (цвета и запаха определить еще не могу).

Б. В. Савинков [105], описывая когда-то в «Коне бледном» убийство Сергея Александровича, вспоминал клюквенный сок.

Компания театра Комиссаржевской, Зинаида Николаевна [106] (близость с Керенским), сологубье [107], териокская компания, военное министерство нового режима, «Балаганчик» [108], произведение, вышедшее из недр департамента полиции моей собственной души, Распутин (рядом — скука), Вячеслав Иванов [109], Аблеухов, Ремизов [110] и эс-эровщина (пришел сосед по квартире Шульман [111], принесший мне избирательные списки в центральную городскую думу — оказался родственником) — вот весь этот вихрь атомов космической революции. Когда, куда и какими мы выйдем из него, мы ли с Любой выйдем?

Письмо от мамы (от 12 августа).

Телефон от Александры Николаевны Чеботаревской [112].

Парк и купанье. В Шувалове я дважды видел Дельмас; она шла своей красивой летящей походкой, в белом...

16 августа

Энергичная расправа с нахрапом на стенограммы в унылом дворце (председатель еще не вернулся из Москвы, и вокруг столов бродят сонные мухи, неряхи и нагло-глупые насекомые — секретари).

Купанье. У Любы вечером А. Корвин [113].

17 августа

Четырнадцатая годовщина [114]. К Любе звонила утром Муся [115], привезшая дичь из Боблова [116]. С утра у меня Женя по случаю стенограммы Ладыженского.

Работа до обеда. Вечером Люба пошла к своим за провизией, принесла яблок душистых, утку. Вечером в Удельном лесу было душно под деревьями, а ночью пошел крупный, шумный, долгий дождь.

Письмо от Франца [117].

18 августа

Телеграмма Францу. Доклад председателю. Споры с секретарями. Разговор с Д. Д. Гриммом. Разговор с Тарле. Разговор с Миклашевским. Обед. А. Корвин. Программа моей главы [118].

19 августа

Люба у дантиста. Работа. Я передал Тарле программу своей главы и список намеченных вопросов. Чтение докладов Витте, Столыпина и Булыгина с царскими резолюциями (о Шмидте [119], подавлении революции и др.). С *** — у следователя В. М. Руднева (о Вырубовой, Белецком и положении сейчас). Ужасная усталость к вечеру.

20 августа

Мама приехала, с тетей, Аннушкой и Тиной [120]. Доехали недурно (сидя в первом классе), коридоры набиты любезными солдатами.

Утром у меня Женя с Ладыженским (много потрудился, но, кажется, и мне придется).

Выборы в городскую думу (центральную). Мой «абсентеизм»...

Купанье. Парк. Усталость, голова. Завтрак с Любой у мамы. Из Шахматова — еда, цветы.

21 августа

Люба была ночью в «Бродячей собаке», называемом «Привал комедиантов» [121]. За кулисы прошел Савинков, привезенный из Музыкальной драмы, где чины военного министерства ухаживают за ⁂. Сегодня контрразведка должна представить ему доклад, где он вчера был. Производит энергичное впечатление.

Женю Иванова я готов иногда поколотить. Можно ли быть таким робким и распущенным! Мне придется работать над его «редакцией» больше, чем сам бы я работал.

Какие вообще люди бессознательные и недобросовестные: одни — от лени, злобности, каверзности и «наплевать», другие — от слюнявости, робости, вялости...

Сегодня Люба у дантиста.

Во дворце — упорный слух о сдаче Риги.

Военное министерство по прямому проводу из ставки узнало, что Рига еще не взята, но горит с нескольких концов.

Начало допроса Шингарева (см. записную книжку) [122].

Стенографический напор.

Купанье.

Я зашел к маме, которая нервна.

На улицах возбуждение (на углах кучки, в трамвае дамы разводят панику, всюду говорится, что немцы придут сюда, слышны голоса: «все равно, голодная смерть»). К вечеру как-будто возбуждение улеглось на улице (но воображаю, как работает телефон!), потому что пошел тихий дождь.

Люба хорошо в общем редактировала Виссарионова II (я прочел и кое-что исправил). Она над ним слезы проливала.

Умер Штюрмер.

Я подписал сверенного Любой Крыжановского.

22 августа

Газета: прорыв рижского фронта, небывалое падение рубля и голод в Москве.

Тетя переселяется в свою комнату. Я работаю весь день дома. У меня Бабенчиков, превосходно сделавший Веревкина, в противоположность стряпне Евгения Иванова, над которым я злобно мучаюсь, тратя втрое больше времени на его мазню, чем на чистую стенограмму.

23 августа

Утром Женя, которому я долго говорил неприятности и вернул стенограммы для переделок.

По дворцовым слухам, Венден уже взят, т. е. немцы прошли 80 верст.

Разговоры с Муравьевым (о стенограммах, Миклашевском, редакторах и сдельной плате), ***, Спичаковым-Заболотным (о Протопопове), С. В. Ивановым (он уходит из комиссии, как председатель беженской комиссии; беженцы из Риги уже появились; вопрос, дадут ли вагоны для их эвакуации).

Мама получала аттестаты на деньги в крепости [123].

Вечером — телефон от Княжнина.

Очень тяжело. Серый день, дождь к ночи.

24 августа

Черные газеты.

Много работы с утра — полдня.

Днем — у мамы (дал ей Гучкова).

Обедал Княжнин, желающий устроиться в комиссию. Письмо от Л. Я. Гуревич. Она готовится к смерти.

Вечером — Люба у своих. Телефон от Бабенчикова.

Резкий ветер, холодно, испанский закат, но черная, пустынная, железная ночь.

25 августа

Допрос Поливанова и Коковцева. Разговор с председателем; с приглашением Княжнина едва ли что выйдет. Путаник — Миклашевский. Занятия стенограммами — часы. Люба у заболевшей Анны Ивановы. Вечером я у мамы.

26 августа

После занятий, во второй половине дня — в комиссию. Хождение по следовательским камерам, комната переписчиц, стенограммы. Председатель велел представить записку о необходимости третьего редактора.

Обед с председателем, с ним к нему, провожаю его и Малянтовича [124] на Николаевский вокзал. Разговоры с Муравьевым по дороге (он заезжал проведать Макарова в лечебницу Герзони) и на платформе — о государственности, о положении сейчас, о Художественном театре. Муравьев считает себя социалистом и государственником, анархические просторы (полная свобода личности) в будущем. Государственная форма, могущая

дать полную свободу личности, есть, по его мнению, демократическая республика. Он хорошо знает В. И. Танеева, вольтерьянца. Уезжает к себе в именье — на Чуприяновку.

Возможно, что Чрезвычайная следственная комиссия будет скоро эвакуирована в Москву. Муравьев измеряет необходимость не опасностью от немцев, а упадком настроения в комиссии, которое поднимется в Москве, долженствующей, по его мнению, играть виднейшую роль в дальнейшем. Вероятно, он прав, хотя его лично, конечно, тянет к Москве. Вопрос в помещении служащих и в потребном числе вагонов.

Noli tangere circulos meos [125].

Вокзал кишит уезжающими. Я возвращался на автомобиле (бывшей великой княгини Марии Павловны), управляемом солдатом. Черная Казанская улица, прожекторы автомобиля и два луча прожекторов, ищущие в небе цеппелинов. Слабые лучи, бледные и короткие, сравнительно с лучами германского прожектора, охватывающего четверть неба, когда он поднимается ночью из-за снежного поля.

Люба была весь день у Анны Ивановны, которая больна.

27 августа

Ожидавшееся сегодня выступление большевиков до 12 часов дня не подтверждается.

Люба с утра ушла доставать билет для Анны Ивановны [126].

Утром у меня Женя, принес Ладыженского и Челнокова, я дал ему Волконского.

Мама сама предположила, в случае эвакуации (моей с Любой), переехать в Шахматово, с которым из Москвы легче поддерживать связь. Тетя?

Днем я у мамы (с тетей).

28 августа

Меня интересует вопрос: вчера в 1 ночи я ложился, слушая те же звуки, которые слышны были, когда я в первый раз сошел с поезда (этапного) в Ловче I, в жаркий летний день: далекая канонада. Сегодня с утра (в казначейство за маминными деньгами)—звуки, похожие на пушки. Между тем, гроза (небесная, настоящая) действительно сегодня днем была, несмотря на холодные дни (гром и ливень). Где же кончается гром и где начинаются пушки?

Экстренные выпуски газет о корниловском заговоре, аресте В. Львова и многих других, вопрос о директории (5 человек, в том числе М. И. Терещенко и Савинков), о движении на Петербург кавалерии.

Люба с утра берет билеты для Анны Ивановны. Возвратясь от нее, передает: «Керенский развелся с женой, а Тиме [127]—с Никсой Качаловым, и Керенский венчался с Тиме в Романовском соборе в Царском Селе!».

Я нарочно записываю эту гнусность в такой день; в ней видно ясно, что такое «контр-революция», ясно, что Корнилов есть символ; на знамени его написано: «продовольствие, частная собственность, конституция не без надежды на монархию, ежовые рукавицы».

Слух, что Корнилов идет на С.-Петербург.

Свежая, ветряная, то с ярким солнцем, то с грозой и ливнем, погода обличает новый взмах крыльев революции.

Вечером — у мамы. Ночь — небо в белых клочьях, крупные звезды, почти нет огней, вой ветра, начинается наводнение.

Вечерние газеты жутковаты. На углу Английского проспекта — маленькая кучка. Солдат веско и спокойно заступается за Корнилова, дивизия которого находится между С.-Петербургом и Лугой, а рабочий кричит ему: «Товарищ № 9» (9 № — выборного списка кадетской партии).

Ночью ветер крепнет, вода поднимается; тучи и звезды. Заводы работают (пар вздыхает). Три отчетливых выстрела и опять — мысль: связаны ли они только с подъемом воды в Неве?

Швейцар Степан радуется происходящему; мудро радуется тому, что Рига есть дело, может-быть, этой кучки контр-революционеров, а не солдат, которые много виноваты, но на которых все валят.

29 августа

Безделье и гулянье по Невскому — настроение улиц, кронштадтцы.

Если бы исторические события не были так крупны, было бы очень заметно событие сегодняшнего дня, которое заставляет меня решительно видеть будущее во Временном правительстве и мрачное прошлое — в генерале Корнилове и прочих. Событие это — закрытие

газеты «Новое Время». Если бы не все, надо бы устроить праздник по этому поводу. Я бы выслал еще всех Сувориных, разобрал бы типографию, а здание в Эртелевом переулке опечатал и приставил к нему комиссара: это — второй департамент полиции, и я боюсь, что им удастся стибрить бумаги, имеющие большое значение.

Во всяком случае, уничтожено место, где несколько десятков лет развращалась русская молодежь и русская государственная мысль.

... Л. А. Дельмас прислала Любе письмо и муку по случаю моих завтрашних именин [128].

Да, «личная жизнь» превратилась уже в одно у н и ж е н и е, и это заметно, как только прерывается работа.

30 а в г у с т а

«Именины». Еда. Л. А. Дельмас прислала мне цветы и письмо; завтракали мама, тетя, Б а б е н ч и к о в, Женя; Бабенчиков говорил о их поколении под знаком декабризма (эпизод Керенский — Корнилов), связанном со мной (много молодых офицеров) — о б д у м а т ь. Жене я больше не дам работы (бедному); днем и за обедом сидел Чулков. Люба нарядилась, угощала, болтала, купила мне мохнатых розовых астр (детских).

Я измучен, как давно не был. Мне кажется, что я ничего не успею, комиссия висит на шее, успеть все почти невозможно.

2 с е н т я б р я

Работа все дни с утра до вечера. К н я ж н и н, наконец, получил место редактора у нас...

3 сентября

Завтракали мама и Женя Иванов.

Бесконечно ясный, холодный и грустный день. Осень. Я подошел к озеру; купальни заколочены, пароход перестал ходить, поездов меньше, листва редеет.

Вчера в «Речи» сказано, что Художественный театр открывает сезон в половине октября пьесой Блока «Роза и крест». Я бы желал присутствовать и посмотреть автора.

Россия объявлена демократической республикой.

Немцы могут высадиться в Финляндии.

Работа, работа. Идут стенограммы влад.

4 сентября

Сегодня ночью я увидел в окно *** и позвал ее к себе, Люба тоже уходила куда-то.

Пускай Княжнин поступает в комиссию, это, может-быть, обтешет его немного, причешет ему вихры. Вихраст русский человек.

Если что-нибудь вообще будет, то и я удалюсь в жизнь, не частную, а «художническую», умудренный опытом и пообтесанный.

Утром—Бабенчиков, сраженный моей «жестокостью» (не стенограммы, а декабристы и XX век).

Большой день во дворце: допрос Родзянко [129].

Княжнин устроен и прошел все формальности.

По вечерам иногда (как сегодня) на меня находят эти грубые, сильные, тяжелые и здоровые воспоминания о дружине—об этих русских людях, о лошадях, попойках, песнях, рабочих, пышной осени, жестокой зиме,

балалайках, гитарах, сестрах, граммофонах, обжорстве, гостях, вышке, полянах за фольварком, Лопатино [130], белом пароходе, который хрустальным утром ползет среди рощи, дубах, соснах, ольхах, Пинске вдали, наших позициях (нами вырытых), ветре, колбасе, висящей на ясном закате, буре, поднимающейся в душе страсти (вдруг), томлении тоски и скуки, деревнях, соломенных шестах, столовой Земсоюза, Бобрике [131], князе, Погосте, далях, скачках через канавы, колокольнях, канонаде, грязном бараке, избе Лемешевских [132], саперах, больших и малых траверсах, девках, спирте, бабах с капустой, узкоколейке, мостах — все, все. Хорошо!

7 сентября

Вчера — стенографические вопросы, комплименты мне от С. Ф. Ольденбурга. Сдача дел Княжнину. Днем у мамы. Обедал Княжнин.

Утром — телефон от Ф. Д. Батюшкова [133] (извиняется, что не известил о моем избрании [134]. Состав театрально-литературной комиссии: Е. Леткова [135], П. О. Морозов [136] и я, кандидат — Пиксанов [137]. Необязательное присутствие на заседаниях, право присутствия на заседаниях репертуарного комитета. Очередные доклады о пьесах). О времени первого заседания известит меня Морозов.

Телефон от Морозова — первое заседание предположено в субботу 9-го в 8 часов вечера, в конторе императорских театров.

Отчетное заседание днем во дворце. День довольно пестрый — сквозь работу дома — телефонный.

9 сентября

Дни рабочие. Сегодня вечером мы заседаем в первый раз — литературная комиссия. Батюшков разъяснил наше положение, потом мы остались втроем (Морозов, я и Пиксанов). Морозов рассказал содержание 8 пьес. Поговорили и разошлись, получив по 4 пьесы и по груде билетов в Александринский и Михайловский театры на весь сезон.

12 сентября

Давно нет желания записывать. Все разлагается. В людях какая-то хилость, а большею частью недобросовестность. Я скриплю под заботой и работой. Просветов нет. Наступает голод и холод. Война не кончается, но ходят многие слухи.

У мамы вчера был припадок...

17 сентября

Любин день [138]. Мама днем (и тетя). Проклятые именины. Утром — Бабенчиков. Небольшая работа.

14-го — стенограммы с Ольденбургом и Миклашевским и работа.

15-го — большая работа (рецензия для театральной комиссии и Хабалов). Утром — Бабенчиков.

16-го — сплошное заседание. Во дворце — отчет и стенограммы (с 11 до 5-ти). Вечером я прочел свой первый доклад в литературной комиссии, из которой, слава богу, ушел Пиксанов, место его занял горбатый Горнфельд [139] (о пьесе «Человек» Фредерика ван-Эйдена, перевод с голландского В. Азова).

Обедал Пяст, был весь вечер, говорил со мной более 7 часов подряд.

18 сентября

Большая работа (Хабалов и др.). Телефон от А. В. Гиппиуса. Вечером — заседание репертуарного комитета в Михайловском театре [140].

13 октября

Очень много было.

Сегодня я рецензирую пятую пьесу (Анны Мар — «Когда тонут корабли»). (Настоящее).

Было: заседание репертуарного комитета (Ге читал «Свыше сил», II) [141].

Два заседания комиссии по реорганизации государственных театров (Набоков и Луначарский; г-н С. Грузенберг) [142].

Много заседаний нашей литературной комиссии — по субботам (милый Горнфельд).

Бесчисленные работы в Чрезвычайной следственной комиссии. Пишу отчет. Вчера там виделся с Румановым [143].

Боря (Андрей Белый) [144] обедал у нас 9 октября.

15 октября

К Катонину (Идельсон, Шлыков) я не пошел — простуда.

Два телефона с З. Н. Гиппиус (и Мережковским). Я отказался от савинковской газеты («Час»). Телефон с Венгеровым [145] (хочет меня выбрать в Литературный фонд. Как я стар).

Стол загромождён мой делом Беляева (бывшего военного министра).

18 октября

Освободите меня прежде от воинской повинности, и тогда уже предлагайте к театру, литературе и ко всему вообще настоящему.

Вчера с А. В. Гиппиусом у мамы.

Речь Терещенки. Телефон от Тихонова [146]. Телефон от Ремизова. Телефон от Мурашова... Пьесы из конторы государственных театров. Телефон от Разумника Иванова [147] и Андрея Белого.

19 октября

Утром мама хорошо говорила о необходимости кончить войну: пошлость слова «позор». У нас — богатство, на Западе — уменье. Терещенко — во сне.

Она сказала Ремизову, который отказался от савинковской газеты (сказал, что посмотрит).

Днем у меня А. Н. Тихонов.

Вчера — в Совете Р. и С. Депутатов произошел крупный раскол среди большевиков. Зиновьев, Троцкий и пр. считали, что выступление 20-го нужно, каковы бы ни были его результаты, и смотрели на эти результаты пессимистически. Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране.

Таким образом, те и другие — сторонники выступления, но одни — с отчаянья, а Ленин — с предвиденьем доброго. Некоторые полагают, что выступления

не надо, так как оно надорвет голоса в Учредительное собрание в партии большевиков, которая сейчас сильна.

У немцев нет никаких сил распространиться на широком фронте — нет лошадей.

Рабочие говорят: «Это для буржуазных газет мы работаем за такую цену, а для социалистической надо 25% надбавки».

Выступление может, однако, состояться совершенно независимо от большевиков — независимо от всех — стихийно.

Крестьяне не дают городам хлеба, считая, что все сыты [148].

1918 ГОД

4 января

О чем вчера говорил Есенин [149] (у меня)?

Кольцов — старший брат (его уж очень вымуштровали, Белинский не давал свободы). Клюев [150] — средний — «и так и сяк» (изограф, слова собирает), а я — младший (слова дороги — только «проткнутые яйца»).

Я выплевываю Причастие (не из кощунства, а не хочу страдания, смирения, сораспятия).

(Интеллигент) — как птица в клетке; к нему протягивается рука здоровая, жилистая (народ); он бьется, кричит от страха. А его возьмут... и выпустят (жест наверх; вообще — напев А. Белого — при чтении стихов и в жестах и в разговоре).

Вы — западник.

Щит между людьми. Революция должна снять эти щиты. Я не чувствую щита между нами.

Из богатой старообрядческой крестьянской семьи — рязанец. Клюев в молодости жил в Рязанской губернии несколько лет.

Старообрядчество связано с текучими сектами (и с хлыстовством). Отсюда — о творчестве (опять ответ на мои мысли — о потоке). Ненависть к православию. Старообрядчество московских купцов — не настоящее, застывшее.

Никогда не нуждался.

Есть всякие (хулиганы), но нельзя в них винить народ...

Разрушают (церкви, Кремль, которого Ес[енину] не жалко) только из озорства. Я спросил, нет ли таких, которые разрушают во имя высших ценностей. Он говорит, что нет (т. е. мысль тут впереди?).

Как разрушают статуи (голая женщина) и как легко от этого отговорить почти всякого (как детей от озорства).

*** — черносотенный (как ***). Это не творчество, а подражание (природе, а нужно, чтобы творчество было природой; но слово — не предмет и не дерево; это — другая природа: тут мы общими силами выяснили).

*** по словам *** не может слышать о *** — за его революционность.

Есенин теперь женат. Привыкает к собственности. Служить не хочет (мешает свободе).

Образ творчества: схватить, прокусить.

Налимы, видя отражение луны на льду, присасываются ко льду снизу и сосут: прососали, а луна убежала на небо. Налиму выплеснуться от луны.

Жадный окунь с плотвой: плотва во рту больше его ростом, он не может проглотить, она уже его тащит за собой, не он ее.

8 января

Любимое занятие интеллигенции — выражать протесты: займут театр, закроют газету, разрушат церковь—

протест. Верный признак малокровия: значит, не особенно любили свою газету и свою церковь.

Протестовать против насилия — метафора (бледная немочь).

Ненавидеть интернационализм — не знать и не чуять силы национальной.

Ко всему надо как-то иначе, лучше, чище отнестись. О, сволочь, родимая сволочь!

Почему «учредилка»? Потому что — как выбираю я, как все? Втемную выбираем, не понимаем. И почему другой может за меня быть? Я один за себя. Ложь выборная (не говоря о подкупах на выборах, которыми прогремели все их американцы и французы).

Надо, чтобы маленькое было село, свой сход, своя церковь (одна, малая, белая), свое кладбище — маленькое. На это — Ольденбург: великая культура может быть только в великом государстве. Так было всегда. О, это — было, было, проклятая историческая инерция. А должно ли так быть всегда?

Культура ихняя должна переслоиться.

Инстинктивная ненависть к парламентам, учредит. собраниям и пр. Потому что, рано или поздно, некий Милюков произнесет: «Законопроект в третьем чтении отвергнут большинством».

Это ватер-клозет, грязный снег, старуха в автомобиле, Мережковский — в Таврическом саду, собака подняла ногу на тумбу. M-elle *** тренькает на рояли (б...ь буржуазная), и все кончено.

«Разочаровались в своем народе»...

«Немецкая демонстрация» (г-н Батюшков, Ф. Д.).

Медведь на ухо. Музыка где у вас, тушинцы проклятые?

Если бы это — банкиры, чиновники, буржуа! А ведь это — интеллигенция!

Или и духовные ценности — буржуазны?

Ваши — да.

Но «государство» (ваши учредилки) — не все [151]. Есть еще воздух.

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня:
Россия, Россия, Россия,
Мессия грядущего дня [152].

Чувство неблагополучия (музыкальное чувство, этическое [153], на вашем языке) — где оно у вас?

Как буржуи, дрожите над своим карманом.

В голосе этой барышни за стеной — какая тупость, какая скука: домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают? Когда она, наконец, ожеребится? Ходит же туда какой-то корнет.

Ожеребится эта — другая падаль поселится за переборкой и так же будет выть, в ожидании уланского жеребца.

К чорту бы все, к чорту! Забыть, вспомнить другое.

7 января

Для художника — идея народного представительства, как всякое «отвлечение», может быть интересна только по внезапному капризу, а по существу — ненавистна.

Начало (с Любой) [154].

Жара (синее и желтое). Кактусы жирные.

Дурак Симон с отвисшей губой удит. Разговор про то, как всякую рыбу поймать (как окуня, как налима).

Входит Иисус (не мужчина, не женщина).

Грешный Иисус.

Красавица Магдалина.

Фома (неверный) — «контролирует». Пришлось уверовать — заставили — и надули... Вложил персты — и стал распространителем: а распространять заставили — инквизицию, папство, икающих попов, учредилки.

Андрей (Первозванный) — слоняется (не сидится на месте): был в России (искал необыкновенного).

Апостолы воровали для Иисуса (вишни, пшеницу).

Их стыдили.

Grande style [155].

Мать (мати) говорит сыну: неприлично (брак в Кане).

Читать Ренана.

Мария и Марфа.

Если бы Люба почитала «Vie de Jesus» [156] и по карте отметила это маленькое место, где он ходил.

А воскресает как?

χαλεπά τὰ καπά [157].

Загаженность, безотрадность форм, труд.

Иисус-художник. Он все получает от народа (женственная восприимчивость). «Апостол» брякнет, а Иисус разовьет.

Нагорная проповедь — митинг.

Власти беспокоятся. Иисуса арестовали. Ученики, конечно, улизнули. Правда того, что они улизнули

(больше ничего и не надо, остальное — судебная комедия).

Бо́льшая правда: кто-то остался.

У Иуды — лоб, нос и перья бороды, как у ***... Жулик (т. е. великая нежность в душе, великая требовательность).

«Симон» ссорится с мещанами, обывателями и односельчанами. Уходит к Иисусу. Около Иисуса оказывается уже несколько других (тоже с кем-то поругались и не поладили; бубнят что-то, разговоры недовольных). Между ними Иисус — задумчивый и рассеянный, пропускает их разговоры сквозь уши: что надо, то в художнике застрянет.

Тут же — проститутки.

11 января

«Результат» брестских переговоров (т. е. никакого результата, по словам «Новой Жизни», которая на большевиков негодует).

Никакого — хорошо-с.

Но позор 3½ лет («война», «патриотизм») надо смыть.

Тычь, тычь в карту, рвань немецкая, подлый буржуй! Артачься, Англия и Франция! Мы свою историческую миссию выполним.

Если вы хоть «демократическим миром» не смоете позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, значит вы уже не арийцы больше. И мы широко откроем ворота на Восток.

Мы на вас смотрели глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим к о с я щ и м, лукавым, быстрым взглядом; мы скинемся а з и а т а м и, и на вас прольется Восток.

Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины. Опозоривший себя, так изолгавшийся, — уже не ариец.

Мы — варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ, страшный ответ, будет единственно достойным ч е л о в е к а.

А эволюции, прогрессы, учредилки — стара штука. Яд ваш мы поняли лучше вас (Ренан).

Жизнь — безграмотна. Жизнь — правда (Правда). Оболганная, обо..... [158], но она — Правда — и к о л е т г л а з а, как газета «Правда» на всех углах [159].

Жизнь не замажешь. То, что замазывает Европа, — замазывает тонко, нежно (Ренан; дух науки; дух образованности; esprit gaulois [160]; английская комедия), мы (русские профессора, беллетристы, общественные деятели) умеем только размазать серо и грязно, расквасить. Руками своей интеллигенции (пока она столь не музыкальна, она — пушечное мясо, благородное орудие варварства) мы выполняем свою историческую миссию (интеллигенция при этом — чернорабочие, выполняющие черную работу) — вскрыть Правду. Последние арийцы — мы.

Правда доступна только для дураков.

Калидаса, чтобы стать собой, должен был научиться (легенда) из дурака стать умным. Это — испорченная, я думаю, легенда (какая-нибудь поздняя, книжная).

Все это — под влиянием сегодняшней самодовольной «Новой Жизни» (самая европейская газета сейчас;

«Речь» давно «отстала». С «Петербургским Листком [161] ведь не поговоришь).

В чем тайна Ренана? Почему не плоски его «плоскости»? В искусстве: в языке и музыке. Европа (ее тема)—искусство и смерть. Россия — жизнь.

14 января

Происходит совершенно необыкновенная вещь (как все): «Интеллигенты», люди, проповедывавшие революцию, «пророки революции» оказались ее предателями. Трусы, натравливатели, прихлебатели буржуазной сволочи.

Я долго (слишком долго) относился к литераторам как-то особенно, [полагая], что они отмеченные. Вот моя отвлеченность. Что же, автор «Юлиана», «Толстого и Достоевского» [162] и пр. теперь ничем не отличается от «Петербургской Газеты».

Это простой усталостью не объяснить.

На деле вся их революция была кукишем в кармане царскому правительству.

После этого приходится переоценить не только их «Старые Годы» [163] (которые, впрочем, никогда уважения не внушали: буржуйчики на готовенькой красоте), но и «Мир Искусства» [164], и пр., и пр.

Так это называлось, что они боялись «мракобесия»? Оказывается, они мечтают теперь об учреждении собственного мракобесия на незыблемых началах своей трусости, своих патриотизмов.

Несчастную Россию еще могут продать. (Много того же в народе).

(Вчера) Зимний дворец, детские комнаты.

Председатель — тов. Полянский [165], который разгонял Ученый комитет при Министерстве народного просвещения.

Разъясняет конституцию. Присутствуют: секретарь, два молчаливых молодых человека, художники Штенберг, Бенуа, Альтман [166], Ларисса Рейснер [167], марбургский философ [168].

Я поднимаю вопрос об орфографии.

Главное мое возражение, что она относится к технике творчества, в которую госуд[арство] не должно вмешиваться.

Старых писателей, которые пользовались ятями, как одним из средств для своего творчества, надо издавать со старой орф[ографией]. Новые, которые будут писать по-новому, перенесут свою творческую энергию (èlan) в другие приемы (тороплюсь записывать, потому нескладно).

Меня поддерживают Л. Рейснер и Альтман. Остальные — за новую орфографию, хотя понимают меня.

С Бенуа мы все наоборот. Он *лично* ненавидит «Известия» и любит мольеровскую орфографию изданий XVII века.

Я лично не привязан к старому и, может-быть, могу переучиться даже сам, но опасаюсь за объективную потерю кое-чего для художника, а, *следовательно*, и для народа.

Однако, может-быть, сопротивлялись так же, как я вчера, и новой французской орфографии и петровскому гражданскому шрифту.

Новая орфография введена старым правительством («временным») и им же проведена в школы и учебники. Большевики делают лишь новые практические шаги в этом направлении. Для издания классиков это уже было предрешено, но, несмотря на то, что они считают невозможным поступаться декретом, я прошу вновь пересмотреть вопрос, пригласив на следующее заседание Морозова и Иванова-Разумника. Они, со своей стороны, пригласят педагогов.

За новую орфографию: дети уже учатся по ней. Экономия миллионов рублей (не ъ) и труда наборщиков.

Положение сейчас таково: книжный голод. Со всех сторон (советы) — требование на книги. Книг нет, классиков можно доставать по чудовищным и произвольным ценам. Никто больше не имеет права издавать классиков без соблюдения изв[естных] условий (декрет), (т. е. нельзя больше наживаться чрезмерно, можно оплачивать только труд). Все издания, изданные без соблюдения этих условий (представления подробного расчета в министерство), будут конфисковаться.

В распоряжении государства находятся старые матрицы (Маркса, «Копейки» и т. д.), и оно имеет возможность сравнительно не дорого выпустить классиков по старым матрицам. 1) Они очень плохи часто, 2) противоречие с декретом. Но — «если человек умирает с голоду, а мимо бежит кошка, я эту кошку зарежу и дам ее съесть». Вопрос еще не решен. На печатанье одного Толстого со старых матриц нужно 22 дня. С другой стороны, этим путем комиссия получит отсрочку.

Дело комиссии — выработать план издания классиков по-новому (шрифты, формат, новая орфография, иллюстрации, бумага, медицинская точка зрения и много другого).

В Полянском — марксистско-эмигрантско-интеллигентско-луначарско-хитровато-добродушное. Очень любезный. Сам все это знает про себя (15 лет нелегальности).

Опять гадость Зимнего дворца (хотя эти комнаты прибранные, с мебелями). Трагичность положения (нас мало). Какая-то грусть,—может-быть, от неумелости, от интеллигентскости, от разных языков. Что-то и хорошее (доброе).

Это — труд — великий и ответственный. Г[оспо]да главные интеллигенты не желают итти в труд, а не в «с кондачка».

Вот что я еще понял: эту рабочую сторону большевизма, которая за летучей, за крылатой. Тут-то и нужна их помощь. Крылья у народа есть, а в уменьях и знаньях надо ему помочь. Постепенно это понимается. Но неужели многие «умеющие» так и не пойдут сюда?

Представителей демократии вчера не было, п. ч. все съезды, какие могут быть, заседали (Советы раб. и солд. депутатов, крестьянских депутатов; железнодорожный, продовольственный и пр.). Они будут на следующих заседаниях.

26 января

Необходимо, однако, записать вчерашний день.

Иванов-Разумник, бывший у меня, не мог итти вместе на заседание в Зимний дворец и оставил мне письмо для оглашения.

Впечатления от моей статьи («Интеллигенция и революция»): Мережковские прозрачно намекают на будущий бойкот. Сологуб (!) упоминал в своей речи, что А. А. Блок, «которого мы любили», печатает свой фельетон против попов в тот день, когда громят Александро-Невскую лавру (!). В восторге — В. С. Миролюбов [169].

В Зимнем дворце (я опоздал). Заседание очень стройное и дельное (в противоположность первому). Председательствует Луначарский, который говорит много, охотно на все отвечает, часто говорит хорошо.

П. О. Морозов (приглашенный лично Л. М. Рейснер) выражает протест против нового правописания только практически. Его доводы парирует комиссар. Я повторяю свое возражение (единственное), прибавляя, что я на нем не стою (считая, что мне надо это сказать в виде предостережения — caveant [170] ...). Слабо возражает Л. Рейснер (за старое для — стихов). Новое правописание принимается (Луначарский определяет мой довод, как невесомый).

Следующий вопрос — о вступительных статьях.

Морозов говорит нечто, вполне согласное с Луначарским. Принимается ненужность эстетических оценок. Я вношу поправку, что не нужно и социологических. Луначарский отвечает на это, что они будут агитировать до конца, но что в этих изданиях агитацию они считают неуместной, ибо дело их настолько правое, что все прошедшее, преподнесенное в чистом виде, только доказывает правильность их пути.

Таким образом, вырабатывается тип издания (не академического, а широкого, народного и школьного)—

на хорошей бумаге, четкого, с лучшими иллюстрациями (обсуждение их — в следующую среду) и с сжатым предисловием и примечаниями, развивающими его частности (Морозов), имеющими дело исключительно с историческими и биографическими данными (без эстетики и политики).

Луначарский, прощаясь, говорит: «Позвольте пожать вашу руку, товарищ Блок».

Будущее нашей театральной комиссии еще не решено. Луначарский сказал мне со смехом, что Мейерхольд [171] поднимает вопрос о том, что актеры и сами читать умеют.

Ну, как им угодно...

П. О. Морозов ругал мне за орфографию Шахматова [172] и прочих, против выбрасывания ъ-ов он ничего не имеет. Вообще же, реформа кажется ему очень большой (очень малые изменения во французском и немецком правописании — при Петре—гражданский шрифт— всего 10 книг).

Луначарский делает оговорки—в с Ѣ и в с е: надо две точки над *е*.

Письмо Разумника, которое я огласил, в сущности дало перевес окончательный.

Бенуа — опять все наоборот (чем я): он говорил за допущение иногда эстетической оценки. Тут я уже поддержал комиссара, который голосовал за твердое проведение отсутствия эстетической оценки.

31 января

Вчерашнее.

Артистическая — всегдашнее — бутерброды, перед ними — аккомпаниатор (молчит — он зарабатывает).

В углу — баритон (как все) — фрак, красноватое лицо.

Перед моим выходом — Люком [173]. Лю-ком — это маленький красный микрокосм. Розовая спинка, розовая грудка и ручки, красное все (юбочка, трико). Маленькая — вьется. От этого у смотрящих начинается правильное кровообращение, меньше есть и курить. Такое появляется во второй части «Фауста».

Юноша Стэнг [174] (провожавший меня до дому). Мы — дрянь, произведения буржуазии. Если социализм осуществится (я образован, знаю четыре языка и знаю, что он осуществится), нам останется только умереть. Мы не имеем понятия о деньгах (обеспечены). Полная неприспособленность к жизни. Октябрьский переворот все-таки лучше февральского (немного пахнет самодержавием). Все — опииcты, наркоманы. Модно быть влюбленными в *** (женщины-нимфоманки). Эфир. Каждый вечер три телефонных звонка от барышень («Вы так испорчены, что заинтересовали меня»).

Нас — меньшинство, но мы — распоряжаемся (в другом лагере современной молодежи). Мы высмеиваем тех, которые интересуются социализмом, работой, революцией и т. д.

Мы живем только стихами. За пять лет не пропустили ни одного издания. Все наизусть (Бальмонт, я, Иг. Северянин, Маяковский... [175] тысячами стихов. Сам пишет декадентские стихи (рифмы, ассонансы, аллитерации танго). Сначала было 3 Б (Бальмонт, Брюсов, Блок); показались пресными — Маяковский; и он пресный — Эренбург (он ярче всех издевается над собой; и потому скоро мы все будем любить только Эренбурга).

Все это — констатированье. «И во всем этом виноваты (если можно говорить о вине, потому что и в вас кто-то виноват) — вы отчасти. Нам нужна была каша, а вы нас кормили амброзией».

«Я каждые полгода собираюсь самоубиться».

Студенцов [176] рассказал мне «Легенду» Толстого [177].

На сцену Художественного театра упала бомба.

Люком — красный микрокосмик.

14 (1) февраля

Вчера (31 января).

Е. Ф. [Книпович] [178]. Черный агат. Шея. Духи. Есть и то, что в современной молодежи, но пострадала от того и — б о р ь б а. Тихо слушать. Стриндберг, Ибсен, Григорьев [179].

Женщина, может-быть, может пройти фаустовский путь. Честность к жизни.

Сидеть у печки и читать Достоевского.

«Мне хорошо». Всегда читает.

Вечером не пускают.

Трудно, как всегда, в семье, где все друг друга очень любят.

Польская и немецкая кровь.

Заседание (Зимний дворец). Луначарский более усталый. Конкурс иллюстраций к Некрасову. Кто может? Сомнения в результатах конкурса.

И один и два столбца.

Новый шрифт.

Луначарский предложил мне Некрасова.

Я ссылаюсь на Чуковского и Евгеньева [180]. Утверждается Чуковский.

Сегодня с П. О. Морозовым: история издания Некрасова: первое посмертное четырехтомное издание — по свежим следам, с дельными примечаниями (Скабичевский и др.). Второе — печаталось у Глазунова, издатель — Федор Алексеевич Некрасов. Корректура была поручена Морозову. Он исправил ошибки, когда же собрался взяться за исправление пропусков, ему сказали, что Федор Алексеевич — коммерсант, и не стоит.

Суворинские издания — перепечатки с этого — с возрастающим враньем (до помещения дважды одной и той же строфы).

В 1876 году Морозов переписал «Пир на весь мир» (рукопись была на 1 день, он просидел ночь над перепиской).

У Морозова — четырехтомное издание с вклейками и вписанными местами неопубликованного.

Существуют два разных текста нецензурных мест «Воскресенья» Толстого. Оба одновременно изданы Чертковым [181] в Лондоне.

«Легенда» сценична (менее конспективна, чем некоторые сцены «Живого трупа» [182].

20 (7) февраля

Стало известно, что Совет народных комиссаров согласился подписать мир с Германией.

Кадеты шевелятся и поднимают головы.

Люба рыдала, прощаясь с Роджерс [183] в «Elevation» (патриотизм и ma femme) — оттого, что оплакивала старый мир. Она говорит: я встречаю новый мир, я, может-быть, полюблю его. Но она еще не разорвала со старым миром, и представили две, что накопили 19 веков.

Да.

Патриотизм — грязь. (Alsace-Lorraine — брюхо Франции, каменный уголь).

Религия — грязь (попы и пр.). Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы «недостойны» Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой [184].

Романтизм — грязь. Все, что о с е л о догматами, нежной пылью, с к а з о ч н о с т ь ю — стало грязью. Остался один élan [185].

Т о л ь к о — полет и порыв; лети и рвись, иначе — на всех путях гибель.

Может-быть, весь мир (европейский) озлится, испугается и еще прочнее осядет в своей лжи. Это н е б у д е т н а д о л г о. Трудно бороться против «русской заразы», потому что — Р о с с и я з а р а з и л а у ж е з д о р о в ь е м ч е л о в е ч е с т в о. Все догматы расшатаны, им не вековать.

Движение заразительно.

Лишь тот, кто так любил, как я, имеет право ненавидеть. И мне — быть катакомбой.

Катакомба — звезда, несущаяся в пустом синем эфире, светящаяся.

21 (8) февраля

Немцы продолжают итти.

Барышня за стеной поет. Сволочь подпевает ей... Это — слабая тень, последний отголосок ликования буржуазии.

Если так много ужасного сделал в жизни, надо хоть умереть честно и достойно.

15 000 с красными знаменами навстречу немцам под расстрел.

Ящики с бомбами и винтовками.

Есенин записался в боевую дружину.

Больше уже никакой «реальной политики». Остается лететь.

Настроение лучше многих минут в прошлом, несмотря на то, что вчера меня выжали (на концерте).

«Петерб. Газета» — обывательская.

Газета нибелунгов (бывшая «Воля Народа»)[186] сегодня опять кряхтит об Учредительном собрании.

«Знамя Труда» опять не несут (все загулявшие), между тем сегодня ночью левые с.-р. должны были уйти из Совета народных комиссаров, не согласившись на сепаратный мир, подписываемый большевиками.

Сегодняшнее сообщение Совета — туманно и многословно.

Люба звонит в «Бродячую собаку» («Привал комедиантов») и предлагает исполнять там мои «Двенадцать».

Слух о больших проскрипционных списках у кадет.

Лундберг[187]: «Скифы» соответствуют «Клеветникам России». Случаются повторения в истории.

26 (13) февраля

Ночь.

Я живу в квартире [188]; за тонкой перегородкой находится другая квартира, где живет буржуа [189] с семейством (называть его по имени, занятия и пр. — лишнее).

Он обстрижен ежиком, расторопен, пробыв всю жизнь важным чиновником, под глазами — мешки, под брюшком тоже, от него пахнет чистым мужским бельем, его дочь играет на рояли, его голос — тэноришка — раздается за стеной, на лестнице, во дворе, у отхожего места, где он распоряжается, и пр. Везде он. Господи, боже! Дай мне силу освободиться от ненависти к нему, которая мешает мне жить в квартире, душит злобой, перебивает мысли. Он такое же плотоядное двуногое, как я, он лично мне еще не делал зла. Но я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до какого-то патологического истерического омерзения, мешает жить.

Отойди от меня, Сатана, отойди от меня, буржуа, только так, чтобы не соприкасаться, не видеть, не слышать; лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, Сатана.

1 марта (16 февраля)

Главное — не терять крыльев (присутствие духа).

Страшно хочу мирного труда; но — окрыленного, не проклятого. Более фаталист, «чем когда-нибудь» (или — как всегда).

Красная армия? Рытье окопов? «Литература?».

Все новые и новые планы.

Да, у меня есть сокровище, которыми я могу «поделиться» с народом.

Ночью и сегодня. Посошков [190] (яростный реформатор из народа) — через Ап. Григорьева.

Чаадаев — пройти и через это [191] искушение.

Польский мессионизм.

Революция — это я — не один, а мы.

Реакция — одиночество, бездарность, мять глину.

4 марта (19 февраля)

Между вечером и ночью, после чаю, проснувшись после тяжелого сна — часа 3 спал.

Делается что-то. Быть готовым. Ничего, кроме музыки не спасет. Европа безобразничала явно почти четыре года (грешила против духа музыки... Развивать не стоит, потому что опять злоба на «войну» отодвинет более важные соображения).

Ясно, что безобразие не может пройти даром. Ясно, что восстановить попранные суверенные права музыки можно было только изменой умершему.

$^{9}/_{10}$ России (того, что мы так называли) действительно уже не существует. Это был больной, давно гнивший; теперь он издох; но он еще не похоронен; смердит. Толстопузые мещане злобно чтут дорогую память трупа (у меня непроизвольно появляются хореи, значит, может-быть, погибну) [192].

Китай и Япония (будто бы — по немецким и английским газетам) уже при дверях. Таким образом, поругание музыки еще отмстится.

Мир с Германией подписан (вчера или сегодня). (Не знаю, что это значит и как это отразится на «военных действиях», т. е. прекратятся они хоть временно или нет; и, кажется, здесь этого никто не знает. Да и не очень в этом дело).

«Восставать», а не «воевать» (левые с.-р.) — трогательно. Но боюсь, что дело и не в этом тоже, потому что философия этого — помирить мораль с музыкой. Но музыка еще не помирится с моралью. Требуется длинный ряд антиморальный (чтобы «большевики изменили»), требуется действительно похоронить отечество, честь, нравственность, право, патриотизм и прочих покойников, чтобы музыка согласилась помириться с миром.

Происходит, кажется, нечто, т. е., повидимому, произойдет потрясение между тем моментом, который сейчас есть (нерешительность), и будущим влитием желтой крови в белую (для уничтожения всего перечисленного). У Европы — склероз, она не гибка и будет еще истеричничать (гордиться, тыкать в нос желтым свою арийскую кровь, бояться насилия и т. д., т. е. оттягивать, т. е. еще и еще посягать на неминуемо долженствующую восстановиться музыку).

Кстати (μελος (статья Вл. В. Гиппиуса) [193].

Моя квартира смотрит на запад, из нее много видно.

10 марта (25 февраля)

Ежедневность, житейское, изо дня в день — подло.

Что такое искусство?

Это — вырывать, «грабить» у жизни, у житейского —

чужое, ей не принадлежащее, ею «награбленное» (Ленин, конечно, не о том говорил).

Марксисты — самые умные критики, и большевики правы, опасаясь «Двенадцати». Но... «трагедия» художника остается трагедией. Кроме того: *если бы* в России существовало действительное духовенство, а не только сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы «учло» то обстоятельство, что «Христос с красногвардейцами». Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелье и думавших о нем. У нас, вместо того, они «отлучаются от церкви», и эта буря в стакане воды мутит и без того мутное (чудовищно мутное) сознание крупной и мелкой буржуазии и интеллигенции.

«Красная гвардия» — «вода» на мельницу христианской церкви (как и сектантство и прочее, усердно гонимое). (Как богатое еврейство было водой на мельницу самодержавия, чего ни один «монарх» во-время не расчухал).

В этом — ужас (если бы это поняли). В этом — слабость и Красной гвардии: дети в железном веке; сиротливая деревянная церковь среди пьяной и похабной ярмарки.

Разве я «восхвалял»? (Каменева) [194]. Я только констатировал факт: если вглядеться в столбы мятели *на этом пути*, то увидишь «Иисуса Христа». Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак.

4 апреля (22 марта)

Сегодняшнее заседание репертуарной секции, на которое мне очень не хотелось итти, было довольно интересное.

Пашковский (Донат Христофорович) — злой актер. Секция должна разделиться на четыре подсекции — литературную, артистическую, «хозяйственную» и государственную, которые приведут в известность все, что есть на русском языке в репертуаре: 1) чисто русском, 2) переводном, 3) выяснить, чего нет, и коллегия переводчиков этим займется. Пусть университеты и студенты приведут в известность весь репертуар (Петербург — 6 букв, Казань — 5 букв). Тут он так выругал профессоров, что присутствующие запротестовали, и Мейерхольд просил не заносить этого в протокол.

П. О. Морозов возразил, что 99% — дрянь, которой не стоит заниматься. Что лучший в России театральный каталог — библиотеки при бывших императорских театрах — у нас под руками. Что названий тут будут сотни тысяч.

В. Н. Соловьев [195] (председатель) возразил, что статистический метод признан неудовлетворительным в современной науке. О «Ревизоре» (форма западная, а содержание русское).

Соловьев и Вивьен [196] говорили о мелодраме и о романтическом театре. Плохие переводы мелодрам, кроме некрасовского («Материнское благословение») [197].

Мейерхольд предлагает: 1. Рыться в карточном каталоге и в старых изданиях с тем, чтобы вывести на свет погребенное (прежде всего двумя цензурами); 2. Издавать журнал «Репертуар». Времена «Пантеона» Ф. Кони, овеянные Гоголем [198]. Перепечатать мелким шрифтом и «удобно» старые пьесы. Статьи о театре и пр.; 3. Влияние на драматургов, побуждение их писать — и моральное («заказы») и матерьяльное (повышение

гонораров). Ссылка на Ремизова; 4. Публичное чтение пьес, диспуты и пр.

Молчали — К. Ляндау [199] и я. Говорил еще Степанов, Валериан Яковлевич (секретарь). Были званы Зелинский [200], Иванов-Разумник, Ремизов, не пришедшие.

Противоречий по существу пока, по-моему, не было, психологические уже были (Пашковский)...

Перечислять и вспоминать я бы мог и еще, но все это — от «малого разума», так как «большого» во мне сейчас нет. После январских восторгов — у меня подлая склеротическая вялость и тупость.

Эти дни, тяготясь будущим (сегодняшним) заседанием, я закис в Вольфе (хроника) [201] и планах о «Пантеоне», в этом мелькании старины: в куче навоза увязнешь прежде, чем найдешь жемчужное зерно.

Ф. А. Кони.

«Детский Драматический Вестник» 1829 г.

«Драматический Вестник» 1808 г. (еженедельный, задуманный Шаховским). Ряд статей о псевдо-классической драме. За строгий классицизм, но против Коцебу.

Записки современника С. П. Жихарева («Дневник чиновника» — почти наполовину о театре: Часть I — Дневник студента (1859). Часть II — Дневник чиновника («Отечественные Записки», 1855. 4, 5, 7, 8, 9, 10). Его же — «Воспоминания старого театрала» («Отеч. Зап.» 1854, 10).

Катенин (классик) «воскресил Корнеля гений величавый» переводом «Сида».

Новость начала века — мелодрама (и водевиль). «Убийца и сирота» (1819), «Христофор Колумб», «30 лет или жизнь игрока».

Ончуков, Тихонравов [202].

Еще симптом: 1 мая по новому стилю праздновать не решаются, потому что оно приходится на седьмой неделе поста. Празднование откладывается на пасхальную неделю.

Коцебу. Ненависть к людям и раскаянье, комедия в 5 д. («Menschenhass und Reue») — 1789; первый русский перевод — 1792. Неизвестный читает «Ночи» Юнга Штиллинга. Простак. Эйлалия.

Вейнберг, Европейский театр, т. I. Обойтись бы что ли без V акта (гнусная серость канона, всеуничтожающая пошлость морали).

25 (12) мая

Вот что я пробовал в конце 1917 (вихрь зацветал)[203]:

И шел (плыл) и шел (плыл),
Затерян в безднах (снах)
Души скудельной
Тоски смертельной,

Бросаясь в вихорь вихревой,

Всадник мне навстречу.
Смерть. Смерть. Смерть. Смерть.

Женщина на лошади — в пруд,

И каждая вена чернеет весной,

Из фонтана всем телом дрожа...

Еще проба:

В своих мы прихотях невольны,
Невольны мы в своей крови.

Дитя, нам горестно и больно
Всходить по лестнице любви.

(Серебристый) месяц, лед хрустящий,
Окно в вечерней вышине,
И верь душе, и верь звенящей,
И верь натянутой струне.
И, начиная восхожденье,
Мы только слышим без конца
пенье
лица.

Еще (см. 48 книжку):

На белой льдине — моржий клык [204].

К стене приемного покоя
Носилки прислонил,

Русский бред

Зачинайся, русский бред...

Древний образ в темной раке,
Перед ним — подлец во фраке,
В лентах, звездах и крестах...

Воз скрипит по колее
Поп идет по солее...
. . . . . .
Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно,
Но нельзя его оплакать
И нельзя его почтить,
Потому что там и тут,
В кучу сбившиеся тупо,
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа —

Там и тут,
Там и тут...

Так звени стрелой в тумане,
Гневный стих и гневный вздох,
Плач заказан, снов не свяжешь
Бредовым... [205].

Старое:

Ты не получишь ничего,
Но быть дала ты обещанье
Хозяйкой дома моего.

1903. Нам довелось еще подняться.

10. VI Sprudel [206]

18. VII Жницы входят на двор (записная книжка № 6) [207].

Шум смерти [208]

Цыганка, стиснув зубы и качаясь, поет «для них».

Я вошел туда. Толпа гудела.
На эстраде,
Стиснув зубы и качаясь, пела
Старая цыганка о былом.
В голосе гортанном и гнусавом
Я услышал тот степной напев

И опять,
Стиснув зубы и сложивши руки
И качаясь, так же погляжу,
И, припомнив молодость, от скуки приворожу

31 мая

Я отвечаю Вам в прозе, потому что хочу сказать Вам больше, чем Вы — мне, больше, чем лирическое.

Я обращаюсь к Вашей человечности, к Вашему уму, к Вашему благородству, к Вашей чуткости, потому что совсем не хочу язвить и обижать Вас, как Вы — меня: я не обращаюсь поэтому к той «мертвой невинности», которой в Вас не меньше, чем во мне.

«Роковая пустота» есть и во мне и в Вас. Это — или нечто очень большое, и — тогда нельзя этим корить друг друга; рассудим не мы; или очень малое, наше, частное, «декадентское», — тогда не стоит говорить об этом перед лицом тех событий, которые наступают.

Также только вкратце хочу напомнить Вам наше личное: нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-ый, когда я еще мало видел и мало сознавал в жизни. Мы встречались лучше всего во времена самой глухой реакции, когда дремало главное и просыпалось второстепенное. Во мне не изменилось ничего (это моя трагедия, как и Ваша), но только, рядом с второстепенным, проснулось главное.

В наших отношениях всегда было замалчиванье чего-то; узел этого замалчиванья завязывался все туже, но это было естественно и трудно, как все кругом было трудно, потому что все узлы были затянуты туго — оставалось только рубить.

Великий октябрь их и разрубил. Это не значит, что жизнь не напутает сейчас же новых узлов; она их уже напутывает; только это будут уже не те узлы, а другие.

Не знаю (или — знаю), почему Вы не увидели октябрьского величия за октябрьскими гримасами,

которых было очень мало — могло быть во много раз больше.

Неужели Вы не знаете, что «России не будет», так же, как не стало Рима — не в V веке после Рождества Христова, а в 1-ый год I века? Так же не будет Англии, Германии, Франции. Что мир уже перестроился? Что «старый мир» уже расплавился? [209]

17 (4) июня

О Макбете.

Морозов: Записки Аделаиды Ристори (кажется, переведены на русский язык) 80-х годов. (Ricordi e studi artistici, 1887) [210].

Ее толкование: в противоположность Макбету, который обладает громадной физической силой, любит бой, великан,— его жена — маленькая, вся может поместиться на его ладони, вся—сила духа. Она не теряет присутствия духа тогда, когда он боится, и только во сне, в состоянии сомнамбулизма проявляется то, что происходит в ее душе.

Сальвини и Росси [211] — оба школы Ристори. Сальвини, бывший в ее труппе, так играл Макбета: великаном, с гривой спутанных волос, с нагримированными мускулами, в пестрой шотландской юбке.

Литература о Макбете (русская) — в издании Ефрона [212]. Там и статьи о Макбете.

Немцев надо бояться — они всегда рассуждали о том, что «хотел сказать Шекспир» (особенно Гервинус [213]). Французы тоже философствуют по-своему. Одна из лучших книг о Шекспире — Даудена [214] (есть два перевода).

Гиедич: Кронеберговский перевод, все-таки лучший, хотя он больше подлинника стихов на 400 (т. е. минут на 40) и приукрашен: например, слов: «Но эта тень — не тень от летней тучки» — нет в подлиннике.

1 августа

«Ежегодник императорских театров 1909 года».

I. 1) Писемский о «Горькой судьбине» (по поводу ее цензурных запрещений с 1859 по 1863 г.).

2) Ф. Батюшков разбирает «Власть тьмы» и «Плоды просвещения» (есть кое-что).

3) Статья Евреинова «Режиссер и декоратор».

4) Измайлов о гастролях Грассо. Народные сицильянские драмы — примитивные (Malia — «Проклятье». Зудерман — «Каменотесы» (бывший каторжник поступает на завод, его травят рабочие, любовь, заступается за обидчика женщина) + «Жуан-Хозе», народная сицильянская драма Дицента.

5) Рецензия П. О. Морозова на «Историю русского театра» Варнеке (бедность литературы).

II. 1) Л. Я. Гуревич — «Взгляд Гоголя на искусство актера и режиссера» (невежество актеров гоголевского времени, советы Гоголя Сосницкому и Щепкину, сопоставление взглядов Гоголя с подходом Художественного театра).

2) Вл. И. Немирович-Данченко — «Тайны сценического обаяния Гоголя».

3) Н. Попов — «Станиславский, его значение для современного театра».

4) Текст «Женитьбы» (отрывок в 1-м действии).

III. 1) Измайлов — «Ф. Кони и старый водевиль».

2) Ив. Щеглов — «Из записной книжки» (Коклэн в «Адвокате Патлене» и др.).

(См. стр. 68 II части: Что такое «В борьбе за мужчину», тетралогия Клары Фибих?).

IV. 1) Кашин — «Островский и старинная драма» (продолжение — 1910, IV).

VI — VII. Иллюстрация после стр. 72: греческая театральная маска из мрамора (воспроизвести, если переведу «Аттиса» Катулла).

«Ежегодник императорских театров» 1910 г.

I. О пьесе Бьернсона: «Когда цветет молодой виноград (вино)». (В защиту молодежи).

II. 1) Ю. Веселовский — «Гуцков и Уриэль Акоста».

2) Стр. 112. Стриндберг говорит: театр не должен быть ни «библией для бедных», ни «политическим манежем или воскресной школой». «Он довлеет себе».

3) Стр. 136 и сл.: О «Женитьбе Фигаро» в Московском Малом театре.

4) П. О. Морозов — рецензия на 2 часть «Истории русского театра» Варнеке.

III. 1) Ив. Щеглов — Театральные огни (Воспоминания и отрывки). Мистерия об Адаме и Еве и арлекинада в балагане Лемана.

2) П. О. Морозов — Воспоминания о нижегородском театре 60-х годов.

3) Стр. 43 — хронологический список водевилей Некрасова (дополнения Россиева — вып. V, стр. 140).

4) Сильвио — «Бьернсон и Стриндберг».

17 (30) августа

Весной 1897 года я кончил гимназические экзамены и поехал за границу с тетей и мамой — сопровождать маму для леченья.

Из Берлина в Bad Nauheim [215] поезд всегда раскачивается при полете (узкая колея и частые повороты). Маму тошнило в окно, и я придерживал ее за рукава кофточки.

После скучного житья в Bad Nauheim'е, слоняньи и леченья здорового мальчика, каким я был, мы познакомились с м-м С. [216].

Альмединген [217], Таня, сестра м-м С., доктор, ее комната, хоралы, Teich по вечерам, туманы под ольхой, мое полосканье рта vinaigre de toilette (!), ее платок с Peau d'Espagne.

Летом мы вернулись в Шахматово. На вокзале в Москве нас встретила О. Ю. Каминская [218], которая приготовила маму к тому, что с дидей [219] случился удар.

Осенью я шил франтоватый сюртук, поступил на юридический факультет, ничего не понимал в юриспруде́нции (завидовал какому-то болтуну — кн. Тенишеву), пробовал зачем-то читать Туна (?) [220], какое-то железнодорожное законодательство в Германии (?!) Виделся с м-м С., вероятно, стал бывать у Качаловых [221] (Н. Н. и О. Л.?). К сожалению, не помню, как кончился год.

Весной следующего года на выставке (кажется, передвижной) я встретился с Анной Ивановной Менделеевой, которая пригласила меня бывать у них и приехать к ним летом в Боблово по соседству.

С января уже начались стихи в изрядном количестве. В них — К. М. С. [222], мечты о страстях, дружба с Кокой Гуном [223] (уже остывавшая), легкая влюбленность в м-м Левицкую [224] — и болезнь. В Шахматове началось со скуки и тоски, насколько помню.

Меня почти спровадили в Боблово. Я приехал туда на белой моей лошади и в белом кителе со стэком.

Меня занимали разговором в березовой роще mademoiselle и Любовь Дмитриевна, которая сразу произвела на меня сильное впечатление. Это было, кажется, в начале июня.

Я был франт, говорил изрядные пошлости. Приехали «Менделеевы» [225]. В Боблове жил Н. Э. Сум [226], вихрастый студент (к которому я ревновал). К осени жила Мария Ивановна [227]. Часто бывали Смирновы и жители Стрелицы [228].

Мы разыграли в сарае «Горячие письма» (Гнедича?), «Букет» (Потапенки), сцены из «Горе от ума» и «Гамлета». Происходила декламация. Я сильно ломался, но был уже страшно влюблен. Сириус и Вега.

Кажется, этой осенью мы с тетей ездили в Трубицыно [229], где тетя Соня подарила мне золотой; когда вернулись, бабушка дошивала костюм Гамлета.

К осени, по возвращении в Петербург, посещения Забалканского [230] стали сравнительно реже (чем Боблова). Любовь Дмитриевна доучивалась у Шаффе [231], я увлекся декламацией и сценой (тут бывал у Качаловых и играл в драматическом кружке, где были присяжный поверенный Троицкий, Тюменев (переводчик «Кольца»), В. В. Пушкарева [232], а премьером — Берников, он же — известный агент департамента полиции Ратаев, что мне

сурово поставил однажды на вид мой либеральный однокурсник. Режиссером был — Горский Н. А., а суфлером — бедняга Зайцев, с которым Ратаев обращался хамски.

В декабре этого года я был с mademoiselle и Любовью Дмитриевной на вечере, устроенном в честь Л. Толстого в Петровском зале (на Конюшенной?).

На одном из спектаклей в зале Павловой, где я под фамилией «Борский» (почему бы?) играл выходную роль банкира в «Горнозаводчике» [233], (во фраке Л. Ф. Кублицкого), присутствовала Любовь Дмитриевна ..

В это время происходило «политическое» 8 февраля и мартовские события у Казанского собора (рассказ о Вяземском [234]). Я был ему вполне чужд, что выразилось в стихах, а также в той нудности, с которой я слушал эти разговоры у дяди Николая Николаевича (Бекетова) и от старого студента Попова, который либеральничал с мамой и был весьма надменен со мной

Эта «аполитичность» кончилась плачевно. Я стал держать экзамены (я сидел уже второй год на первом курсе? [235]), когда «порядочные люди» их не держали. Любовь Дмитриевна, встретившая меня в Гостином дворе, обошлась со мной за это сурово. На экзамене политической экономии я сидел, дрожа, потому что ничего не знал. Вошла группа студентов и, обратясь к проф. Георгиевскому, предложила ему прекратить экзамен. Он отказался, за что получил какое-то (не знаю, какое) выражение, благодаря которому сидел в слезах, закрывшись платком. Какой-то студент спросил меня, собираюсь ли я экзаменоваться и, когда я ответил, что собираюсь, сказал мне: «Вы подлец!»

На это я довольно мягко и вяло сказал ему, что могу ответить ему то же самое. Когда я, дрожа от страха, подошел к заплаканному Георгиевскому и вынул билет, Георгиевский спросил меня, что такое «рынок». Я ответил: «Сфера сбыта»; профессор вообще очень ценил такой ответ, не терпя, когда ему отвечали, что рынок есть «место сбыта». Я знал это твердо (или запомнил из лекции, или услышал от кого-то). За это Георгиевский сразу отпустил меня, поставив мне пять.

Не помню, однако, засел ли я на втором курсе на второй год (или сидел на первом два года). Во всяком случае, я остался до конца столь же чужд юридическим и экономическим наукам.

Приехали в Шахматово (лето 1899 г.). Я стал ездить в Боблово как-то реже, и притом должен был ездить в телеге (верхом было не позволено после болезни).

Помню ночные возвращенья шагом, осыпанные светлячками кусты, темень непроглядную и суровость ко мне Любови Дмитриевны. «Менделеевы» опять были в Боблове, но спектакли были менее одушевленны.

Были повторения, а из нового — «Сцена у фонтана» с Саррой М. [236], которую повторили в Дедове с Марусей К. [237].

В Шахматове, напротив, жизнь была более оживленна. Приезжали Соловьевы [238] и, кажется, А. М. Марконет [239]. Мы с братьями представляли пьесу собственного сочинения и спор греческих философов об изящном на лужайке, а с Сережей [240] — служили обедню в березовом кругу. Сережа чувствовал ко мне род обожания, ибо я представлялся ему (и себе) неотразимым и много видевшим видов Дон-Жуаном.

Любовь Дмитриевна уезжала к Менделеевым (кажется). Я ездил в Дедово, где неприлично и парнисто ухаживал за Марусей, а потом — с Сережей в Трубицыно. Там был разговор с Покатиловым о сормовских заводах (почему-то).

К осени я, повидимому, перестал ездить в Боблово (суровость Любови Дмитриевны и телега). Тут я просматривал старый «Северный Вестник» [241], где нашел «Зеркала» З. Гиппиус. И с начала петербургского житья у Менделеевых я не бывал, полагая, что это знакомство прекратилось.

Тут произошло знакомство с Катей Хрусталевой [242] (осень в Петербурге). Юридический факультет, как и прежде, не памятен. (Должно-быть, в ту осень профессор полицейского права Ведров говорил, грассируя: «В одну любовь, широкую, как море»... и т. д.).

В эту зиму (кажется, к весне 1900 г.) произошло знакомство с А. В. Гиппиусом, который пришел ко мне за конспектом государственного права, услыхав от кого-то, что мой конспект хорош. Мы стали видеться, я бывал у него (комната, всегда закрытая, за которой — молчание большой квартиры, точно вымершей); на дворе (Тарасовского дома) — запах тополей.

В эту зиму, должно-быть, последнее объяснение с К. М. С. (или в предыдущую?). Мыслью я, однако, продолжал возвращаться к ней, но непрестанно тосковал о Л. Д. М. [243].

В начале 1900 года я взял место на балконе Малого театра: старый Сальвини играл Лира. Мы оказались рядом с Любовью Дмитриевной и с ее матерью. Любовь Дмитриевна тогда кончала курс в гимназии (Шаффе).

Все еще возвращались воспоминания о К. М. С. (стихи 14 апреля [244]).

Отъезд в Шахматово был какой-то грустный (стихи 16 мая [245]). Первое шахматовское стихотворение («Прошедших дней»... 28 мая) показывает, как овеяла опять грусть воспоминаний о 1898 годе, о том, что казалось (и действительно было) утрачено.

Начинается чтение книг; история философии. Мистика начинается. Средневековый город Дубровской березовой рощи [246]. Начинается покорность богу и Платон. В августе (?) решено окончательно, что я перейду на филологический факультет. «Паскаль» Зола (и др.). Как было в Боблове?

Осенью Любовь Дмитриевна поступила на курсы [247]. Первое мое петербургское стихотворение — 14 сентября [248]. Лекции Ернштедта [249], хождения в университет утром.

В сентябре — опять — возвращается воспоминание о К. М. С. (при взгляде на ее аметист 1897 г.). Начало богоборчества. Она продолжает медленно принимать неземные черты. На мое восприятие влияет и филология, и болезнь, и мимолетные страсти (стихотворение 22 октября [250]), с покаяниями после них.

Тут я хвастаюсь у Качаловых своим Платоном. у Петра Львовича Блока [251] читаю «Три смерти» (Люция; Петр Львович — Лукана; И. И. Лапшин — Сенеку).

К концу 1900 года растет новое. Странное стихотворение 24 декабря («В полночь глухую»), где признается, что Она победила морозом эллинское солнце во мне (которого не было).

В январе 1901 года — концерт Панченки (не к главному для меня). 25 января — гулянье на Монетной к вечеру в совершенно особом состоянии. В конце января и начале февраля (еще — синие снега около полковой церкви — тоже к вечеру) явно является Она. Живая же оказывается Душой Мира (как определилось впоследствии), разлученной, плененной и тоскующей (стихи 11 февраля, особенно — 26 февраля [252], где указано ясно Ее стремление отсюда для встречи «с началом близким и чужим» (?) — и Она уже в дне, т. е. за ночью, из которой я на нее гляжу. Т. е. она предана какому-то стремлению и «на отлете», мне же дано только смотреть и благословлять отлет).

В таком состоянии я встретил Любовь Дмитриевну на Васильевском острове (куда я ходил покупать таксу названную скоро Краббом). Она вышла из саней на Андреевской площади и шла на курсы по 6 линии, Среднему проспекту — до 10 линии, я же, незамеченный ею, следовал позади (тут — витрина фотографии близко от Среднего проспекта). Отсюда появились «пять изгибов» [253].

На следующее утро я опять увидал ее издали, когда пошел за Краббом (и привез в башлыке, будучи в исключительном состоянии, которого не знала мама).

Я покорился неведению и боли (психологически — всегдашней суровости Л. Д. Менделеевой).

Бывала Катя Хрусталева, с которой я кокетничал своим тайным знанием и мелодекламировал стихи А. Толстого, Апухтина и свои.

К весне началось хождение около островов и в поле за Старой деревней, где произошло то, что я определял,

как Видения (закаты). Все это было подкреплено стихами Вл. Соловьева, книгу которых подарила мне мама на Пасху этого года. А. В. Гиппиус показывал мне в эту весну только-что вышедшие первые «Северные Цветы» «Скорпиона» [254], которые купил, и Брюсов (особенно) окрасился для меня в тот же цвет, так что в следующее затем «мистическое лето» эта книга играла также особую роль.

В том же мае я впервые попробовал «внутреннюю броню», ограждать себя «тайным ве́дением» от Ее суровости («Все бытие и сущее!» [255]).

Это, повидимому, было преддверием будущего «колдовства», так же, как необычайное слияние с природой.

Началось то, что «влюбленность» стала меньше призвания более высокого, но объектом того и другого было одно и то же лицо. В первом стихотворении, шахматовском, это лицо приняло странный образ «Российской Венеры» [256]. Потом следуют необыкновенно важные «ворожбы» и «предчувствия изменения облика».

Тут получают смысл и высшее значение подробности, незначительные с виду, и явления природы (болотные огни, зубчатый лес, свечение гнилушек на деревенской улице ночью...).

Любовь Дмитриевна проявляла иногда род внимания ко мне. Вероятно, это было потому, что я сильно светился. Она дала мне понять, что мне не надо ездить в Барнаул, куда меня звали погостить уезжавшие туда Кублицкие. Я был так преисполнен высоким, что перестал жалеть о прошедшем.

Тут я ездил в Дедово, где уже не ухаживал за Марусей, но вел серьезные разговоры с Соловьевыми.

Дядя Миша подарил мне на прощанье сигару и только что вышедший (им выпущенный) I том Вл. Соловьева.

Осенью Сережа [257] приезжал в Шахматово. Осень была преисполнена напряженным ожиданием. История с венком и подушкой [258] произошла, кажется, в это лето (или в предыдущее?). На фабрике [259] я читал «Хирургию» Чехова. Спектаклей, кажется, не было. Были блуждания на лошади вокруг Боблова (с исканием места с в е р ш е н и й)—Ивлево [260], церковный лес. Прощание я помню—Любовь Дмитриевна вышла в гостиную (холодная яркая осень) с напудренным лицом.

Возвращение в Петербург было с мамой 6 сентября в одном поезде с М. С. Соловьевым, который рассказывал, что в Москве есть Боря Бугаев, что там обращено внимание на мои стихи. Рано утром он, сутулясь, вышел в Саблине [261], чтобы ехать в Пустыньку за бумагами, касающимися брата.

Сентябрь прошел сравнительно с внутренним замедлением (легкая догматизация).

Любовь Дмитриевна уже опять как бы ничего не проявляла. В октябре начались новые приступы отчаяния. (Она уходит, передо мной—«грань богопознанья»).

Я испытывал сильную ревность (без причины видимой). Знаменательна была встреча 17 октября.

К ноябрю началось явное мое к о л д о в с т в о, ибо я в ы з в а л д в о й н и к о в («Зарево белое»... «Ты—другая немая»... [262].

Любовь Дмитриевна ходила на уроки к М. М. Читау [263], я же ждал ее выхода, следил за ней и иногда провожал ее до Забалканского с Гагаринской—Литейной (конец ноября, начало декабря). Чаще, чем со мной, она

встречалась с кем-то, кого не видела, и о котором я знал.

Появился мороз, «мятель», «неотвязный» и царица, звенящая дверь, два старца, «отрава» (непосланных цветов), свершающий и пользующийся плодами свершений («другое я»), кто-то «смеющийся и нежный». Так кончился 1901 год. Тут—Боткинский период [264].

Новогодний визит. Гаданье—Ленц [265] и восторг (демонический «Я шел»..) [266].

11 сентября (29 августа)

Январь 1901 г. [267]. 1901 год начался одиночеством, углублением в себя, печалью о прошлом, в котором были некие «заветы». Этой печали суждено окрепнуть в надежду, что зима не помешает мечте пророчески открыть под снегом цветистый прах (до конца января Она не упоминается в стихах, есть только ее музыка), несмотря на то, что тяжкие года сменяют благоуханные дни. (Психология этого времени—против «борьбы»—на нее тратятся пошлые силы,—против людей, против слов).

Ноуменальность той силы, которая дает печали процвести надеждой. (Значение этого года и следующего объективное; об этом может засвидетельствовать А. Белый).

29 января в песне весеннего ветра и живых былей лучших дней послышались ее звучные песни. Перед ней—волны народа, толпой которого я уже увлечен на обожанье красоты.

Этот мотив — еще в конце 1900 года. Психология уже — хотя и противлюдей, но с народом, как со стихией; я же — не свободный, как прежде).

Таким образом, все уже сливается в этой весне (необычайно ранней — явственной в январе: былое с грядущим, что в ветре).

Февраль 1901 г. Вечерами — уже звуки живых голосов, и ее прах потревожен. Былое воскресает. Песня родная и знакомая. Звезды — все те же, народы (не народ) — все те же, но душа, молча, уже готовит чудные дары своим богам в *двуликом* одиночестве. Она умащена, ловит зов другой души. Мечта (термин Вл. Соловьева — действенный) становится упорной в искании (неудачно сказано и удачнопоправлено: воскрешении) мертвого праха давней жизни. Над ней уже ответно загораются небеса. Сквозь суровость пути — райские сны в полнощном бдении (сны — тоже термин Вл. Соловьева, тоже действенный). Эти сны райские в отличие от других, которые объемлют дух страстной мглой (начинается борьба другая, борьба с адом, на которую тратятся не те пошлые силы, которые уходят на человеческую борьбу). На помощь призываются: 1) всемогущая сила бога и 2) «умо-сердечное» — Афина и Эрос. (Завершение мысли, возникшей в 1900 году, едва ли не предвестие той адской провокации с двойниками внутри, которая потом погубит, т. е. соединение сил духовных с телесными).

Тогда же смысл ее печали (печаль — она, видимо, не разделяет событий) ищется в природе: согласие

сил (моря и отраженных в нем звезд) страшит ее и лишает надежды на свободу. В этой мысли, как я узнал впоследствии, оказалось родство с мыслью о плененной Мировой душе (Святой Дух Оригена), которую лелеял последний—Вл. Соловьев: см. IX, 19 [268] и многие другие места. Я этого всего еще не знал, но чуял Платона. При этом, сам я был лишь изумлен (θαυμάξεστο) отражением небесных тел в земных морях, очевидно, как древний философ-художник (язычник). Далее, я молюсь (опять богу: боже без лица, как всегда) извлечь меня, истомленного раба, из жалкой битвы (очевидно, житейской, чтобы не уставать от феноменального и легче созерцать ноуменальное).

Вслед затем, так как видимого участия той, которая была центром всех возникших событий, я продолжал не видеть, я стал думать, что ее стремления — выше моих, и что я заслоняю ей путь (психологически: мешаю); в ней — огонь нездешних вожделений, тогда как моя речь — жалка и слаба; она — на рубеже безвестной встречи с началом близким и чужим. Она уже миновала ночную тень и ликует надо мной; я же, с неисцелимой душой (психология только — «влюбленность»), благословляю прошедшее и грядущее.

Март 1901 г. Звучная тишина (наполненная звуками) предвещала внезапную встречу с ней где-то на путях ее сквозь алый сумрак, где целью ее было смыкание бесконечных кругов. Я встретил ее здесь, и ее земной образ, совершенно ничем не дисгармонирующий с неземным, вызвал во мне ту бурю

торжества, которая заставила меня признать, что ее легкая тень принесла свои благие исцеления моей душе, полной зла и близкой к могиле.

Моей матери, которая не знала того, что знал я, я искал дать понять о происходящем строками: «Чем больней...» [269] (Здесь уже сопротивление психологии: чем больней феноменальной душе, тем ясней миры ноуменальные). Тогда же мне хотелось запечатать мою тайну, вследствие чего я написал шифрованное стихотворение, где пять изгибов линий означали те улицы, по которым она проходила, когда я следил за ней, незамеченный ею (Васильевский остров, 7 линия, — Средний проспект — 8 — 9 линии — Средний проспект — 10 линия) [270].

Ее образ, представший передо мною в том окружении, которое я признавал имеющим значение не случайное, вызвал во мне, вероятно, не только торжество пророчественное, но и человеческую влюбленность, которую я, может-быть, проявил в какомнибудь слове или взгляде, очевидно, вызвавшем новое проявление ее суровости.

Апрель 1901 г. Следствием этого было то, что я вновь решил таить на земле от людей и зверей (Крабб) хранилище моей мысли, болея прежней душой и горя молитвенным миром под ее враждующей силой. После большого (для того времени) промежутка накопления сил (1—23 апреля), на полях моей страны появился какой-то бледноликий призрак (двойники уже просятся на службу?), сын бездонной глубины, которого изгоняет порой дочь блаженной стороны.

Тут происходит какое-то краткое замешательство («навстречу вешнему»...)[271]. Тут же закаты брезжат видениями, исторгающими слезы, огонь и песню, но кто-то нашептывает, что я вернусь некогда на то же поле другим—потухшим, измененным злыми законами времени, с песней наудачу (т. е. поэтом и человеком, а не провидцем и обладателем тайны).

Где мысль о проклятии времени?

Май 1901 год. Очевидно, под влиянием ее непрекращающейся (или растущей, или случайной) суровости—май начался теми же мрачными предчувствиями: я удаляюсь в страны холодные, немые, без любви и без весны, где нет страстей, любви матери, где царит равнодушие и где угасает мое скитанье—без исхода (без конца) и... оказываюсь непричастным к совершающемуся (мысль о возможности моего участия явилась не сразу, но здесь она уже является, повидимому, готовой): она одиноко, в отдаленьи (от меня) сомкнет последние круги.

Следствием этого разрыва и очевидной усталости от напряжения является психологическое: какие-то «неверные красы» ее, ее «изменчивая» душа (!?)—упадок стремления. В эти дни начала мая единственным напряженным напоминанием является тот голос, который говорит, что я ухожу, но закат вещает мне таинственный возврат к оставленной земле.

Следуют какие-то помехи (сумасшедший—кто это? Во мне же?). К середине мая звук с другого берега

темнеющей реки кажется мне ее ответом. Я убеждаю ее, что, несмотря на все мои падения, душа моя жива и не лживо зовет ее, тоскуя по ней и объемля тень лучшей жизни. Следует род заклинания. Прежнее отсутствие ответа заставляет надеть броню, что выражается в ощущении себя, как микрокосма, в котором вся вселенная, все прошедшее и грядущее и с избытком — все огни, какими горит она, потому — нет ни слабости ни силы, ее участие или безучастие не трогает, провидцу не нужно сочувствия. Я уже перешел граничную черту и только жду условного виденья, чтобы отлететь в иную пустоту (которая также не страшна).

Сквозь эту броню пробиваются, однако, жаркие струи, в которых есть как бы оттенки соблазна (женственная нежность образа, легкое пение, призрачный красный месяц, отражающийся в Неве, образ отроковицы — Мидианки (Вл. Соловьев), перед которым я медлю, вместо того, чтобы нести свою духовную лепту в далекие святыни!).

Так неготовым, раздвоенным я кончаю первый период своей мировой жизни — петербургский. Здесь нет еще ни одного большого Т). К этому периоду относится 39 стихотворений.

30 (17) декабря

В. Маяковскому.

Не так, товарищ!

Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи.

Но разрушение так же старо, как строительство, и так же традиционно, как оно. Разрушая постылое, мы так же скучаем и зеваем, как тогда, когда смотрели на его постройку. Зуб истории гораздо ядовитее, чем вы думаете, проклятия времени не избыть. Ваш крик — все еще только крик боли, а не радости *. Разрушая, мы все те же еще рабы старого мира; нарушение традиций — та же традиция. Над нами — большее проклятье — мы не можем не спать, мы не можем не есть. Одни будут строить, другие разрушать, ибо «всему свое время под солнцем», но все будут рабами, пока не явится третье, равно непохожее на строительство и на разрушение [272].

---

* Вагнер (Сноска Ал. Блока).

1919 ГОД

6 января (14 декабря).

Вчера утром звонок: Здрассте. Говорит Ионов [273]. Комиссар такой-то. Я хотел предложить перенести печатанье ваших книг в типографию, какую я укажу. Предлагаю издать «Двенадцать» в Петербургском совдепе.

— Не находите ли вы, что в «Двенадцати» — несколько запоздалая нота?

— Совершенно верно. Один товарищ уже говорил об этом, но мы все-таки решили издать все лучшие произведения русской литературы, хотя бы имеющие историческое значение. Подумайте и, когда решите, приезжайте ко мне в Смольный.

Издавать Ионов хочет 50000 с рисунками Анненкова [274]. Звоню к Алянскому [275]. Разговор с ним и с Анненковым. Алянский немного против, хотя искренно сочувствует нашим денежным интересам (с Анненковым).

Сегодня Алянский не поймал Белопольского [276], с которым нужно выяснить, как отнесется к этому вопросу комиссариат. Но они с Анненковым были у Горького, подносили ему «Двенадцать». Очень знаменательно, что говорил Горький.

Он говорил с ними с полчаса, очень доброжелательно, спрашивая, не встречает ли «Алконост»

препятствий, узнав об Ионове и моих книгах, сказал, что такие факты надо собирать, что Ионов бездарен и многому навредил. Вообще сказал, что «Владимир Ильич, Анатолий Васильевич и я»[277] держатся совсем другой точки зрения, что с такими явлениями надо бороться.

На предложение написать что-нибудь для «Алконоста» о символистах сказал, что он бросил писать и занят только «селедками» (очевидно, деятельность в Совете коммуны).

Соображения по таким же поводам — см. «Катилина» (которыми Иванов-Разумник предлагает мне открыть «Вольную философскую академию»[278] во второй половине января).

Кроме того: с т р а ш н о е все это. Кто же победит на этот раз? Полная анархия (между прочим, провинция шлет град упреков комиссариату, зачем он издает классиков, а не политические брошюры или новый «культурный порядок»?).

Не знаю.

Честно ли говорить такую, например, прекрасную фразу: «В одной строке великого писателя содержится больше революционного пыла, чем в десятках бездарных брошюр» (так бы мог ответить комиссариат на упреки, к нему обращенные).

Нет, не совсем честно, ибо и так и не так, в этом — уклончивость. Правда, брошюрка бездарна, но в ней читается больше, чем написано, потому что она есть брошюришка, хлам, тряпье, возбуждающее в бедном больше доверия, чем длинная, чистая книга. И в большой гениальной книге озлобленный бедняк не вычитает

того, а иногда вычитает то, что новую злобу посеет в его изозленной, забитой, испуганной душе.

Всякая культура — научная ли, художественная ли — демонична. И именно, чем научнее, чем художественнее, тем демоничнее. Уж, конечно, не глупое профессорье — носитель той науки, которая теперь мобилизуется на борьбу с хаосом. Та наука — потоньше ихней.

Но демонизм есть сила. А сила — это победить слабость, о б и д е т ь с л а б о г о. Несчастный Федот [279] изгадил, опоганил м о и духовные ценности, о которых я д е м о н и ч е с к и же плачу по ночам. Но кто сильнее? Я ли, плачущий и пострадавший, или Федот *, если бы даже он вступил во владение тем, чем не умеет пользоваться (да ведь не вступил, никому не досталось, потому что все, вероятно, грабили, а грабить там — в Шахматове — мало что ценного). Для Федота — двугривенный и керенка то, что для меня — источник неоцениваемого никак вдохновения, восторга, слез.

Так, значит, я — сильнее и до сих пор, и эту силу я приобрел тем, что у кого-то (у предков) были досуг, деньги и независимость, рождались гордые и независимые (хотя в другом и вырожденные) дети, дети воспитывались, их научили (учила кровь, помогала учить изолированность от добывания хлеба в поте лица) тому, как создавать бесценное из ничего, «превращать в бриллианты крапиву», потом — писать книги и... [280] жить этими книгами в ту пору, когда не научившиеся их писать умирают с голоду.

---

* Скоро оказалось, что Федот умер (С н о с к а А л. Б л о к а).

Да, когда я носил в себе великое пламя любви, созданной из тех же простых элементов, но получившей новое содержание, новый смысл от того, что носителями этой любви были Любовь Дмитриевна и я — «люди необыкновенные»; когда я носил в себе эту любовь, о которой и после моей смерти прочтут в моих книгах, — я любил прогарцовать по убогой деревне на красивой лошади; я любил спросить дорогу, которую знал и без того, у бедного мужика, чтобы «пофорсить», или у смазливой бабенки, чтобы нам блеснуть друг другу мимолетно белыми зубами, чтобы екнуло в груди так себе, ни от чего, кроме как от молодости, от сырого тумана, от ее смуглого взгляда, от моей стянутой талии — и это ничуть не нарушало той великой любви (так ли? А если дальнейшие падения и червоточины — отсюда?), а напротив, — раздувало юность, лишь юность, а с юностью вместе раздувался тот «иной» великий пламень...

Все это знала беднота. Знала она это лучше еще, чем я, сознательный. Знала, что барин — молодой, конь статный, улыбка приятная, что у него невеста хороша и что оба — господа. А господам, — приятные они или нет, — постой, погоди, ужотка покажем.

И показали.

И показывают. И если даже руками грязнее моих (и того не ведаю и о том, господи, не сужу) выкидывают из станка книжки даже несколько «заслуженного» перед революцией писателя, как А. Блок, то не смею я судить. Не эти руки выкидывают, да, может-быть, не эти только, а те далекие, неизвестные миллионы бедных рук; и глядят на это миллионы тех же незнающих, в чем дело, но голодных, исстрадавшихся глаз,

которые видели, как гарцовал статный и кормленный барин. И еще кое-что видели другие разные глаза — но такие же. И посмеиваются глаза — как же, мол, гарцовал барин, гулял барин, а теперь барин — за нас? Ой, за нас ли барин?

Демон — барин.

Барин — выкрутится. И барином останется. А мы — «хоть час, да наш».

Так-то вот.

Возвращаюсь к «политике». Подобное «социальное чувство» — у Мейерхольда; по-другому политически в эту сторону — у Маяковского (о, ничего общего, кроме «политики»!) Ионов — самой той породы. Оттого льнет Мейерхольд к Ионову, хочет за него ухватиться.

Другой «лагерь» — Горький. Отсюда — и борьба двух отделов и двух дам. Анатолий Васильевич мирит, вовсе будучи «не большевиком по темпераменту».

А мне: уйти, наконец, с моего водевильного председательского поста [281]; остаться, в крайнем случае, редактором; подойти ближе к Вольной философской академии, где, я думаю, позволено будет думать о серьезном, а не о том, поверхностном и элементарном, над чем мыслят наши профессора (глупый Зелинский и умный Котляревский) [282].

Делая все дела, которые, даже если меня отпустят из «председателей», останутся пока слишком разнообразными и наполовину — бессмысленными (т. е. потому, что «в пределах государственных заседаний»), надо все-таки временами окидывать взглядом этого Гейне, стихи которого так прекрасны, но личность оставляет желать многого.

7 января (25 декабря)

Рождество.

Решаясь включить в «театр» «Песню судьбы», из которой я стараюсь выкинуть все уж очень глупое (хорошего и глупого времени произведение), я окончательно освобождаюсь от воли М. И. Т[ерещенки]. Мы с ним в свое время загипнотизировали друг друга искусством. Если бы так шло дальше, мы ушли бы в этот бездонный колодезь; оно — Искусство — увело бы нас туда, заставило бы забраковать не только всего меня, а и все; и остались бы: три штриха рисунка Микель-Анджело; строка Эсхила; и — все; кругом пусто, веревка на шею.

Если удастся издать — пусть будут все четыре томика — одной толщины, и в них — одно лучше, другое хуже, а третье и вовсе без значения, без окружающего. Но какое освобождение и какая полнота жизни (насколько доступной была она): вот — я — до 1917 года, путь среди революций; в е р н ы й — путь.

10 января

У Ионова в Смольном.

Сидит Ионов за переборкой в громадном зале. Там образовался приятный кабинет с книгами. А вокруг Ионова толпятся два самых плодовитых русских писателя: Вас. И. Немирович-Данченко и И. И. Ясинский.

Сколько видишь. Совсем становишься непохожим на себя — прежнего: огрубевший, сухой, деловой, стареющий.

А вот у Книпович, Е. Ф.: отец был юрист и законник; человек совершенно здоровый. Крепился, вдруг — нервный удар, и умер на месте.

Из «Проекта положения о Вольной философской академии» (взял у Эрберга) [283].

I. Назначение В. Ф. А. § 1. В. Ф. А. учреждается с целью исследования и разработки в духе социализма и философии вопросов культурного творчества, а также с целью распространения в широких народных массах социалистического и философски углубленного отношения к этим вопросам.

§ 2. Сообразно с этой двойной целью деятельность Вольной философской академии подразделяется на: 1) научно-академическую и 2) учебно-просветительную.

II. Научно-академическая деятельность Вольной философской академии. § 3. Для осуществления своих научно-академических задач В. Ф. А. способствует объединению деятелей в области научного, социального и художественного творчества на почве их общего стремления философски осмыслить свою работу, дает им возможность постоянно находится в тесном общении друг с другом и содействует таким образом выяснению общих основ культурного творчества человека.

§ 4. С этой целью В. Ф. А.: а) устраивает для своих сочленов доклады, собеседования и диспуты; б) оказывает им материальное содействие в их научной работе; в) обеспечивает их необходимыми для этой работы литературными и научными пособиями; г) командирует их за границу; д) приглашает для докладов и собеседований заграничных деятелей и е) вступает в связь с другими учреждениями, задачи которых совпадают или соприкасаются с задачами В. Ф. А.

III. Учебно-просветительная деятельность В. Ф. А. § 5. Для осуществления своих учебно-просветительных задач В. Ф. А. а) устраивает при академии постоянные циклы лекций, а также отдельные лекции, публичные доклады, собеседования и диспуты по всем вопросам культурного творчества; б) организует семинарские занятия; устраивает публичные собрания по специальным вопросам науки и искусства; в) публикует труды своих членов и другие оригинальные или переводные сочинения; г) издает при академии специальный печатный орган; д) учреждает библиотеки и читальни.

IV. Личный состав В. Ф. А. § 6. Личный состав академии распадается на: а) действительных членов; б) членов-сотрудников и в) слушателей.

А. Действительные члены. § 7. Действительными членами В. Ф. А. являются, кроме членов-учредителей, все лица, признанные общим собранием академии (§ 23) достойными этого звания и согласившиеся его принять. § 8. В выборе действительных членов общее собрание академии ничем, кроме заботы о дальнейшем преуспеянии академии, не связано. § 9. Действительные члены академии ежегодно представляют совету академии (V) доклады о своих работах, направленных на разрешение задач академии, будь то научного или же учебно-просветительного характера. § 10. Действительные члены академии подлежат переизбранию через каждые три года. Переизбранию подлежат также и члены-учредители академии по истечении 3-х лет со дня ее основания. § 11. Действительные члены академии могут быть ее общим собранием исключены из ее состава за их

позорящие академию поступки (§ 22). § 12. Действительные члены академии пользуются правом свободной преподавательской деятельности при академии в соответствии с ее основными задачами.

Б. Члены-сотрудники. § 13. Членами-сотрудниками В. Ф. А. являются все лица, признанные ее общим собранием достойными этого звания и выразившие согласие его принять. § 14. В члены-сотрудники академии могут быть избраны лица, зарекомендовавшие себя в какой-либо области культурного творчества и могущие принести академии ту или иную пользу в ее начинаниях. На них распространяются постановления §§ 10 и 11 настоящего положения.

В. Слушатели. § 15. Слушателем академии может быть всякое лицо, выразившее формальное согласие посещать устраиваемые академией лекции, участвовать в семинарских занятиях и вообще работать под руководством ее действительных членов или в ее учреждениях. § 16. Слушатели академии освобождены, как таковые, от всякой платы и пользуются правом бесплатного посещения всех, устраиваемых академией, публичных собраний, выставок, театральных представлений и т. п. § 17. Слушатели академии, признанные ее советом достойными особого поощрения, могут получать от академии материальную помощь. § 18. Трехлетняя работа академии дает слушателям право на получение от совета академии свидетельства об успешности их занятий.

V. Организация и средства академии. А. Общее собрание академии (§§ 19-24); Б. Совет академии (§§ 25-30); В. Совет и общее собрание слушателей

академии (§§ 31-33); Г. Секретариат академии (§§ 34-35); Д. Средства академии (§§ 36-37).

26 марта

Вчера — большой день. Я прочел доклад о Гейне (положение дела с переводами его), затронув в нем тему о крушении гуманизма и либерализма (во «Всемирной Литературе» [284]).

Горький предлагает заменить слово «либералы» словом «нигилисты». Он делает это предложение со своей милой сконфуженной улыбкой (присутствие профессоров).

Ожесточенно нападает Волынский [285], который указывает, между прочим, на путаницу в терминологии (исконное, знакомое мне).

Левинсон [286] ехидно спрашивает, не виноват ли Тургенев? Я утверждаю, что первый виноват Тургенев. И Герцен? — спрашивает Горький. — И Герцен.

Горький говорит большую речь о том, что действительно приходит новое, перед чем гуманизму, в смысле «христианского отношения» и т. д., придется временно стушеваться. «Или надо доходить до святости», или уступать. Он переводит вопрос на излюбленную свою тему этих дней (еще на-днях он сказал: «Все равно — придет мужик и всем головы отвинтит») — о борьбе деревни с городом. Ссылается на съезды бедноты. Говорит, что предстоит отчаянная борьба деревни с городом, в которой неповздоровится не только капиталистам, но и писателям и артистам. В заключение говорит мне с той же милой улыбкой: «Между нами — дистанция огромного размера, я — бытовик такой, но

мне это понятно, что вы говорите, я нахожу доклад пророческим, извиняюсь, что говорю так при вас».

— Но ведь вы говорите, Алексей Максимович, что гуманизм должен стушеваться временно, — с удовлетворением и в один голос спрашивают профессора.

Горький на это ничего не отвечает.

Волынский говорит, что он находит доклад не только не пророческим, но близоруким.

Батюшков, мрачно молчавший, говорит, что он, конечно, не согласен, но что он надеется, что разногласие — только в терминах.

Тихонов молчит.

Браун [287] находит интересным мое сближение Гейне с Вагнером. Упоминает о доле правды в докладе.

Гумилев [288] говорит, что имеет много сказать, и после закрытия заседания развивает мне свою теорию о гуннах, которые осели в России и след которых историки потеряли. Совдепы — гунны.

Чуковский сочувствует мне с маленьким выжиданием.

Горький предлагает посвятить этому вопросу отдельное заседание.

Я высказываю опасение, что это — превратится в религиозно-философское собрание, в интеллигентский спор об «интеллигенции и народе».

Горький полагает, что интеллигенция сильно изменилась и что доклад произведет новое действие.

Левинсон осторожно ехидствует, что сопоставление имен ему пока ничего не сказало и потому он воздерживается от суждения.

Доклад назначен на 2 апреля.

После этого Батюшков, докладывающий о предисловиях Зелинского к Иммерману, принужден во всем согласиться с моей оценкой. Только все смягчает и смазывает.

27 марта

Вершина гуманизма, его кульминационный пункт — Шиллер. Широкий и пыльный солнечный луч, бьющий сквозь круглое стекло.

Озаряющий громадный храм стиля барокко — «просвещенную» Европу. Оттого Шиллер так бесконечно близок сейчас, что он так озаряет, так в последний раз соединяет в себе искусство с жизнью и наукой, человека с музыкой. Вслед за этим непосредственно человек разлучается с музыкой; человечество, о котором пел маркиз Поза в пыльном солнечном луче, идет своими путями, — государственными, политическими, этическими, правовыми, научными.

Искусство, артистицизм, музыка начинают струиться своим путем.

Страшный Кант ставит пределы познанию. В ответ на этот вызов, брошенный закрывающимся гуманизмом, взлизывают на поверхность гуманного мира первые пламенные языки музыки, которые через столетие затопят пламенем весь европейский мир.

Статья Бенуа [289] о барокко в словаре.

Лицо Европы озаряется совершенно новым светом, когда на арену истории выступают «массы», народ — бессознательный носитель духа музыки. Черты этого лица искажаются тревогой, которая растет в течение всего века.

Непрестанные революционные взрывы, от которых воздух не очищается, а только все больше сгущается.

Появление Э. По, Байрона, Гейне.

Новейший гуманизм: отделение литературы от искусства. Мыслить без музыки. Кому мы обязаны пошлятиной belles lettres? Борьба гуманной критики с искусством. Стремление запаять гроб искусства. Та последовательность (поразительная), с которой преследовали художников — вплоть до могилы. Другие способы — снисходить; отводить под руку и шептаться: это ведь не совсем так... [290]; внушать художнику (дитяти).

А какие когда-то артистические имена: Петрарка, Боккачио, Пико де-ла-Мирандола, Рейхлин, Эразм, Гуттен...

Почему так мрачно извне? Потому что весело внутри. Работу бросают, да: иначе — не начать труда (вчерашнее).

Русская интеллигенция — устремление к религии, опять — преждевременное, новая антимузыкальность. Кончается не мир, а процесс.

28 марта

«Быть вне политики» (Левинсон)? С какой же это стати? Это значит — бояться политики, прятаться от нее, замыкаться в эстетизм и индивидуализм, предоставлять государству расправляться с людьми, как ему угодно, своими устаревшими средствами. Если мы будем вне политики, то значит — кто-то будет только «с политикой» и вне нашего кругозора и будет поступать, как ему угодно, т. е. воевать, сколько ему заблагорассудится,

заключать торговые сделки с угнетателями того класса, от которого мы ждем появления новых исторических сил, расстреливать людей зря, поливать дипломатическим маслом разбушевавшееся море европейской жизни. Мы не будем носить шоры и стараться не смотреть в эту сторону. Вряд ли при таких условиях мы окажемся способными оценить кого бы то ни было из великих писателей XIX века. Мы уже знаем, что значит быть вне политики: это значит — стыдливо закрывать глаза на гоголевскую «Переписку с друзьями», на «Дневник писателя» Достоевского, на борьбу А. Григорьева с либералами, на социалистические взрывы у Гейне, Вагнера, Стриндберга. Перечислить еще западных и наших. Это значит — «извинить» сконфуженно одних и приветствовать, как должное, политическую размягченность, конституционную анемичность других — так называемых «чистых художников».

Если я назову при этом для примера имя нашего Тургенева, то попаду, кажется, прямо в точку, ибо для наших гуманистов нет, кажется, ничего святее этого имени, в котором так дьявольски соединился большой художник с вялым барствующим либералом-конституционалистом.

Нет, мы должны разоблачить это — не во имя политики сегодняшнего дня, но во имя музыки, ибо иначе мы не оценим Тургенева, т. е. не полюбим его по-настоящему.

Нет, мы не можем быть «вне политики», потому что мы предадим этим музыку, которую можно услышать только тогда, когда мы перестанем прятаться от чего бы то ни было. В частности, секрет некоторой антимузыкальности, неполнозвучности Тургенева, например,

лежит в его политической вялости. Если не разоблачим этого мы, умеющие любить Тургенева, то разоблачат это идущие за нами люди, не успевшие полюбить Тургенева; они сделают это гораздо более жестоко и грубо, чем мы, они просто разрушат целиком то здание, из которого мы умелой рукой, рукою верной духу музыки, обязаны вынуть несколько кирпичей для того, чтобы оно предстало во всей своей действительной красоте — просквозило этой красотой...

Быть вне политики — тот же гуманизм наизнанку.

31 марта

Вначале была музыка. Музыка есть сущность мира. Мир растет в упругих ритмах. Рост задерживается, чтобы потом «хлынуть». Таков закон всякой органической жизни на земле — и жизни человека и человечества. Волевые напоры. Рост мира есть культура. Культура есть музыкальный ритм.

Вся короткая история человечества, которая сохранилась в нашей бедной памяти, есть, очевидно, смена эпох, из которых в одной — музыка замирает, звучит заглушенно, чтобы с новым волевым напором хлынуть в другой, следующей за нею.

Такова великая музыкальная эпоха гуманизма — эпоха возрождения, наступившая после музыкального затишья средних веков.

Продолжение:

Великое, музыкальное, синтетическое, культурное движение гуманизма, изживая самое себя, накануне

XIX столетия встретилось на пути своем с новым движением, идущим ему на смену (движение масс); об это новое движение и разбился гуманизм; разбился его музыкальный стиль — барокко. Одна мощная струя разлетелась на тысячу мелких ручейков, и каждый в отдельности потерял свою силу.

В брызгах, которые взлетели над разбившимся потоком, радугой заиграл его отлетающий дух—дух музыки. И дух музыки соединился отныне с новым движением идущим на смену старому.

Те ручейки, которые разбежались во все стороны, разбиваясь и ветвясь все дальше и дальше при встречах с новыми и новыми препятствиями, послужили силами для образований, которые мы все привыкли, обобщая, называть образованиями европейской цивилизации. Она сохранила за собой эпитет «гуманной», но чем больше ветвилось движение, чем больше покидал его дух музыкальной спаянности, цельности, дух культуры, тем больше она теряла право на этот эпитет; тем больше она и держалась за него (вырожденный аристократ).

Научное движение принимает характер позитивизма и материализма; оно разбивается на сотни отдельных движений (методов, дисциплин). Предлог—многообразие изучаемого мира, но скрытая причина—оставленность духом музыки.

Отдельные дисциплины становятся все более недоступными для непосвященных. Является армия специалистов, отделенных от непосвященных стеною своей кабинетной посвященности.

Непосвященные, между тем, волею истории становятся постепенно все более властными хозяевами ее судеб.

Они напоминают о себе непрекращающимися отныне революциями.

Движение цивилизации, стая посвященных в таинства кабинетной науки и европейской биржи продолжает писать на своих знаменах старые гуманистические лозунги; оно борется с одряхлевшими формами государственности, весьма справедливо называя их средостением, но не предполагая, что эти самые формы являются единственной отныне поддержкой самой цивилизации; они не знают, что то мощное движение, которое расшатывает эти государственные формы с другой стороны, стихийно хлынет и дальше, едва пробьет для себя достаточно широкую брешь.

Как бы в предчувствии катастрофы, завоевывает себе огромное, неподобающее место то явление, по существу уродливое, которое носит имя популяризации знаний. Глубокий компромисс, дилетантизм, гибельный в итоге как для самого знания, так и для тех, кто воспринимает его в таком безвкусном растворе; морфин, возбуждающий деятельность мозга на несколько часов для того, чтобы потом бросить человека в прострацию.

В ответ на это — синтетические призывы к gaia scienza [291].

Ницше сходит с ума. Носителям призывов такого рода вообще приходится пока плохо, они задыхаются в атмосфере, отравленной гуманной цивилизацией.

То же явление — во всех областях: в политике — бесконечное мелькание государственных форм, судорожное перекраивание границ; в ответ на это — революции, которые пытаются всегда ввести в русло, определить, как движения национальные, как освободительные (от

гнета), но в которых остается всегда неопределимым и невведенным в русло основное и главное — волевой, музыкальный порыв; в литературе — школы, направления; тоже — в отдельных искусствах.

Самое разделение — искусство и литература, в котором первое нечто безответственное, второе — нечто грузное, питательное, умственное.

В ответ на это — синтетические стремления Вагнера («Опера и драма»).

Что же — цивилизация — обогащение мира?

Нет, это перегружение мира, загромождение его (Вавилонская башня). Ибо все — множественно, все разделено, все не спаяно; ибо не стало материи, потребной для спайки.

Музыка была тем цементом, который создавал культуру гуманизма; когда цемента не стало, гуманистическая культура превратилась в гуманную цивилизацию.

В Западной Европе, где хранилась память о великом музыкальном прошлом гуманизма, цивилизация все время силится вступить во взаимодействие с новой силой, на стороне которой теперь дышит дух музыки. Это тончайшие, своеобразнейшие взаимодействия и сплетения, исследование которых займет современем не мало томов. Подчас различить, где в одной личности, в одном направлении кончается цивилизация и начинается культура, нелегко. Я уверен, однако, что это должно быть различено и прослежено во всех тонкостях, и что таковы именно задачи будущего историка культуры XIX века.

Не то — в бедной варварской России, где никакой памяти сохраниться не могло, где такого прошлого не

было. Здесь будут наблюдать гораздо более простые, грубые и потому — более искренние, наивные проявления разделения. Здесь, в простоте душевной, провозглашают сразу, что сапоги выше Шекспира; с другой стороны, пьяненькие представители плохонькой культуры и неважной музыки — захудалые носители музыки, российские актеры дубасят в темном переулке «представителей цивилизации» — театральных критиков, попадая при этом, как водится, в самых неповинных в цивилизации, самых культурных и музыкальных людей, как, например, Аполлон Григорьев.

Все это — весьма наивное и жалкое проявление, но по существу — все то же оно; все те же два духа борются в древней Европе и в юной России, и нет существеннейшего различия между ними при всем громадном видимом различии, потому что мир стоит уже под знаком духовного интернационала; под шумом обостренных националистических распрь и раздоров уже предчувствуется эпоха, когда самые молодые расы пойдут рука об руку с древнейшими под звуки той радостной музыки, которая прозвучит для разделявшей их цивилизации, как похоронный марш.

Мне кажется, что в той «великой битве» против «гуманизма» (grosse Schlacht der Zeit [292]) — за артиста — много пролито крови писателями германскими и русскими; напротив, изрядно экономили свою драгоценную кровь французы и англичане. Это естественно — у них музыкальная память слабее. Напротив, она громадна у немцев; у нас — память стихийная, мы слышали не Гуттена, не Лютера, не Петрарку, но ветер, носившийся по нашей равнине, музыкальные звуки нашей жестокой

природы, которые всегда стояли в ушах у Гоголя, у Достоевского, у Толстого.

1 апреля

Я получил корректуру статьи Вяч. Иванова о «Кризисе гуманизма» [293] и боюсь читать ее.

Французы и англичане менее задеты гуманистическим движением, чем средняя Европа и даже — чем Россия. У них другие пути преобладали. Потому я говорю, главным образом, о средней Европе, которая нам ближе и духовно и географически была всегда; наша галломания никогда не была органичной и, напротив, — всегда была органичной — германомания, хотя она и принимала у нас часто самые отвратительные прусские формы. Быть-может, одной из важных причин крушения у нас «пушкинской» культуры было то, что эта культура становилась иногда слишком близкой французскому духу и потому — оторвалась от нашей почвы, не в силах была удержаться в ней под напором внешних бед (Николаевского режима). Германия для Пушкина — «ученая и туманная»...

Основные положения, которые я хотел защитить: теоретические и практические.

Практические: 1) выбор для «Всемирной Литературы», руководясь музыкой; 2) в стихах и прозе — в произведении искусства — главное — дух, который в нем веет; это соответствует вульгарному «душа поэзии», но ведь — «глас народа — глас божий»; другое дело то, что этот дух может сказываться в «формах» более, чем

в «содержании». Но все-таки главное внимание читателя нужно обращать на дух, и уж от нашего уменья будет зависеть вытравить из этого понятия «вульгарность» и вдохнуть в него истинный смысл, который остается неизменным, так что «публика» в своей наивности и вульгарности правее, когда требует от литературы «души и содержания», чем мы, специалисты, когда под всякими предлогами хотим освободить литературу от принесения пользы, от служения и т. д.

Я боюсь каких бы то ни было проявлений тенденции «искусство для искусства», потому что такая тенденция противоречит самой сущности искусства и потому, что, следуя ей, мы, в конце-концов, потеряем искусство; оно ведь рождается из вечного взаимодействия двух музык — музыки творческой личности и музыки, которая звучит в глубине народной души, души м а с с ы. Великое искусство рождается только из соединения этих двух электрических токов; 3) сознательное устранение политических оценок есть тот же гуманизм, только наизнанку, дробление того, что недробимо, неделимо; все равно, что сад без грядок; французский парк, а не русский сад, в котором непременно соединяется всегда приятное с полезным и красивое с некрасивым. Такой сад п р е к р а с н е е красивого парка; творчество б о л ь ш и х художников есть всегда прекрасный сад и с цветами и с репейником, а не красивый парк с утрамбованными дорожками.

5 а п р е л я

А наш гуманизм — уже уличный: трамвайный разговор — самое дно. Общество покровительства животным,

благотворительность, приветственный адрес начальству (скрежеща зубами).

7 апреля

Примеры переоценок: Гейне и народолюбец. Несмотря на физическое отвращение, Гейне чувствует, в чем дело («Силезские ткачи» [294]). Он артист. Народолюбец — при любви — не чувствует.

Тургенев — вскрыть его неартистичность.

В артисте — отсутствие гуманной размягченности, острое сознание. Оптимизм, свойственный цивилизованному миру, сменяется трагизмом: двойственным отношением к явлению, знанием дистанций, уменьем ориентироваться.

11 июля

Ольгино и Лахта.

Чего нельзя отнять у большевиков, — это их исключительной способности вытравлять быт... Не знаю, плохо это или неособенно. Это — факт.

В прошлом году меня поразило это в Шувалове. Но то, что можно видеть в этом году на Лахте — несравненно ярче.

Жителей почти не осталось, а дачников нет. Унылые бабы тянутся утром к местному Совету, они обязаны носить туда молоко. Там его будто бы распределяют.

Неподалеку от Совета выгорело: в одну сторону — дач двенадцать, с садами и частью леса. Были и жилые. Местные пожарные ленились качать воду, приезжала

часть из Петербурга. По другую сторону — избушки огородников. Прошлогоднее пожарище в центре так и стоит.

В чайной, хотя и стыдливо — в углу, мало заметном, — вывешено следующее объявление:

«Никто не должен
Оставлять после себя
Грязи ни физической, ни
Моральной. З а в е д у ю щ и й».

Заведующий, повидимому, бывший трактирщик...

Сегодня понаехало, повидимому, много школ, но чаю не дали, потому что не было кипятку — «не предупредили заранее». Учительнице пришлось вести детей в чайную, где ей очень неохотно дали чаю — за большие деньги.

В чайной пусто, почти нет столов, и грамофон исчез. Около хорошенькой сиделицы в туфлях на босу ногу трутся штуки четыре наглых парней в сапогах, бывших шикарными в 1918 году. Тут же ходят захватанные этими парнями девицы.

Ольгинская часовня уже заколочена. Сохранились на стенах прошлогодние надписи, русские и немецкие.

Из двух иконок, прибитых к сухой сосне, одна выкрадена, а у другой — остался только оклад. Лица святых не то смыты дождем, не то выцарапаны.

На берег за Ольгиным выкинуты две больших плоскодонных дровяных барки, куски лодок, бочки и прочее. Как-то этого в этом году не собирают — вымерли все, что ли?

Загажено все еще больше, чем в прошлом году. Видны следы гаженья сознательного и бессознательного.

— Ох, уж Совет, — говорит хорошенькая сиделица. — Ваш Совет уничтожить надо. — И прибавляет сонно: — А Кронштадт второй день горит, кажется, форт Петр.

Действительно, из Кронштадта утром шел бурый дым — последствие взрыва сегодняшней ночи: в 2 часа дом наш потрясся; на улице был ветер, в море, вероятно, шторм. И, однако, черное рогатое облако, поднявшееся в стороне Кронштадта, долго не расходилось — так тяжел этот черный дым — что ли?

Никто ничего не хочет делать. Прежде миллионы из-под палки работали на тысячи. Вот вся разгадка. Но почему миллионам хотеть работать?..

13 июля (30 июня)

Из предисловия проф. Зелинского к «Сафо» Грильпарцера:

«Левкадская» скала, с которой Сафо бросилась в море, — «белая» скала. Ее свойство — даровать человеку забвение того, что делает его жизнь невыносимой. «Черным по белому» пишет память. «На белом камне белая черта», говорили древние греки о неразличимом. Белый цвет — цвет забвения. «Белый кипарис» осеняет на том свете источник Леты — его следует опасаться душе, учат орфические «книги мертвых». Мимо «белой скалы» ведет Гермес души покойников в Одиссее (XXIV, II). Им надлежало забыть все земное и стать бессознательными; позднее их поили для этого из родника Леты. Белая скала находилась в Магнессии на Меандре, над речкой Летеем; она и здесь сопоставлена с водой

забвения. Повидимому, с этой «белой скалы» хотел броситься в седые волны Анакреонт, терзаемый любовью (в одном своем стихотворении). Белая скала даровала забвение не только от любви, преступников также сбрасывали с нее в воду, чтобы они волною забвения очистились от греха. Силен Еврипида сравнивает усладу вина, дающую забвение от забот, с исцеляющим прыжком с белой скалы. И Девкалион бросился с белой скалы.

1920 ГОД

Лето

Неизданные стихотворения Полонского (1819—1898).

(Альманах «Творчество», 2, Москва-Петроград, 1918 г., стр. 5—8).

Ты моя раба к несчастью!..
Если я одною властью,
Словно милость, дам тебе —
Дам тебе — моей рабе,
Золотой свободы крылья,
Ты неволю проклянешь
И, как дикая орлица,
Улетишь и пропадешь...

Если я, как брат, ликуя,
И любя и соревнуя,
Людям правды и добра,
Дам тебе, моя сестра,
Золотой свободы крылья,
Ты за все меня простишь
И, быть-может, как голубка,
Далеко не улетишь!?

(Из тетради 50-х годов)

Когда я люблю,
Мне тогда не до песен,
Когда мир любви мне становится тесен,
Тогда я пою!

(Студенческие годы)

Где ты наивных лет мечта
И сердца чистое виденье:
Языческая кросота
И христианский луч смиренья!?

1851 г.

Я часто сердцем разумею,
Я часто думаю умом.

1851 г.

Когда я слышу твой певучий голосок,
Дитя, мне кажется, залетный ветерок
Несет ко мне родной долины звуки,
Шум рощи, колокол знакомого села,
И голос той, которая звала
Меня проститься с ней последний час
разлуки.

1851 г.

Не сердце разбудить, не праздный ум
затмить —
Не это значит дать поэту вдохновенье.
Сказать ли вам, что значит вдохновить?
Уму и сердцу дать такое настроенье.
Чтоб вся душа могла звучать,
Как арфа от прикосновенья...
Сказать ли вам, что значит вдохновлять? —
Мгновенью жизни дать значенье,
И песню музы оправдать.

1856 г.

Жизнь наша — капля, канет жизнь
В бездонный океан забвенья, —
И где тогда наш славный труд,
Все наши грезы и сомненья?..

Возникнет город на костях,
Где был чертог — пройдет дорога...
И вихрь подымет пыль, смешав
Прах нищего и полубога.

1888 г.

В альбом Г... В...

И дождь прошумел, и гроза унялась,
А капли все падают, падают...
Смыкаю глаза я, ночник мой погас,
Но прежние грезы в полуночный час,
Не радуют душу, не радуют...
И дрогнет душа, потому что она
Несет две утраты тяжелые:
Утрату любви, что была так полна
Блаженных надежд в дни, когда мать-весна
Дарила ей грезы веселые.

Другая утрата — доверчивый взгляд
И вера в людей — воспитавшая
Святую мечту, что всем людям я брат,
Что знанье убьет растлевающий яд
И к свету подымет все падшее.

1888 г.

2 сентября

Очень развитый взгляд видит на северном небе более 5 000 звезд. В телескоп видно до 1 200 000 000.

Каждая из звезд есть солнце и, вероятно, окружена своими планетами.

Наша солнечная система несется к созвездию Геркулеса со скоростью 3 — 7 миль в секунду. Мы приближаемся к звезде Вега со скоростью 11 миль в секунду.

Земля — одна из небольших планет солнечной системы.

Вся звездная куча, в которой летит земля, есть одна из бесчисленных систем, и размеры нашей — ничтожны, они выражаются лишь в миллионах миль.

Диаметр и масса солнца превосходят диаметр и массу всех вместе взятых планет системы.

Солнце и планетная система, по теории Канта-Лапласа, представляла вращающуюся массу газов, первобытную космическую туманную массу.

Когда жар ее стал остывать, когда она стала охлаждаться, она сократилась до объема солнца. Внешние слои охлаждались и сокращались быстрее, отрываясь от главной массы кольцами. Кольца разрывались и образовали планеты.

(Неймайр, I, 60 — 65) [295].

22 октября [296]

Вечер в клубе поэтов на Литейной 21 октября — первый после того как выперли Павлович, Шкапскую, Оцупа, Сюннерберга и Рождественского и просили меня остаться [297].

Мое сочувствие совершенно другое. Никто не пристает с бумагами и властью.

Верховодит Гумилев — довольно интересно и искусно. Акмеисты, чувствуется, в некотором заговоре, у них особое друг с другом обращение. Все под Гумилевым.

Гвоздь вечера — О. Мандельштам [298], который приехал, побывав во врангелевской тюрьме. Он очень вырос. Сначала невыносимо слушать общегумилевское распевание. Постепенно привыкаешь... виден артист.

Его стихи возникают из снов — очень своеобразных, лежащих в областях искусства только. Гумилев определяет его путь — от иррационального к рациональному (противоположность моему). Его «Венеция». По Гумилеву — рационально все (и любовь, и влюбленность в том числе), иррациональное лежит только в языке, в его корнях, невыразимое. (Вначале было Слово, из Слова возникли мысли, слова, уже непохожие на Слово, но имеющие, однако, источником Его; и все кончится Словами — все исчезнет, останется одно Оно).

Пяст, топорщащийся в углах (мы не здороваемся попрежнему [299]). *** невпопад вращает глазами. Грушко [300] подшлепнутая. У Нади Павлович больные глаза от зубной боли. Она и Рождественский молчат. Крепкое впечатление производят одни акмеисты.

Одоевцева.

М. Лозинский [301] перевел из Леконта де-Лилля. Мухамед и Альмансур, погребенный в саване своих побед. Глыбы стихов высочайшей пробы. Гумилев считает его переводчиком выше Жуковского.

Гумилев и Горький. Их сходства: волевое; ненависть к Фету и Полонскому — по-разному, разумеется. Как они друг друга ни не любят, у них есть общее. Оба не ведают о трагедии — о двух правдах. Оба (северо) восточные.

Статья В. М. Алексеева о китайской литературе [302]. Новые горизонты и простор для новых обобщений. Связь ее со «Всемирной Литературой» и с тем, что есть в акмеизме.

Как всегда бывает, пока я записываю эти строки, звонит один из стоящих на страже моей, —

Р. В. Иванов и предлагает председательствовать на заседании Вольфилы, в годовщину ее, посвященном Платону. А я-то «уклоняюсь к Аристотелю».

Рассказы *** о заграница на-днях. Полное прекращение революции в Европе (т. е. революции большевистской).

Скандинавия ломится от товаров, люди семипудовые, полное равнодушие ко всему, пропорциональное поправение стортинга. (Брантинг удален потому, что замышлял кое-какие социальные реформы)... Падение театра. Постройка целого города с рабочими садами для типографии в Стокгольме. Готовность печатать для России.

Англия переваривает войну иначе. Большая обеспеченность рабочих (в дни скачек несколько фабрик стоят, потому что рабочие уехали на скачки). Рядом с этим — падение производительности на 20%—потеря охоты «работать на других». Социализация может прогрессировать и в Англии, но в совершенно иных формах, чем у нас (о чем говорил и Уэллс в Смольном).

Когда русские (красные) подходили к Варшаве, Ллойд-Джордж был за войну с Россией. Тред-юнионы выступили с полной авторитетностью против войны; но вовсе не против войны с Россией; они выступили бы также, если бы им предложили воевать с кафрами, неграми — Европе вообще довольно войны.

Русскими вообще интересуются, но плохо знают. Много говорят о большевистских зверствах. Г-н Красин считается приличным представителем, потому что он приехал с дочерьми, которые говорят по-английски. Как допрашивает полиция.

Германия оправляется от войны. Цены везде увеличились в 2—3 раза, не больше...

Ты говоришь, рабом ты будешь,
Молиться станешь мне одной,
Что век меня ты не забудешь
Лишь только б я была с тобой.
Не уверяй, брось!
И не целуй, брось!
Все лишь обман, любви туман!
К себе ты страсти не возбудишь,
Не верю я любви твоей!
Моим ты никогда не будешь,
И не отдам души моей.
И т. д.

Слова и музыка И. А. Бородина.

Я степей и воли дочь,
Я забот не знаю,
Напляшусь за целу ночь —
День весь отдыхаю.
Захочу — полюблю,
Захочу — разлюблю,
Я над сердцем вольна,
Жизнь на радость мне дана!
Наш отец — широкий Дон,
Наша мать — Россия!
Нам повсюду путь волен,
Все места родные!

Подари мне, молодец,
Красные сапожки!
Разорю тебя в конец
На одни сережки!

Соч. Н. И. Шишкина.

Все говорят, что я ветрена бываю,
Все говорят, что любить я не могу,
Но почему же я всех забываю,
Лишь одного я забыть не могу.
Многих я любила, всех я позабыла,
Лишь одного я забыть не могу.
Но почему же я всех забываю,
И лишь его я забыть не могу.
Не отравляйте душу мне больную,
Не вспоминайте о нем, я вас молю.
Лучше в могилу кладите живую,
Я не скажу вам, кого я люблю.

(Цыганская [песня])

Везде и всегда за тобой,
Как призрак, я тихо брожу
И с тайною думой порой
Я в чудные очи гляжу.
Полны они негой и страстью,
Они так приветно глядят,
И сколько любви, сколько счастья
Они мне порою сулят.
Быть-может, и время настанет,
С тобою не будет меня,
И в очи те чудные станет
Смотреться другой, а не я.
Другому приветно заблещут
Твои огневые глаза.
И вспомнишь их, сердце трепещет,
И тихо струится слеза.

(Цыганский [романс])

Я грущу, если можешь понять
Мою душу доверчиво нежную,
Приходи ты со мной попенять
На судьбу мою странно мятежную.

Мне не спится в тоске по ночам,
Думы мрачные сон отгоняют,
И горючие слезы к очам,
Как в прибое волна, приливают.
Как-то странно и дико мне жить без тебя,
Сердце лаской любви не согрето.
Но мне правду сказали, что будто моя
Лебединая песня пропета.

(Муз. М. Я. Пуаре; В. Панина)

Не уходи, побудь со мною,
Здесь так отрадно, так светло,
Я поцелуями покрою
Уста, и очи, и чело.
Не уходи, побудь со мной,
Я так давно тебя люблю.
Тебя я лаской огневою
И обожгу и утомлю.
Не уходи, побудь со мною,
Пылает страсть в моей груди,
Восторг любви нас ждет с тобою
Не уходи, не уходи.

Если жизнь не мила вам, друзья,
Если сердце терзает сомненье,
Вас рассеет здесь песня моя,
В ней тоски и печали забвенье.

Дай, милый друг, на счастье руку,
Гитары звук разгонит скуку,
Забудь скорее горе злое,
И вновь забьется ретивое.

Наливайте бокалы полней,
Позабудем о жизни тяжелой,
И под звук моей песни веселой
Вам покажется жизнь веселей.

Я спою вам, друзья, про любовь,
Всех страданий виновницу злую.
Каждый вспомнит свою дорогую
И сильней забурлит ваша кровь.

Дремлют плакучие ивы,
Низко склонясь над ручьем,
Струйки бегут торопливо,
Шепчут во мраке ночном.
Думы о прошлом далеком
Мне напевают они,
Сердцем больным, одиноким,
Рвусь я в те прежние дни.
Где ты, голубка родная,
Помнишь ли ты обо мне,
Так же ль, как я, изнывая,
Плачешь в ночной тишине?

Джень дем мэ препочто,
Джон дем мэ правовир
Имел мэ, имел мэ сила зуралы.

Эх, распошел шум ро,
Сиво граи пошел,
Ах, да распошел, хорошая моя!

Поденьте, поденьте бокалы проскалинт!
Чевеньте, чевеньте бравинта сэгэдых!..

Карин мэ наджава, карин мэ не пойду,
Кэ ей проминутка мэ саж заверну...

Черные очи, белая грудь
До самой зари мне покоя не дают.

Налейте, налейте бокалы вина,
Забудем невзгоды, коль выпьем до дна...

Я вам не говорю про тайные страданья,
Про муки страстные, про жгучую тоску,
Но вы все видите, прелестное созданье,
И руку ласково вы жмете бедняку.
В вас нет любви ко мне, но вы душою нежной,
Душою женственной умеете щадить
Разбитые сердца и дружбой безмятежной
Мятежную любовь хотите усыпить.
Но если б знали вы, как сильно сердце бьется (стонет),
Какая боль в груди, какой огонь в крови.
Когда мой робкий взгляд во взгляде вашем тонет,
Лишь дружбу видит в нем и тщетно ждет любви!

Быть-может, и мы разойдемся,
И, бог весть, сойдемся ли вновь,
Быть-может, и мы посмеемся
Над тем, что будила любовь,
Но пусть и любим я не буду,
Другие тебя увлекут,
Но верь, я тебя не забуду
За несколько светлых минут.
Быть-может, не в силах бороться
Мне будет с тоской о тебе,
Быть-может, вся жизнь разобьется,
И дух мой угаснет (в борьбе) во мне,
Но пусть и в живых я не буду,
Пусть труп мой в могилу кладут, —
И там я тебя не забуду
За несколько светлых минут.

(Это научил меня любить в молодости Кока Гун. Кажется, было записано в его альбоме, и сам он писал это в альбом какой-то девушке).

Забыты нежные лобзанья,
Минула страсть, прошла любовь,
И радость нового свиданья
Уж не волнует больше кровь,

На сердце — гнет немых страданий,
Счастливых дней не воротить,
Нет сладких грез, былых мечтаний,
Напрасно верить и любить!
Так, ветер всю красу наряда
С деревьев осенью сорвет,
И по тропам унылым сада
Сухие листья разнесет.
Их далеко разгонит вьюга,
Покрывши снежной пеленой,
Навек разделит друг от друга,
Крутя над мерзлою землей.

(Муз. А. Ленина)

Жалобно стонет ветер осенний,
Листья кружатся поблекшие.
Сердце наполнилось тяжким сомнением,
Помнится счастье утекшее.
Помнятся вешние песни веселые,
Нежные речи приветные,
Очи лазурные, рученьки белые,
Ласки любви бесконечные.
Все, что бывало, любил беззаветно я,
Все, во что верилось мне —
Все эти ласки и речи приветные
Были лишь грезы одни.
Грезы, — так что же, к чему пробуждение.
Осень, и холод, и тьма,
Или исчезла пора увлечения,
Счастье, любовь без ума?
Или исчезли навеки дни счастия,
И осужден я судьбой
Жить без любви и без слова участия
Жить с моей старой тоской?

«Уголок», слова В. Мазуркевича.

Дышала ночь восторгом сладострастья,
Неясных дум и трепета полна,
Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна.
Наш уголок я убрала цветами,
К вам одному неслись мечты мои,
Мгновенья мне казалися часами,
Я вас ждала, но вы... вы не пришли...
Мне эта ночь навеяла сомненья,
И вся в слезах задумалася я.
И вот теперь скажу без сожаленья:
Я не для вас, а вы не для меня!
Любовь сильна не страстью поцелуя!
Другой любви вы дать мне не могли.
О, как же вас теперь благодарю я
За то, что вы на зов мой не пришли!

Да, я влюблен в одни глаза,
Я увлекаюсь их игрою!
Как хороша их глубина!
Но чьи они — я не открою.
Едва в тени густых ресниц
Блеснут опасными лучами, —
И я готов упасть уж ниц
Перед волшебными глазами!
В моей душе растет гроза,
Растет, бушуя и ликуя.
Да, я люблю одни глаза,
Но чьи они — не назову я!

Я тебя бесконечно люблю,
За тебя я отдам мою душу,
Целый мир за тебя погублю,
Все обеты и клятвы нарушу.
Для меня ты — на небе звезда,
Твоего только жду приговора,

Оторвать не могу никогда
От тебя восхищенного взора.
Я тебя ведь, как бога, люблю,
Пред тобою одним лишь немею.
Я тебя бесконечно люблю
И, увы, разлюбить не сумею.

(Слова В. Мятлева, муз. Н. В. Зубова).

Все это переписано 7 ноября из «Полного сборника романсов и песен» в исполнении А. Д. Вяльцевой, В. Паниной, М. А. Каринской. Еще бы найти «Как хороши те очи», потом — «Колокольчики, бубенчики», где сказано: «Бесконечно жадно хочется мне жить!».

---

8 ноября

Лазарь Вас. Мартынов, сибирский крестьянин, 22 лет, матрос, учится в консерватории у Исаченки [303] и служит сотрудником в Большом драматическом театре:

Я был на тюремном свиданьи.
(Любовных свиданий там нет.
Там горе одно и страданье
На все наложило свой след).

Поет про море, про цветы («душа поэта»).

В длинной юбке со цветами,
С мотылечками на ней,
Увлекается садами
(Как идет все это к ней)!
Если дернуть вдруг за юбку,
Сразу свалится она...
...трубку
...да бутылочку вина.

To Sally

Я хочу лететь к тебе
Мотылечком-невеличкой
И вопрос задать тебе:
Ты, Sally, будешь большевичкой?

А когда восходит солнце,
Это прелести одни,
Всюду отблески червонца
Рассыпаются в волне...

(Из «Песни матросов»)

Небовых лишь седин,
Вдаль простерших свой хвост...

Эти строчки мне запомнились наизусть.

9 ноября

Уэллс [304], сидя в квартире Горького, написал дополнение к автобиографии за годы войны. Удивительно, сколько он написал за это время, и все — социальный вопрос! В одном из романов он описывает страну, дошедшую вследствие войны до одичания, голода и анархии. Считая события нашего времени великими, он теперь думает более всего о воспитании молодых поколений в духовном интернационализме. Он написал историю, составленную с не националистической точки зрения: так, по его мнению, ее нужно преподавать во всех странах — единообразно. В конце заметки он пишет, что Россия, обнищавшая и голодная под влиянием царского режима и «отвратительной» политики Антанты, не умерла, но представляет из себя удивительнейшую

страну в мире. Здесь он разговаривал с Лениным и Троцким. Он будет способствовать сближению Англии и России, столь далеких друг от друга в настоящее время.

16 ноября

На-днях в председатели Всероссийского профессионального союза писателей выбрали мы все-таки М. Горького, хотя и с массой оговорок. Волковысский [305] рассказал, как разделились голоса в Москве: А. Белый, Бердяев и Шпет [306] горячо протествовали против Горького. У нас без оговорок были только А. В. Ганзен [307] и К. Чуковский. Волынский своего хода мыслей не изложил. Замятин, Губер, Ирецкий, Волковысский, Мазуркевич [308] и я говорили помногу.

Вечер у Браза[309]. Холичер (Herr Hollitscher?) — венгерец, 55 лет, теперь работает в немецких и американских газетах. С красной звездой, низким лбом, густыми, седеющими и вьющимися волосами, глубоко спрятанные суровые и добрые глаза на широком лице. Вечер состоял в том, что мы «жаловались», а он спорил против всех нас. «Не желайте падения этой власти, без нее будет еще гораздо хуже». «Народ угнетали всегда, теперь он угнетает нас». «Через три года наступит или полное одичание, или небывалая жизнь». «Правы те, кто теперь на врангелевском фронте». «Простой народ, когда его угнетали, говорил о боге; мы, когда нас угнетают, говорим о том, что нам больно. Потому, что цивилизованные люди ни во что не верят. Впрочем — не все». «Я — не коммунист, а анархист, но работаю

с коммунистами, считая коммунизм ступенью к анархизму». «Как жаль, что русская интеллигенция так развращена. Из всего этого (т. е. из наших слов) я вижу, что нужно 2 — 3 поколения (чтобы сменились)... [310]. «Коммунизм не политическая экономия только, это — метафизика и мистика».

Около 5 часов подряд он печально возражал, часто сердясь — тогда его голос становился металлическим и немного крикливым. «Начало настоящего коммунизма — не 25 октября, а первый субботник. Ясно, чтобы поднять страну, доведенную до этого царем и войной, нужно без отдыха работать. Здесь никто ничего не делает. Власть, работающая за десятерых каждый, не виновата, что столько маленьких воров вокруг. Контроль по мере удаления от центра слабеет». В конце вечера я уже не находил возражений, тем более, что сосед мой и хозяин дома все более увлекался собственным красноречием, рисуя отнюдь непривлекательные для меня картины буржуазного мира... Но... во что же у вас верить, дорогой Herr Hollitscher?

Шаляпин в Еремке («Вражья сила» Серова) достигает изображения пьяной наглости, хитрости, себе на уме, кровавости, ужаса русского кузнеца. Не совсем только, нехватает заурядности, он слишком «Шаляпин», слишком «Мефистофель» вообще местами, а не заурядный русский дьявол.

В Германии, говорит Холличер, готовится то же самое. Фабриканты предпочитают закрывать фабрики, чтобы не платить огромных денег рабочим и огромных налогов. В минуту, когда здесь тронут Ленина, в Берлине

потухнет свет и остановится водопровод. «Если мы уйдем, — сказал Троцкий, — мы так хлопнем дверью, что вся Европа затрясется».

22 ноября

В поисках легкой и веселой комедии, которой жаждет вся наша труппа [311].

Un monsieur, qui suit les femmes—Вольф, II, 181.

Аверкиев. Фрол Скобеев, т. I—Вольф, III, 39. Гнедич в сборнике исторической секции, 41.

Сидоркино дело, т. III—Вольф III, 72.

Барьер и Мюрже. Богема, ком. в 5 д., перевод с французского В. Саблина. (Литографированное издание Разсохина, М., 1899).

Дядька в затруднительном положении—Вольф II, 165.

Анри Бекк.

«Трактирщица» Гольдони.

Лопе де-Вега. Собака садовника (Собака на сене).

Дюма-сын. Le demi-monde—Вольф, III, 155 и сл.

Погосский.

Пальм.

Ф. Мельяк. Фру-Фру.

Скриб. Рассказы королевы Наварской.

Сарду. Madame «с сажень» [312].

» Andria—Вольф III, 60.

Адвокат Пателен.

Испанский дворянин (Дон Сезар де-Базан)—Вольф, II, 174 и III, II.

Les folies dramatiques—Вольф, II, 174.

Лев Гурыч Синичкин — 5 д.

Вечер старинных водевилей.

Вот так пилюли — «Репертуар и Пантеон», 1842.

Заколдованный принц карликов — Вольф II, 115, Гнедич в сборнике исторической секции — 7.

Тирсо — Благочестивая Марта.

Русская свадьба — Сухонина.

Уайльд. Идеальный муж. Веер лэди Уиндермер.

Плоды просвещения.

Женитьба Белугина.

Баяр. Le Marie à la campagne — Вольф II, III; искать перевод (у меня есть указания).

Барьер. Les jocrisses de l'amour—Вольф III, 157—158.

Les mémoires du diable—Вольф II, 103; «Репертуар и Пантеон», 1842, № 11.

12 декабря

Шекспир.

1564 — рожденье. Old merry England.

1582 — женитьба на Анне Гесуэ (18 лет ему).

1583 — 1585 — трое детей.

1585 — 1587 — уехал из Стратфорда в Лондон. «Браконьерство». Актер. Сначала—присматривал за лошадьми или помощник суфлера?

1593 — 94 — «Венера и Адонис» и «Лукреция».

1596 — смерть единственного сына Гамлета.

1597 — покупка большого дома в Стратфорде.

1599 — получил дворянский герб.

1601 — смерть отца. Гибель Эссекса и Соутгентона.
1602 — покупка земли под Стратфордом.
1603 — смерть королевы Елизаветы.
1607 — выдал замуж старшую дочь.
1608 — смерть матери.
1616 — смерть.

---

37 драм:

1591 или около — Тит Андроник. Король Генрих VI (I часть). Два веронца. Комедия ошибок.

1592 — Король Генрих VI (II часть). Бесплодные усилия любви. Ромео и Джульетта. Король Генрих VI (III часть).

1594 — Усмирение строптивой. Король Ричард III.

1595 — Венецианский купец. Сон в Иванову ночь.

1596 — Король Джон. Король Ричард II.

1597 — Король Генрих IV (I часть).

1598 или около — Конец делу венец. Король Генрих IV (II часть).

1599 — Много шуму из ничего. Король Генрих V.

1600 — Виндзорские кумушки.

1601 — Двенадцатая ночь. Как вам это нравится.

1602 — Гамлет.

1603 — Юлий Цезарь. Мера за меру.

1604 — Отелло.

1604 — 1605 — Король Лир.

1606 — Макбет.

1607 — Тимон Афинский.
1608 — Антоний и Клеопатра. Перикл.
1609 — Троил и Крессида. Кориолан.
1610 — Зимняя сказка.
1610—1611 — Цимбелин.
1611 — Буря.
1613 — Король Генрих VIII.

Первый период: 1590—1594 — подражательность и очарование жизнью (?).

Второй период: 1594—1601 — беззаботность. «Фальстафовский».

Третий период: 1601—1609 — «душевный мрак» (?). «Гамлетовский».

Четвертый период: 1609—1616 — примиренность (!).

13 декабря

Вчерашнее экстренное соединенное заседание режиссерского управления и местного комитета в театре по поводу заявления Юрьева [313] об уходе.

Конечно, очень тяжело... Всеобщее озлобление сказалось. Люди вопили от ярости (конечно, в воплях было много и актерского). «Благородство» и «ревность о доме» во всех таких случаях внушает мне не полное доверие: я всегда вижу что-то второе, не слишком казистое (как среди актеров, так и среди литераторов). Вообще, когда патетически говорится о нравственности, она в большей опасности.

Я нашел в себе силу указать на свою точку зрения: считая поступки Юрьева возмутительными и разделяя

мнение присутствующих, я хотел бы, однако, чтобы кара была мягче, ограничилась бы воздействием товарищей, местного комитета, общего собрания, «профсоюза» даже, прессы даже — только, чтобы дело не дошло до «милиции», потому что Юрьев — художник, а искусство с воздействиями какой бы то ни было власти несовместимо.

За это я претерпел нападение Монахова, Лаврентьева, Старостина и Андреевой [314]. Лаврентьев вопил, что Юрьев — вовсе не художник, а только работник, что всем, что он дал, он обязан тому окружению, которое дал ему театр. Мысль,— не лишенная доли истины, но чувствуется личная обида. Андреева... На этот раз лучшей ее язвой было — обозвать меня «зрителем». У Крючкова [315] злобно косился рот. Старостин по-мужицки сказал, что Юрьев, хотя и художник, досадил всем столько и все столько от него терпели, что шадить его не стоит. Общее мнение было таково, что надо устроить, чтобы не он ушел, а его с позором ушли.

Я не раскаиваюсь в том, что оказался в роли защитника, хотя и очень слабого, но услышанного, Юрьева, которого вовсе не обожаю. Однакоже дело обойдется для Юрьева без полиции не благодаря мне, а благодаря тому, что на-днях Крючков, совместно с «профсоюзом», потерпел жестокую неудачу на этом деле в опере. Именно: Мозжухину [316], не дали той же красной строки, и он отказался петь... У него разлилась желчь, и он стал героем, «пострадав» и получив много сочувствий от труппы и публики.

Юрьев, хотя и слабый, но представитель классической традиции в театре. Классика, в отличие от романтики и натурализма, состоит в том, что дается зрителю твердый каркас; такие зрители, как я, умеющие смотреть, украшают этот каркас любыми узорами; вот я и украшал Юрьева и сразу отличил его от всех других, как предмет, годный для украшения, когда в первый раз пришел на «Дон Карлоса» в Большой драматический театр, еще не служа там. Юрьев говорит, движется, гримируется, носит себя так, что фантазии зрителя просторно. Вот почему он — художник. Есть совершенно обратное — наполнять себя содержанием, которое достойно того, чтобы его воспринимал зритель. Это делают актеры обратного типа. В отношении Позы мы и хотим пробовать в этом направлении (с Мичуриным!).

Вчитываясь в Карлоса с целью указать новому составу путь возможных уклонений от игры прежних исполнителей и поговорив об этом с Лаврентьевым (как всегда, отрывисто, полунамеками), я пришел к следующему:

Всего прочнее позиция Монахова. Он плохо забывается, когда перечитывает драму. У него многое — от Шиллера. Тем не менее можно попытаться, не нарушая Шиллера, придать Филиппу черты менее «благообразные», более отталкивающие, отвратительные, слюнявые, старческие, острые, жестокие. Вспоминал де-Кастеровского Филиппа.

Карлоса в театре, конечно, не было и тени, о чем, к сожалению, нельзя говорить труппе. Чего же требовать от г. Максимова?

Карлос — чист, необыкновенно юн и попадает в странные положения, не то что неудачливые или ложные, но близко к тому. Он постоянно разочаровывается, постоянно ломают ему душу, причем он еще и пассивен по сравнению с Позой. Однако гамлетизма в нем вовсе нет. Это — юноша, которому суждено не жить, а погибнуть, на всех его делах — печать этого.

Поза (новый, не «классический») должен быть наполнен содержанием большим, чем его слова; сила убеждения разлита в нем; он и наивнее, и проще, и, может-быть, даже менее красив и вместе — общественнее. Он воспитывает и держит Карлоса так же, как великий инквизитор — Филиппа; но до такой степени противоположны эти воздействия и влияния!

Сила добра и сила зла. Так купаться в лучах этого добра может только человек, так легко и широко дышащий, как Шиллер. В литературе почти нет подобных образцов естественного, непринужденного изображения добра — вот в чем сила Шиллера. Он сам — Поза.

Еще о Филиппе: монаховский Филипп — величавый король, который теряет равновесие в течение этой драмы. Можно сыграть давно потерявшего равновесие, «сладострастно» ищущего опоры («человека»), самого себя обманывающего старика.

Большой старый театр, в котором я служу, полный грязи, интриг, мишуры, скуки и блеска, собрание людей, умеющих жрать, пить, дебоширить и играть на сцене — это место не умерло, оно не перестало быть школою жизни, пока жизнь вокруг стараются убить.

Разные невоплощенные Мейерхольды и многие весьма воплощенные уголовные элементы еще все сосут, как пауки, обильную русскую кровь; они лишены творчества, которое ведь требует крови («здоровая кровь — хорошая вещь»), поэтому они, если бы и хотели обратного, запутывают, стараются опутать жизнь сетью бледной, аскетической, немощной доктрины. Жизнь рвет эту паутину весьма успешно, у русских дураков еще много здоровой крови. Когда жизнь возьмет верх, тогда только перестанет влечь это жирное, злое, веселое и не очень здоровое гнездо, которому имя — старый театр.

---

16 декабря

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein, und für den Edlen ist kein schöner Glück, als einem Fursten, den er ehrt zu dienen.

(Goethe, T. Tasso, 930—932) [317].

24 декабря

С месяц тому назад Мейерхольд поручил мне рассмотреть пять премированных московским театральным отделом революционных пьес, с целью указать, годны ли они к печати.

Все пьесы — весьма любопытные человеческие документы; тем не менее, все они нетеатральны, а литературную критику может выдержать только одна «Захарова смерть», драма в 4 действиях Александра Неверова [318].

«Захарова смерть» — бытовая драма, написанная хорошим литературным языком, очень правдиво изображающая некоторые черты современной деревенской жизни. В стариках, носителях старого уклада жизни, автор подчеркивает, главным образом, отрицательное, соответственно заданию, но художественное чутье все-таки заставило его быть правдивым, и старики вышли неправыми, но милыми и живыми.

Носители нового — сбившиеся с пути бабы, девки, мужики и казаки; герои пьесы — Григорий и Надежда, на словах — светлые личности, ищущие нового, на деле — пока только разрушающие старую жизнь: Григорию удалось по ходу пьесы пока только уморить родителей, сойтись с чужой женой и убежать от белых. Никаких дальнейших перспектив автор не открывает, но он верен бытовой правде; поэтому, его драма оставляет у читателя доброе и грустное впечатление, позволяя ему сделать какой-угодно вывод и не насилуя его совести; а так как совесть влечет человека к новому, если над ней не производить насилия, и обратно — неизбежно умолкает под гнетом насилия, и тогда человек все прочнее утверждается в старом, — то следует признать, что г-ну Неверову удалось, не давая никаких словесных обещаний и не скрывая печальной правды, склонить читателя к новому.

Такова судьба всякого подлинного литературного произведения.

(Да, эта моя мысль, так выраженная, ясна и хороша не только для рецензии. Еще раз: человеческая совесть побуждает человека искать лучшего и помогает ему порой отказываться от старого, уютного, милого,

но умирающего и разлагающегося в пользу нового, сначала неуютного и немилого, но обещающего свежую жизнь.

Обратно: под игом насилия человеческая совесть умолкает; тогда человек замыкается в старом; чем наглей насилие, тем прочнее замыкается человек в старом. Так случилось с Европой под игом войны).

Что касается остальных пьес, то все они сходны в том, что также не открывают никаких перспектив, но зато в большей или меньшей степени лишены художественных достоинств и нравственной высоты «Захаровой смерти».

«В дни революции», драма в 4 действиях П. М. Родионова (получила 1-ю премию, а «Захарова смерть» — 2-ю!), по-своему тоже правдива; но правда ее — фотографическая. Язык недурен, и сплести довольно путаную интригу автор сумел. Но печатать я бы не стал, потому что в пьесе с фотографической точностью представлено все убожество современной жизни: русская вялость, вороватость, предательство, ничтожество, неудачничество благих порывов, увлечение шпионством, обнагление человека, видимая безвыходность всего положения. Можно все-таки найти несколько менее мутные очки для оценки положения русских людей, о чем свидетельствует хотя бы та же «Захарова смерть». Читателю, который видит столько серых пятен своими глазами, нет нужды видеть их еще и в книге, которая должна как-то, в конце концов, помочь ему жить, а не отнимать последних надежд.

Из двух пьес г-на Новикова: «Город», зрелище в 4 частях, и «Мастер грядущего», пьеса

в 4 действиях с прологом, стоит говорить главным образом о «Городе».

Г-н Новиков, пожалуй, самый «талантливый» из четырех авторов. Он знаком с новейшими течениями и подражает, как справедливо указал проф. Коган[319], Л. Андрееву и автору этих строк (только как-раз не «Балаганчику», а «Королю на площади» и «Песне судьбы»). Подражание или влияние — двоякого рода; с одной стороны, автор развил символический прием, благодаря которому ему удалось показать единую сущность разных действующих лиц (в «Городе» — проститутка — дочь банкира; шарманщик — музыкант); это плюс; с другой — он нашел залежи того условного, невкусного и непитательного, как сахарин, языка, от которого не могли отделаться как Л. Андреев, так и автор этих строк; г-н Новиков, напротив, накинулся на этот язык с жадностью, залил им десятки страниц, что позволило ему соблюсти сомнительную моду — представить не людей, а типы людей, людей вообще, так что устами действующего лица почти без исключения говорит не человек, а «капиталист», «рабочий», «агент», «король» и т. д. Нельзя отказать автору в уменьи фабриковать сахарин, повсеместно заменяющий ныне сахар, но железистый вкус все-таки остается во рту, не говоря о том, что сахарин не всегда первосортный и требует еще обработки, хотя бы — германской.

Сверх того, в пьесах г-на Новикова раздается визгливая погромная нотка против интеллигенции; например, в конце «Города» один из пытающихся бежать за границу произносит тираду: «Ведь мы из этой самой науки подтасовками разными культ, литургию

собственности сделали! Наука в наших руках капиталу, как верный пес сторожевой, служила. А кто из школы застенок сделал?» и т. п.

Все эти развязные газетные фразочки, разумеется, остаются на совести автора. Но подносить их русскому читателю или зрителю, еще не умеющему разобраться, отличить науку от носителей, сообразить, что без носителей науки, каковы бы ни были их недостатки или достоинства, и науки не будет, и т. д. — я считал бы бессовестным.

О последней пятой пьесе «Рыбий бунт» или «День и вечер», пьеса в 3 действиях и 4 картинах с «апофеозом» Евг. Бывалова говорить много не приходится. В. Э. Мейерхольд увлекся тем, что она написана «красным моряком»; тем не менее, над обыкновенной любительской и очень неумелой стряпней она не возвышается; такую наивную феерию, составленную по образцу «патриотических» феерий наизнанку, с гимном под занавес, с гораздо большим успехом мог бы сочинить старый и опытный театральный драмодел, действующий при помощи ножниц. У моряка же, к чести его будь сказано, ничего не вышло [320].

1921 ГОД

3 января

Новый год еще не наступил — это ясно; он наступит, как всегда, после Рождества.

В маленьком пакете, спасенном Андреем из шахматовского дома и привезенном Феролем [321] осенью: листки Любиных тетрадей (очень многочисленные). Ни следа ее дневника. Листки из записных книжек, куски погибших рукописей моих, куски отцовского архива, повестки, университетские конспекты (юридические и филологические), кое-какие черновики стихов, картинки, бывшие на стене во флигеле.

На некоторых — грязь и следы человеческих копыт (с подковами). И все.

4 января

1 января не было ничего, кроме мрачной тоски.

2-го на «Венецианском купце» — мрачнейшие слухи о московском съезде и о русских за границей (униженных).

3 января окончена разборка архива моего (новогоднего). Днем — Е. Ф. Книпович, которая была в прошлом году самым верным другом нашей несчастной квартиры. Вечером была Павлович, я видел ее мельком.

Сегодня — на Моховой и в домовом комитете за продовольственными карточками. Все, что я слышу от людей о Горьком, все что я вижу в г. *** — меня бесит. Изозлился я так, что согрешил: маленького мальчишку, который, по обыкновению, катил навстречу по скользкой панели (а с Моховой путь не близкий, мороз и ветер большой), толкнул так, что тот свалился. Мне стыдно, прости мне, господи.

В. М. Алексеев докладывал сегодня о литературной жизни Англии по Athaeneum'у за 1920 год. И это было мрачно. С. М. Алянский звонил: он обвенчался в синагоге; в синагоге, как следует, торжественно; второе — о Лурье [322] ни слуху ни духу, вечер останавливается из-за него; третье — г-н Ионов соизволил позволить печатать III том. Я позволю это только Алянскому [323].

5 января

В чистом виде или, по крайней мере, в книге «Le sectes et societés secrets du compte de Conteulf de Cantelen, edit. 1780, Paris» (?), легенда гласит:

Первый созданный богом Адонаи ангел Денница не желал уступать никому первенства, за что был свергнут с неба. Бог создал людей — Адама и Еву и поселил их в Эдеме. Денница, тоскующий о небе, пролетал над Эдемом и увидел Еву. Плодом их любви был Каин. Его свободная душа, искра Денницы, была бесконечно выше души раба Авеля, сына раба же — Адама. Но Каин был добр к Авелю и служил опорой немощной старости Адама. Бог из ревности к гению Денницы

изгнал Адама и Еву из Эдема (?). Адам и Ева за это возненавидели Каина и всю любовь перенесли на Авеля, который отвечал презрением и гордостью на любовь Каина.

У братьев была сестра Аклиния, связанная с Каином любовью, но ставшая супругой Авеля по воле ревнивого бога (?). Бог боялся свободной души Каина и не желал ему потомства. Каин в нетерпении убил Авеля, бог проклял его. Каин посвятил себя и все свое потомство от Аклинии на служение потомкам Адама и Авеля. Он научил их земледелию, его сын Енох — семейной жизни, внук Ламек — общественной жизни и музыке, правнук Туваэкуин — плавлению металлов, его сестра Ноэма — пряже и тканью; дальнейшие потомки — письму и чтению. Но все потомки Каина были печальны, сознавая несовершенство своих дел и не будучи в состоянии проявить свет Деиницы до конца вследствие проклятия Адонаи.

Правнуком Туваэкуина был Адонирам, строитель Соломонова храма, посланный Соломону добрым царем тирским Хирамом.

Из этой легенды проф. Мишеев сделал драму в 4 действиях и 12 картинах — «Во дни царя Соломона», с эпиграфом «есть конец страданью, нет конца стремленьям (?)», посвятил Горькому и потрафил моде: «человек» (потомок свободного Денницы) гибнет от царя (остающегося, как и бог, в дураках), но «правда торжествует». Царица Савская Балкис, конечно, влюбилась в Адонирама (хотя Соломон влюбился в нее). Есть ряд эффектных ролей и положений. Нельзя отказать пьесе

в интересности, но жаль, что в ней так много для карьеры, для моды и много пошлостей.

Этот проф. Мишеев — талантливый, пошлый, бестактный поляк, неумный, но очень сметливый господин, служил у нас в театре год назад по литературной части. Выпер его Лаврентьев. Мишеев, по его словам, знал моего отца. Карьерист. Горький, читая пьесу, все время поправлял слог, как он делает это всюду.

Гете, Торкватто Тассо (перевод В. А. Зоргенфрея).

Талант растет в тиши уединенья,
Характер образуется в борьбе (304-305),

Людей боится, кто не знает их,
А кто от них бежит, тот знать не может (310-311).

.... Я не одержим
Неистовым влечением к свободе.
Не для свободы создан человек,
Для благородного удела нет
Прекраснее, чем служба государю,
Которого он чтит (928-932) (Тассо).

Тассо. Век золотой — куда он отлетел.
Его напрасно жаждут все сердца,
Тот век, когда свободно по земле
Людей стада блаженные бродили;
Когда под сенью дуба векового
Луг тешил взор пастушке с пастухом, —
И зарослей весенние побеги
Приютом были пламенной любви;
Когда в струях прозрачного потока
Резвились нимфы на песчаном дне;
Когда в траве скрывался боязливо

Безвредный гад, и дерзкий фавн встречал
Бестрепетного юноши отпор;
Когда и зверь в долинах и горах,
И птица в воздухе вещала людям:
«Позволено, что нравится тебе».

Принцесса отвечает, что «добрые» воссоздадут золотой век, который существовал не более, чем теперь; если он был, он может повториться.

И пылкое наслажденье красотой
Связует много родственных сердец;
И лишь девиз нам должно изменить:
Позволено то, что пристойно, друг (979-1006) [324].

Ein.

1) Папа умеет приносить пользу родным, и он усердно служит труду; таким образом, он разом (mit einer Sorge) исполняет два долга (Антонио).

2) Образы живого мира стройно обращаются вокруг одного мудрейшего человека (Тассо).

3) Одна страна соединяла всех (Тассо).

4) Один взгляд, встретившийся со взглядом принцессы, исцелил от страсти (Тассо).

5) Неужели в одной сестре были все совершенства для принцессы (Тассо).

6) Одной, одной я обязан всеми своими стихами (Тассо).

7) Смири мое неистовство одним взглядом (Тассо — Альфонсу).

8) Слова Леоноры: Антонио и Тассо враги потому, что природа не создала из них единого. «В одном

лице счастливы и могучи и радостны прошли бы жизнь они».

9) Слова Альфонса к Тассо:

Не оскорбляй усердием чрезмерным
Природы, что живет в твоих стихах,
Не слушайся советов посторонних.
Многообразны мысли тех, кто в жизни
И в мнениях несходны меж собой,
Но мудро сочетает их поэт
В творении е д и н о м, не боясь
Быть не по нраву многим, — тем скорее
Понравится он многим.

10) Тассо: в городе среди многих тысяч людей нетрудно скрыться о д н о м у.

11) Тассо: у герцога замки и сады готовы для приема круглый год, тогда как он гостит в них о д и н день, о д и н лишь час в году.

12) Тассо: друг друга знают лишь рабы, к о д н о й скамье прикованные на галере.

С самим собою быть наедине
Приятно, только так ли уж полезно.
Нельзя познать себя через себя;
Коль мерить меркой собственной, то мы
Порой ничтожны слишком, а порой
Значительны чрезмерно; человек
Себя лишь в человеке познает
И в жизни (слова Антонио; 1237-1243).

Слова Леоноры:

Все преходящее хранится в песне.
Пускай тебя круг времени умчит —
Пребудешь ты блаженной и прекрасной (1950-1952).

Слова Антонио:

С чужими мы всегда настороже,
Мы зорки, ищем их благоволенья,
Чтобы его использовать потом:
Меж тем с друзьями держишься вольней;
Любовь их нас баюкает; свой нрав
Мы проявляем, страсть наружу рвется,
И всех больнее раним мы того,
Кого на деле всех нежнее любим,

Слова Тассо:

Луна, что ночью радует тебя,
Сиянием своим чаруя взор,
И сердце, — днем она по небосклону
Невзрачным, бледным облачком плывет (2257-2260).

Тассо об Антонио:

Противно это умничанье, это
Желанье вечно поучать других.
Не разузнав, что слушатель, быть-может,
И без того идет путем добра,
Толкует он о том, что сам ты знаешь
Не хуже; а когда ты говоришь,
Не слушает, тебя не замечает (2289-2295).

Слова Тассо:

И к чему
Всегда быть справедливым? Разрушать
Свое же «я»? Всегда ли справедливы
К нам ближние? Нет, несомненно, нет!
Потребна людям в круге тесной жизни
И ненависть, не меньше, чем любовь.
Иль ночь нужна не так же, как и день?
И сон не так, как бдение? (2342-2349).

Тассо (к Антонио):

Давно тиранство дружбы знаю я,
И, кажется, оно невыносимей

Всех остальных тиранств. Ведь ты себя
Считаешь правым только потому,
Что думаешь иначе. Признаю.
Ты мне добра желаешь; но не требуй,
Чтобы к добру я шел твоим путем (2681-2687).

10 января

Театр: повидимому, Гришина, как опытного антрепренера, тянет к второму сорту, в чем его поддерживает отдел. Лаврентьев обижен («Синяя птица» без «управления», деньги, самолюбие). Я сказал ему, что если он уйдет, уйду и я. Мы с Щуко [325] убеждаем его в ущербе от ухода Юрьева. Постановка «Синей птицы» — гальванизация трупа с негодными средствами — неразрывно связана с тем, как выпирали Юрьева. *** брызжет слюной от злости при его имени. Отвратительно было поведение *** на общем собрании, когда был приглашен дать объяснения Юрьев. Еще один удар после этих двух болезненных (уход Юрьева и «Синяя птица»), и Большой драматический театр потеряет благородное лицо, превратится в грязную лавку.

14 января

Ник. Колоколов. От будней к празднику. Поэмы. 1919 г. Рукопись с письмом к Луначарскому передана мне от Горького.

За вступлением, где автор называет свои стихи «жарким восторженным бредом», следуют четыре поэмы, связанные между собою; в первой описано, как люди

тосковали в жажде мировой революции; во второй, — как они разрушают все, созданное другими, до основания; в третьей, — как они строят новое небо и новую землю, зверей, птиц и т. д.; в четвертой — праздник по этому случаю. Подобные сюжеты нам уже привычны.

В начале чтения рукописи некоторые образы и ритмы заинтересовывают; но впечатление это не подтверждается; ритмически все поэмы построены на самых нудных и вялых бальмонтизмах. Что касается языка, то он состоит из обыкновенных выражений, не плохих — обыденных и не хороших — газетных, и из того, что у обывателей называется «образами»; этими «образами» испещрены все 67 страниц рукописи; вот наиболее характерные из них: «зыбь на поверхности луны», «невольники мутного плена», «в нас гибнут просветы порывов несмелых», «имя — докучный нарост на лице», человек «блекнет в безвыходном кольце», «мгновенный полет монотонен», «мгла трясется», «взорвем ночь», «мрак рыдает», «ряды веков лежат смятые», «нежданный луч спрыгнул на лес», «брат мучительно пленен волной страданий», «в сердцах плескалась гулко кровь», «красным вином зори времени моем лик», «новый цветочный дождь звездно струили в пустырь», «змей и червей зовем в новых купаться днях», «наш светозарный мозг плывет в море труда», «наш коллективный ум все покорил высоты», «алмазный пот пахнет свежестью весенних рос» и т. д.

Все это превращает произведение Н. Колоколова в бред, по-моему, совсем не — «жаркий» и не «восторженный».

Да и в бред ли?

Л. Урванцов. «Человек, который смеется» (по роману В. Гюго) в 5 действиях и 7 картинах — хорошо сделанная мелодрама, конец несколько скомкан и наивен. Есть погромные, по нашему времени, ноты (против «господ», хотя и английских XVII века). В Большом драматическом театре не пойдет, что уже решили.

17 января

Утренние, до ужаса острые мысли, среди глубины отчаянья и гибели: научиться читать «Двенадцать». Стать поэтом-куплетистом. Можно деньги и ордера иметь всегда...

О Чапыгине — спасает наш язык («Гореславич) [326].

О Пушкине: в наше, газетное время. Толпа вошла, толпа вломилась... и ты невольно устыдилась и тайн и жертв доступных ей. Пушкин этого избежал, его хрустальный звук различит только, кто умеет. Подражать ему нельзя; можно только «сбросить с корабля современности» («сверх-биржевка» футуристов, они же — «мировая революция»). И все вздор перед Пушкиным, который ошибался в пятистопном ямбе, прибавляя шестую стопу. Что, студия стихотворчества, как это тебе?

21 января

Пушкин. Если бы можно было издать маленького Пушкина, «все, что нужно» — и только. Е. Ф. Книпович думает, что нельзя, т. е. что Пушкин только весь. Все-таки.

1812—13—14 — вовсе пустые.

1815. Слеза. См. романсы (Батюшков: Гусар, на аблю опираясь) Е. П. Бакунина?

1816. Певец.

«Бакунинский год». Слово милой. Мария Смит, а скорее — Бакунина 24 лет.

Уныние («Умру — любя» Карамзин).

1817. Торжество Вакха.

Добрый совет. «По-нашему», это — неправда. Однако поучитесь, как надо переводить! (Парни).

1818. К Чаадаеву (Любви, надежды, гордой славы).

К портрету Жуковского (завистливая даль invida aetas, Horat., I, 11).

1819. На лире скромной. Фрейлине Плюсковой?

Деревня. Вот например: это обратило особое мое внимание, а Е. Ф. Книпович считает, что не нужно вовсе.

Вяземский (его стихи: «о преувеличениях насчет псковского хамства»).

Александр I — «bons sentiments» [327], а через 17 лет у Пушкина — «чувства добрые» (Погодин и Достоевский).

Возрождение (художник-варвар). «Зеленая лампа». Руслан тут был.

1820. Мне бой знаком.

1821. Кажется, пустой.

Е. Ф. Книпович считает, что надо попробовать начать с конца (с блестящего и настоящего Пушкина). Попробую.

1836. Из VI Пиндемонте (чтобы не узнали). Вот — свобода! Потебня: «Поэт может настаивать на своем праве (на личную свободу), потому что цель его деятельности не может быть определена, ни им самим ни другими заранее. Но ведь и там, где эта цель заранее со стороны определима, вмешательство в самый способ ее достижения портит дело. И извозчик, нанятый до места или на час, хочет, чтобы его не дергали и не мешали править лошадьми». Вообще — Ефрон VI, 492 [328]. Грибоедов о свободе.

Безумная прихоть певца (Фет).

Я памятник себе воздвиг. Державин и Гораций. Переделка Жуковского. «Bons sentiments».

Александр I, 17 лет назад, по поводу «Деревни».

К жене (Пора, мой друг, пора).

1835. Вновь я посетил.

Когда владыка ассирийский (см. «Юдифь» Мея).

Жил на свете рыцарь бедный (из «Сцены из рыцарских времен»).

1834. Сказка о Золотом петушке.

1833. Медный всадник.

1832. Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем (К жене?) (Подражания Данту). Терцина Пушкина на одну стопу длиннее дантовской.

1831. Эхо.

Клеветникам России [329].

31 января

Предоставляю издательству «Скифы» (Verlag «Skythen») в Берлине в лице Евгения Германовича Лундберга

полное и исключительное право на издание на русском, немецком, французском и других языках моих стихотворений, статей и драм, на защиту моих интересов и на ведение переговоров от моего имени с берлинскими театрами, с Бург-театром в Вене и другими по поводу постановки вышеуказанных драм.

Дорогой Евгений Германович! Ваше письмо от 16 ноября 1920 года дошло до меня недавно. Все, что Вы пишете, весьма для меня важно как с внутренней, так и с внешней стороны. Подробности рассказал мне Разумник Васильевич (Иванов). Посылаю Вам авторизацию в форме частного письма (иной, кажется, нет; если есть, сообщите форму, и я перешлю новую), а также книги, которые Вам могут понадобиться, пока свои, надеюсь в будущем прислать и не свои. В переводы Р. фон-Вальтера верю; перевод Жува (в «La vie ouvrière») мне тоже не нравится, за исключением нескольких строк. Очень интересуюсь вышедшими книгами и, как Вы, конечно, поймете, гонораром. Говорят, что мне следует заключить с издательством договоры на известное количество экземпляров, или лет. Если Вы найдете это нужным, пришлите мне проект такого договора. Сообщите, пожалуйста, как обстоит дело с театрами. Нельзя ли охранить мои матерьяльные права за границей? Пока мне определенно известно, что мои книги издают и в Париже (Яков Поволоцкий) и в Берлине (кроме Вас — «Слово»). Очень надеюсь и рассчитываю на установление сношений с Вами во всех смыслах.

Сердечно Вам преданный

. . . . . .

Издательство «Алконост» не стесняет рамками литературных направлений.

Тот факт, что вокруг него соединилась группа писателей, примыкающих к символизму, объясняется, по нашему убеждению, лишь тем, что именно эти писатели оказались по преимуществу носителями духа времени.

Группа писателей, соединившаяся в «Алконосте», проникнута тревогой перед развертывающимися мировыми событиями, наступление которых она чувствовала и предсказывала, потому — она обращена лицом не к прошедшему, тем менее — к настоящему, но — к будущему.

Этим определяется лицо издательства и его название.

Пушкину в молодости, когда он еще был «веселым юношей» и т. д. (Вновь я посетил, Морозов, II, 207).

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой
(I,241 — На лире скромной...).

Это — 1819 год.

Прошло 17 лет, Пушкин «истомлен неравною борьбой» и т. д. (II, 207). Он опять говорит о какой-то «иной свободе» и определяет ее:

никому
Отчета не давать и т. д.
(Из VI Пиндемонте — II,212).

Эта свобода и есть «счастье». «Вот счастье, вот права!» То «счастие поэта», которое у «любителей

искусств не найдет сердечного привета, когда боязненно безмолвствует оно» (II,129 «Анониму»).

Праздность вольную, подругу размышленья (I,247) [330].

5 февраля

Позвонила библиотекарша Пушкинского дома. Завезла альбом Пушкинского дома [331].

6 февраля

Следующий сборник стихов, если будет: «Черный день».

Для того, чтобы уничтожить что-нибудь на том месте, которое должно быть заполненным, следует иметь наготове то, чем заполнить. Для того, чтобы соединить различное в одном месте, нужно, чтобы это место было пригодно для объединения (способно объединить). Для того, чтобы что-нибудь сделать, надо уменье. Заставить делать то, чего тот, кого заставляют, не умеет, бесполезно или даже вредно для дела. Для того, чтобы писать на каком-нибудь языке, следует владеть этим языком, по крайней мере, быть грамотным. Занимая время и тратя силы человека на пустяки, не следует рассчитывать, что он ухитрится это самое время и эти самые силы истратить на серьезное дело.

И много других простых изречений здравого смысла, которые теперь совершенно забыты. Пушкин их хорошо помнил, ибо он был культурен.

Перед нашими глазами с детства как бы стоит надпись; огромными буквами написано: «Пушкин». Это имя, этот звук наполняет многие дни нашей жизни.

Имена основателей религий, великих полководцев, завоевателей мира, пророков, мучеников, императоров — и рядом это имя: Пушкин.

Как бы мы ни оценивали Пушкина — человека, Пушкина — общественного деятеля, Пушкина — друга монархии, Пушкина — друга декабристов, Пушкина — мученика страстей, — все это бледнеет перед одним: Пушкин — поэт. Едва ли найдется человек, который не захочет прежде всего связать с именем Пушкина — звание поэта.

Что такое поэт? — Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Поэт — это носитель ритма.

В бесконечной глубине человеческого духа, в глубине, недоступной для слишком человеческого, куда не достигают ни мораль, ни право, ни общество, ни государство — катятся звуковые волны, родные волнам, объемлющим вселенную, происходят ритмические колебания, подобные колебаниям небесных светил, глетчеров, морей, вулканов [332]. Глубина эта обыкновенно закрыта «заботами суетного света».

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он [малодушно] погружен.

Когда глубина эта открывается —

Бежит он, дикий и суровый,
И страха и смятенья полн,

На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы,

потому что там ему необходимо причаститься родной стихии для того, чтобы напоминать о ней миру звуком, словом, движением — тем, чем владеет поэт.

Вслед за этим происходит второе действие драмы — знаменитое столкновение поэта с чернью, т. е. с существами человеческой породы, в которых духовная глубина совершенно заслонена «заботами суетного света»; это — не звери, не птицы, не осколки планет, не демоны, не ангелы, а только — люди.

Они требуют от поэта пользы, они требуют, чтобы он «сметал сор» с их «улиц шумных», потому что не могут, не умеют и, между прочим, никогда не сумеют воспользоваться большим — тем, что предлагает им поэт.

Третье и последнее действие драмы заключается в борьбе поэта с чернью, в неизбежном приспособлении поэта; как несовершенного организма, пригодного только к внутренней мировой жизни, к черни, как организму, пригодному только к жизни внешней. Оно заканчивается всегда гибелью поэта, как инструмента, который ржавеет и теряет звучность в условиях окружающей внешней жизни. Эта жизнь права: ей ничего, кроме пользы, и не нужно, большее — для нее враг, ибо оно стремится уничтожить ее, чтобы создать на ее месте новую жизнь. Инструмент гибнет, звуки, им рожденные, остаются и продолжают содействовать той самой цели, для которой искусство и создано: испытывать сердца, производить отбор в грудах человеческого шлака, добывать нечеловеческое — звездное, демоническое, ангельское, даже — и только звериное — из быстро идущей

на убыль породы, которая носит название «человеческого рода», явно несовершенна и должна быть заменена более совершенной породой существ. Все добытое и отобранное таким образом искусством, очевидно, где-то хранится и должно служить к образованию новых существ.

В таких поневоле шатких и метафорических выражениях я хотел дать понятие о происхождении, сущности и цели ритма, носителем которого является в мире поэт.

Описанные фазисы приобщения поэта к стихийному ритму, борьба за ритм с чернью и гибель поэта — я назвал не трагедией, а только драмой; действительно, в этом процессе и нет ровно ничего «очищающего», никакого катарсиса; происходит борьба существ, равно несовершенных, вследствие чего победа не остается ни за кем: ни за погибшим ни за погубившим. Тот, кто бывает «всех ничтожней меж детей ничтожных мира», не есть какое-то необычайное существо, чьей гибели сопутствуют небесные знамения; также и тот, кто погубил, не есть представитель какой-нибудь особенной силы; это чернь, как чернь [333].

Ночь на 1 марта

Дорогие Андрей Николаевич и Александр Ильич! [334] Название «председателя управления», как Вы знаете оба, было для меня всегда мучительно и тягостно, ибо не соответствовало ни в какой мере тому, что я делал а театре. Сейчас я вновь поднимаю этот

вопрос и обращаюсь к Вам первым, как к главным руководителям, хозяевам театра, со следующим предложением: если Вы находите, что моя работа продолжает быть нужной театру, я прошу меня назначить и назвать «Завед. литературной частью» или вообще как-нибудь «по литературной части». Вся разница будет в том, что я не буду заседать в управлении, что, как Вы знаете, бывает редко и чего я делать вовсе не умею...

Жалованье прежнее и место в партере, хотя бы похуже (где Щуко). Какие-нибудь выдачи, если будут.

4 марта

Вдохновение.

1. Определение Пушкина (Морозов, VI, 19) [335].

2. Родэн: «Гениальности можно достигнуть не мгновенными вспышками и преувеличенной чувствительностью, а упорным проникновением и любовью к натуре. Таковы были средневековые строители» («Искусство и Печатное Дело», 1910, № 6—7, Киев, стр. 262).

2. Рейнольдс: «Величайшие природные дарования не могут продовольствоваться одним своим запасом. Тот, кто предпримет рыться только в своем уме, не заимствуя ничего от других, вскоре доведен будет до одной скудости, до самого худшего из всех подражаний. Он принужден будет подражать самому себе и повторять то, что прежде уже неоднократно повторял» («Врубель» Яремича, стр. 22).

4. Врубель: «Вдохновение — порыв страстный неопределенных желаний, — есть душевное состояние, доступное всем, особенно в молодые годы; у артиста оно, правда, несколько специализируется, направляясь на желание что-нибудь воссоздать, но все-таки остается только формой, выполнять которую приходится не дрожащими руками истерики, а спокойными — ремесленника. Пар двигает локомотив, но не будь строго рассчитанного сложного механизма, не доставай даже в нем какого-нибудь дрянного винтика — и пар разлетелся, растаял в воздухе, и нет огромной силы, как не бывало» («Врубель» Яремича, стр. 42).

5 марта

«Аполлон» 1914 г. (10 №; 1—2, 6—7 — двойные).

№№ 1—2. Французское собрание Щукина, С. И. — много репродукций со статьей Я. Тугендхольда. — Н. Долгов «Каратыгин и Мочалов», статья и рецензия на книгу Patouillet об Островском.

3. Чурлянис, репродукции и статьи Вяч. Иванова.

4. Сапунов. Много репродукций со статьями.

5. Новая петербургская архитектура. Китайская живопись.

6—7. Серов — репродукции. Зак — репродукции. Статья Ю. Слонимской о пантомиме. Статья Долгова «Сценический стиль тридцатых годов».

8. Архитектурные офорты И. А. Фомина.

9. О. Вальдгауэр. Античные расписные вазы в императорском Эрмитаже (с репродукциями). Статья Ю. Слонимской «Зарождение античной пантомимы».

10. Репродукции с Добужинского, Бенуа, Стеллецкого, Петрова-Водкина и др. Статья И. Эгейса о Лермонтове и А. Эфроса о живописи театра.

«Аполлон» 1913 г. (10 №).

1. Скульптуры императорского фарфорового завода. Норвежец Эдв. Мунк. Статьи г-д Гумилева и Городецкого об «акмеизме» и «адамизме» (всех своих заметок, к сожалению чернилами, мне стереть не удалось).

2. Новая петербургская архитектура.

3. О. Вальдгауэр. Античная скульптура в императорском Эрмитаже (с многочисленными репродукциями).

4. А. Я. Головин.

5. Врубель. — В. Чудовский [336] высказывает оригинальное мнение об Ибсене: «Ибсен когда-то был нужен нашим первым символистам; этим тараном они били по каким-то твердыням врагов: вообще все скандинавские туманы казались благоприятной погодой для каких-то стратегических обходов. Теперь же мы знаем, что нет ни одной хоть сколько-нибудь ценной идейки, которую мы бы не могли, даже в то время, получить, минуя Скандинавию. Но, главное, мы можем подсчитать, какой ущерб мы потерпели среди туманов: чей меч не заржавел? А все, чего не видно, было во мгле!

«На Ибсене — неизгладимая печать провинциализма. Под видом мировых задач он разрешал лишь домашние свары норвежских обывателей, идейные и классовые счеты далеких захолустий. И что нам, русским 1913 г., от того, что у него бывали перепевы великих идей? Да и то ли у него — великие идеи, что он не любил людей, не почитал семьи и брака, не уважал традиций,

обличал деревенских пасторов, не понимал общественного мнения и солидарности людской, был «индивидуалистом», выскочкой в делах культуры и не хотел знать ее истории? Но вот с чем приходится считаться: вожди нашего недавнего блестящего возрождения... все еще не могут отказаться от прежнего заблуждения. Им дороги воспоминания!

«Нужны новые люди, чтобы низвергнуть старых мнимых богов. Мы, люди нового призыва,—мы просто не чувствуем больше этого былого обаяния; для нас слава Ибсена—слово, случайно выпавшее из непонятных уже для нас речей».

6. Современная русская графика и рисунок, статья Н. Радлова со многими репродукциями.

7. То же. — Ван-Гог (статьи Шервашидзе и Тугендхольда и письма) — «Юношеские произведения Рих. Вагнера» Ашкинази.

8. Скульптуры А. Т. Матвеева. А. Ф. Гауш. — Продолжение писем Ван-Гога.

9. Сарьян. — Коненков. — Сомов. — Продолжение писем Ван-Гога.

10. Н. Н. Ге. — Окончание писем Ван-Гога (всего во всех №№ — 10).

«Аполлон» 1912 г. (10 №№., 3 — 4 двойной, 20 №. «Русской Художественной Летописи» и «Литературный Альманах»).

1. Адарюков. Очерк по истории литографии в России (с репродукциями). Там о «Русском Художественном Листке» Тимма (1/I 1851 — 20/XII 1862) — «Гордость русской литографии». Печатаны сначала

в 2 тона в литографии Мюнстера, а с 1861 г.», когда Тимма завел собственную литографию — 4 — 5 и более тонов. Одних портретов более 400, множество с натуры. Рисунки, кроме Тимма, Штернберга, А. Чернышева, кн. Г. Г. Гагарина, Рыбинского, А. Боголюбова, И. К. Айвазовского, обоих Шарлеманей, К. А. Трутовского, М. А. Зички, Г. Горшельта, И. И. Соколова, Заурвейде, М. О. Микешина и многих других, менее известных. Рецензия Гумилева на «Ночные часы».

2. Коненков — Александра Бенуа и Бартрам об игрушках (с цветными репродукциями).

3—4. Французские художники из собрания И. А. Морозова (со многими репродукциями), статья (г. С. Маковского) и каталог. Статья Вяч. Иванова «О лиризме Бальмонта».

5. Выставка «Сто лет французской живописи».

6. Богаевский.

7. Барон Врангель об искусстве времен имп. Елисаветы.

8. Этюд А. Иванова в Румянцевском музее. Рецензия Гумилева о моем «Собрании стихотворений» изд. «Мусагета» (1-е издание).

9. Лиотар (со статьей А-дра Бенуа. — Alex. St. «К истории типа Пьеро» («О возможности воскрешения пантомимы»).

10. В. А. Серов. Окончание статьи Alex. St. о типе Пьеро.

«Аполлон» 1911 г. (10 № и «Русская Худож. Летопись 20 №).

1. Вермеер Дельфский (со статьей Н. Врангеля). Курбэ (со статьей Мейер-Грефе).

2. Украинский барокко. Выставка «Мир искусства». М. В. Добужинский.

3. Иеронимус Босх (Bosch, XV — XVI вв.) со статьей А. Трубникова. Н. Крымов.

4. Стеллецкий. Г. Моро.

5. Бар. Врангель. Историческая выставка архитектуры в Академии художеств (со многими репродукциями). Несколько репродукций с Чурляниса (со статьей). Несколько репродукций Венецианова.

6. Голубкина. Французские картины в Кушелевской галлерее (со статьей Е. Врангеля). Кн. Волконский о Далькрозе.

7. Французский пейзаж — Ж. Сера (Searat, 1859—91).

8. Судейкин — Царскосельская юбилейная выставка. Заметка Пяста: «Стихи о прекрасной даме».

9. Голландцы и фламандцы XVII века со статьей Трубникова. Международная выставка в Риме (Зулоага, Англода, Ходлер, Цорн и др.).

10. Собрание И. С. Остроухова (со статьей Н. Врангеля). Выставка Кипренского.

7 марта

В 1918 — 19 гг. я получал случайные номера журнала «Рабочий Мир», издание «Московского центрального кооператива». Журнал, по большей части,— марксистский, конечно... но там попадались культурные статьи: напр., «Вершины жизни» Машковцева об искусстве; приезд послов в старой Москве — с иллюстрациями; «Как смотреть картины» Бакушинского с

иллюстрациями: Левитану отдается предпочтение перед Шишкиным; «Исскуство свободного воспитания тела» (о Дункан и Далькрозе) — Х. Веселовского; о художнике Федотове — с иллюстрациями. — Повидимому, и этот журнальчик заглох.

При Временном правительстве, начиная с мая 1917 года и окончившись лишь после октябрьского переворота (последний 23 № я видел в феврале 1918, он помечен 1 февраля), выходил журнал Родзянко «Народоправство». Редактировал Чулков, Г. И., писали Бердяев, Вышеславцев, Алексеев и другие московские профессора, Чулков, Зайцев, Ремизов, священник Сережа Соловьев, Пришвин, Ал. Толстой, Вяч. Иванов, Кондурушкин и др. Очерки Ремизова назывались «Всеобщее восстание». Чулков негодовал на Горького по поводу его презрения к русским и обожания евреев. Интересны записи «солдатских бесед», подслушанных каким-то Федорченко [337] — отрывки (№№ 9, 10, 11, 12, 13). Это — самое интересное.

Бердяев после октября (№ 15) пишет многословно и талантливо, что революции никакой и не было, все — галлюцинации, движения в хаосе и анархии не бывает, все еще пока — продолжение догнивания старого, пришло смутное время (стихи Вяч. Иванова в журнале называются «Песнями смутного времени»), все революционные идеи давно опошлились, ненависть к буржуазии есть исконная ненависть темного Востока к культуре, «одолел германский яд», Россия не выдержала войны. Мораль: покаяться и смириться, жертвенно признать элементарную правду западничества, необходим долгий труд цивилизации.

Чулков спорит, говоря, что «происходящее» есть мрачная контр-революция, а в марте революция была.

Но записи Федорченки всего интереснее, хотя не знаешь, кто он и чем окрашивает, что слышит, что выбирает. Выходит серо, грязно, гадко, полно ненависти, темноты, но хорошо, правдиво и совестно.

В 1915—1916 гг. Рейснеры [338] издавали в С.-Петербурге журнальчик «Рудин», так назыв. «пораженческий» в полном смысле. Профессор («Барон») писал всякие политические сатиры, Ларисса — стихи и статейки, Злые карикатуры на Ельмонта (№ 1), Городецкого. Клюева, Ремизова и Есенина по поводу «Красы» Ясинского и Биржевки (№ 1), Ларисса (Л. Храповицкий) о грязи и порнографии Брюсова. Отвратительная по грязи карикатура на Струве (№ 3). Ругают Л. Андреева... Мамаша пишет «Из воспоминаний поруганного», папаша статью «Дураки» (№ 4), — очень зло. Там же — карикатура на С. Венгерова и на Горького. Прозрачная статья о Распутине под заглавием «Свинья» с рисунком (свинья на кровати среди голых женщин). Карикатуры на Тарле, Э. Гримма, Добиаш-Рождественскую, Кареева (№ 5). На Бурцева и его «Былое» — там же. В № 6 — связанные внутренно статьи Лариссы (Л. Храповицкий) и Н. А. Нолле — «Цирк» и «Театр». В том и другом — особенный злой taedium, ненавистничество особого рода. Под этими статьями (или «стихотворениями в прозе»?) карикатура: Плеханов—крестоносец (топоромолотоносец) опирается на еврейского банкира в перстнях с толстой чековой книжкой. В № 7 — объявление «Куваки», а из одного из номеров профессор,

отдавая мне комплект журнала, тщательно и собственноручно вытаскивал объявление о военном займе во весь лист. Статья Лариссы «Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому», где обо мне сказано лестно: что я не был никогда революционером и реформатором, что я большой и незабываемый, мое влияние громадно, как влияние абстрактной идеи, что у меня полутона, бледный цветок, завершение и пр. Там же — карикатура на Андреева, мечущего громы на Горького за «Две души». В № 8 профессор Рейснер пишет статью о Либкнехтах, протестовавших против войны (сочувственную — как ее пропустили?), а затем следует статья о путешествии Чуковского к союзникам с карикатурой: Чуковский в виде клоуна. Это — последний номер, заканчивающийся объявлением о «Куваке» (Воейкова!).

Журнальчик очень показателен для своего времени: разложившийся сам, он кричит так громко, как может, всем остальным о том, что и они разложились. Эта злоба и смрад меня тогда, сколько помню, касались мало, я совсем ушел в свою скорлупу. Да и журнальчик я увидал только прошлой осенью, в период краткого знакомства с Рейснерами.

До какой степени все это не похоже (более, чем обезьяна не похожа на человека, гораздо более) на какую-нибудь «La Guerre Illustrée», которую надо, впрочем, сравнивать с журнальчиком генерала Дубенского[339] или уж хоть с «Отечеством» г. Гржебина.

«Летопись[340]. С Тихоновым я связался (т. е. он со мной) осенью 1915 года, когда переводились армяне (приходил армянин), латыши (приходил и латыш)

и финны (от малороссов, а потом от евреев я отказался [341]). 1-й номер «Летописи» вышел в декабре 1915 г. (единственный). Там сразу начались выдержки из дневника Толстого (редакция Хирьякова). Появились «Две души» Горького.

В 1916 г. № 1 — «Хозяин и работник» Толстого (первоначальный вариант). Через весь год пошли «В людях» Горького; дневник Толстого (декабрь, январь). Статья А. Кугеля о Томазо Сальвини.

№ 3 — Письма Толстого к Файвелю Бенцеловичу Гецу.

№ 4 — Толстой — Рассказ о каторжнике Федорове (стр. 64—70). А. Смирнов — Творец душ (300-летний юбилей Шекспира). Базаров в статье «Заколдованное царство» (стр. 218 — 219) упоминает обо мне и относит меня к символистам, которым выпало на долю превратить болезнь в добродетель, воспеть импотентность оторванной от жизни мечты, как состояние несравненно более высокое, чем жизненное творчество» (основной смысл моих «Лирических драм»).

С № 7 начинается роман Уэллса «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» (№№ 8, 9, 10, 11, 12 — конец). С № 9 возобновляется дневник Толстого. Продолжение в № 12. № 11 — ненапечатанные главы из «Воскресенья» Толстого. С 1 №, 1917 г., начинается автобиография Шаляпина, роман Барри «Белая птичка», «Рубенс» Верхарна (под редакцией В. Брюсова). Дальше я уж этого чужого журнала не получал.

В 1916 году, под влиянием войны на Кавказе, мода на армян, поддерживаемая Брюсовым, выучившим армянский язык и составлявшим и московскую «Поэзию

Армении» и петербургский «Армянский сборник» «Паруса» (с Горьким), — стал выходить в Москве «Армянский Вестник» (1916 г. — 48 номеров и 1917 — 52 номера). Статейки Брюсова об армянской поэзии, воспроизведения памятников армянской старины, переводы отрывков поэтов и прозаиков.

9 марта

Еще один конкурс «революционных» пьес («Пто») [342].

«Так будет», пьеса в 5 действиях, «как жизнь испоганилась» со времени войны. Правдиво, деревенское, местами — модная «революционная» идеология и декадентский, хотя «Митька-Слесарь» неприятно режут ухо. Сцены все мрачные и безобразные. Кончается не театрально, неожиданно — сном или видением ослепшего от газов Власа и облитой серной кислотой Катерины. Автор не сумел соединить бытового с символическим, т. е. не разрешил главной задачи. Остаются довольно правдивые сцены.

«Новая земля» (поэма), театральная панорама. 4 картины. Автор бичует разных принцев, графинь и миллиардеров, с которыми знаком по «Петербургской» и «Красной Газете». Оттуда же и символизм его. Пьеса — вне литературы и вне театра, язык — мещанский.

«Взрыв», пьеса в 4-х действиях, кончается неумело, но читается, несмотря на некоторые наивности, с интересом, как статья в «Былом». С искусством ничего общего, но роли есть недурные. Язык ничего не говорящий, журнально-газетный. Пьеса все-таки правдива,

изображены агенты департамента полиции и революционеры с неизбежным провокатором: как и «Так будет», пьеса представляет испорченную жизнь, но, в отличие от первой, кончается совершенно безнадежно.

«Красный Фауст», агит-трагедия в 3-х актах с прологом, интермедией и апофеозом; автор — если не пошляк, то больной. В этом отвратительном сером бреде, которому вполне соответствует серая пошлость языка как в прозе, так и в стихах, даже неинтересно доискиваться до смысла, до такой степени ни одной своей мысли здесь нет. Одно беззубое остроумничанье и злоба — без признака даровитости.

Результаты этого конкурса необыкновенно плачевны. Московский все-таки был лучше. Смешно говорить о «премиях», под этим соусом платить за то, что насочиняли, неудобно: это развратит сочинителей еще более. Но, чтобы деньги не пропали, я просто отдал бы их за работу, хотя и не бог весть какую, авторам «Так будет» и «Взрыв».

Пятой пьесы мне еще не прислали.

10 марта

«Русская Мысль» 1915 г., № 11 (ноябрь) — в отделе «В России и за границей» — заметка: «А. Блок о России» Ю. Никольского (стр. 16—19). (Журнал с 1910 (или 1911) года до половины 1915 погиб в Шахматове).

1916 г., №№ 2 и 3: Избранные места из писем Флобера в переводе С. Франка.

№ 5: Неизданные и малоизвестные стихотворения Ап. Григорьева, сообщенные Влад. Княжниным (дополнить мою редакцию — №! отдел «Материалы» стр. 130—135).

1917 г. — май — июнь — «История одной дружбы» (Фет и Полонский) Ю. Никольского.

«Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни». СПБ, редактор и издатель В. С. Миролюбов.

1914 г.—12 №№; 1915 г.—12 №№ (1 двойной — сентябрь-октябрь), 1916—12 №№ (2 двойных—июль-август, сентябрь-октябрь); 1917 — 12 №№ в 5-ти уже книжках; 1918—6 №№ (в 3-х книжках).

11 марта

Пятая и последняя пьеса — «Георгий Гапон», историческая драма в 4-х действиях. Эта пьеса читается с интересом только потому, что тема интересна. Источников автор использовал, может-быть, и много и сумел распределить материал не плохо; но характеров в пьесе решительно нет, а между тем действующие лица носят имена известных людей: Гапон, Рутенберг, Манасевич-Мануйлов, Рачковский и пр. Может-быть, впечатление от пьесы еще более грязное, сальное, мутное, чем от «Взрыва». Конец отвратителен (Гапона вешают), неужели это нужно представлять на сцене?

Потом я узнал, что конкурс признан несостоявшимся, потому что «Так будет» была снята с конкурса автором (и членом жюри) В. Я. Шишковым [343].

«Предварительный» разговор с Лаврентьевым и Гришиным на тему — см. 1 марта — так все и не выходил.

То заняты, то войдет Павлова [344]. А я присматриваюсь — недаром не выходит. Такая пакость и гнусность прет из театра, что, может-быть, если «понизить» свой сан добровольно, уговорить их, чтобы меня сделали их подчиненным (чего я и хотел), — они меня внутренно съедят или взвалят на меня работы раба. Погодим пока.

10 апреля

Вчера вечером и сегодня днем в театре занимались составлением протокола и положения об автономии для Луначарского. Чтобы я сочинил протокол, мне дали полкружки водки, от чего сочинение замедлилось. В театре полный упадок настроения и усталость к весне, несмотря на возвращение торговли, ресторанов и пр., которого ждут. Андреева с Крючковым уезжают за границу окончательно. В Германии жизнь стоит 22 000 марок в месяц. Горький поедет в мае, говорят. Я пробовал навести Лаврентьева и Гришина на «Розу и крест». Лаврентьев отмычался, Гришин, подумав, сказал: «Может-быть, после Кальдерона».

17 апреля

Заключительные слова «Золота Рейна», вложенные в уста Rheistöchter:

Traulich und treu
Ist's nur in der Tiefe:
Falsch und feig
Ist was dort oben sich freut! [345].

18 апреля

Опять разговоры о том, что нужно жить врозь, т. е. маме отдельно — неотступные, смутные, незабываемые для меня навсегда, оставляющие преступление, от сознания которого никогда не освободиться, т. е. никогда не помолодеть. И в погоде, и на улице, и в Е. Ф. Книпович, и в m-m Marie [346], и в Европе — все то же. Жизнь изменилась (она изменившаяся, но не новая, не nuova), вошь победила весь свет, это уже совершившееся дело, и все теперь будет меняться только в другую сторону, а не в ту, которой жили мы, которую любили мы.

20 апреля

*** прислал «Русскую Мысль» П. Струве, январь-февраль 1921 года. Та же обложка — только прибавлено: «основана в 1880 году». Передовая от редакции — «К старым и новым читателям «Русской Мысли», как весь номер, проникнута острым национальным чувством и «жертвенной» надеждой на возрождение великодержавной России. «Русская революция отнюдь еще не закончилась», «мы не должны останавливаться ни перед какой жестокой правдой», «темная и сложная стихия» русской революции еще далеко не сказала своего последнего слова, мы «решили быть трезвыми до беспощадности».

Две публичные лекции П. Б. Струве — «Размышления о русской революции».

Начало «Воспоминаний кн. Евг. Н. Трубецкого» (70-е «гимназические» годы в Москве и в Калуге).

Больные сонеты, подписанные Вл. Н-ий.

К. Зайцев. «В сумерках культуры» (цитируются, между прочим, «Скифы»).

П. Савицкий. «Европа и Евразия» (по поводу брошюры кн. Н. С. Трубецкого «Европа и человечество»).

Начало дневника З. Н. Гиппиус. Это очень интересно, блестяще, большею частью, я думаю, правдиво, но — своекорыстно. Она (они) слишком утяжелена личным, тут нет широких, обобщающих точек зрения. Может-быть, на обобщения такого размера, какие сейчас требуются, они и вовсе неспособны. Патриотизм и национализм всей «Русской Мысли» — тоже не то, что требуется. Это — правда, но только часть. У З. Н. Гиппиус — много скверных анекдотов о Горьком, Гржебине и др.

Рассказ Бунина и пьеса Сургучева.

Статья «Идея родины в советской поэзии» Петроника. Разбираются издания «Скифов» в Берлине. Все эти стихи, начиная со «Скифов», «прожжены идеей Отечества», тогда как «советская власть самое слово „патриотизм“ сделала ругательным». О Белом, Клюеве и Есенине. «Историко-литературное наблюдение: обе поэмы А. Блока, возникшие, как отражение революции, „Скифы“ и „Двенадцать“, являются в отношении к поэзии Блока, взятой, как совокупность, некоторой кульминацией пушкинского начала в его творчестве, подлинным подобием „Клеветникам России“ и „Медному всаднику“ — несмотря на различие между обеими группами произведений, вытекшими из различия эпох... Поэтический же язык (в широком смысле этого слова), которым говорят коллеги А. Блока по „советской

поэзии“ *, не есть отличительно „пушкинский“, но некоторый иной — символистический — язык».

У меня — «политические рассуждения в стихах».

«Перечтя эти и подобные им стихи, невольно приходишь к заключению, в котором, как кажется, мерцает сияние некой, еще не раскрывшейся, но уже близкой Исторической Истины: никогда, быть-может, за все существование российской поэзии, от „Слова о полку Игореве“ и до наших дней, — идея Родины, идея России не вплеталась так тесно в кружево и узоры созвучий и образов религиозно-лирических и символических вдохновений, — как в этих стихах „советских поэтов“, стихах служителей того режима, который, казалось, отменил самое понятие Родины и воздвиг гонения на всех, кто в политической области исповедовал „любовь к Отечеству“ и „народную гордость“».

Далее — о «Скифах»: «не содержится ли в словах „Милльоны вас“ и т. д. исповедование российского могущества, мысль о милитарной силе Родины (как и в „Клеветниках России“)... Интересно, что аналогия между „Клеветниками России“ и „Скифами“ замечается даже в деталях (Пушкин — „Иль мало нас?“ Блок — „Нас тьмы, и тьмы, и тьмы“)... Охотно допускаем, что А. Блок не сознавал, что делал, когда писал эти строки: ведь все же он поэт „советский“. Тем замечательнее было бы несоответствие замысла и непосредственной правды поэтических слов... Только один упрек можно сделать „Скифам“ с точки зрения

---

* Разумеются, очевидно, Белый и особенно Клюев и Есенин (Сноска Ал. Блока).

русского патриотического сознания:... поэт переоценивает силу России... Действительно ли мы настолько сильны, чтобы мог „хрустнуть" скелет Европы „в тяжелых, нежных наших лапах"?.. Об этом можно спорить, здесь допустимы сомнения».

Исторические материалы и документы — «Идеология махновщины» — протокол заседания 1919 года в селе «Гуляй-поле» (анархисты).

Критика и библиография — о патриотизме Н. Авксентьева (в Париже возродилось «Русское Богатство» под названием «Современные Записки» со статьей «Patriotica», но уже не П. Струве, а... Н. Авксентьева); К-во «Мысль» выпустило в Берлине антологию современной русской поэзии, которая начинается, разумеется, с «Двенадцати». — Некролог Шахматова. — Наконец, выписываю целиком статью П. Струве (по поводу софийского издания «Двенадцати»):

«Двенадцать» Александра Блока.

«Двенадцать» Александра Блока, повидимому, самое сильное до сих пор отражение революции в литературе.

Уже сейчас можно сказать без преувеличения, что это подлинно памятник революционной эпохи.

В этом произведении действительно отразилась революция, ее безбожие, ее бесчеловечность, ее — перефразируя другие стихи того же поэта — бессильный, непробудный грех*. В предисловии, которым П. П. Сувчинский сопроводил софийское издание «Двенадцати», он определяет поэзию Блока,

---

* Чьи эти стихи? — Не мои (Сноска Ал. Блока).

как чувственный реализм и не очень высоко оценивает его творчество с религиозной точки зрения. Поэтому образ Христа «в белом венчике из роз» — неубедительный, тусклый, чужой, случайный и безответственный, даже недопустимо безответственный, кощунственный (стр. 6).

Справедливый суд и заслуженный приговор, но его надо, мне кажется, расширить и углубить. Все произведение Блока, при потрясающей чувственной правдивости, делающей из него большую художественную ценность и первоклассный исторический памятник, религиозно, а тем самым и эстетически, двойственно и противоречиво, не примирено в себе, как непримиренным в себе и эстетически незаконченным, а потому несовершенным, был всегда и остается Блок. Тут религиозный критерий сливается с эстетическим. Правда изображения в «Двенадцати» Блока религиозно не освобождена от цинизма или кощунства восприятия. Отсюда то естественное отталкивающее впечатление, которое на многих производят «Двенадцать».

Человек, а потому и писатель, может к пороку, греху, мерзости, пошлости относиться различно; их можно воспринимать безразлично в процессе простого отображения или изображения; их можно превозносить и идеализировать и, наконец, к ним можно относиться с эстетически-иерархической оценкой, ставя их в надлежащие соотношения с другими сторонами лирики или действительности. Только последнее отношение эстетически правильно и религиозно законно.

Блок в своих «Двенадцати» колеблется между этими тремя отношениями. Истинная, совершенная поэзия, образцами которой могут служить поэтические части Библии, «Фауст» Гете, «Борис Годунов» Пушкина, всегда эстетически-иерархически и тем самым религиозно расценивают изображаемое. И потому она никогда не впадает в соблазн кощунства. Между тем, у Блока почти всегда двусмысленное отношение к изображаемому, заключающее в себе опасность цинизма и кощунства.

Относительно А. Блока ставился еще вопрос об его отношении к русской революции. Этого вопроса П. П. Сувчинский касается в заключении своего предисловия.

Но нам его понимание Блока в этом отношении не вразумительно.

Отношение к русской революции есть частный случай отношения к греху и мерзости вообще. Оно у Блока тоже двусмысленно, цинично и кощунственно. Это не может не восприниматься болезненно всеми любящими красоту блоковской поэзии. Ведь тот же самый поэт, который написал соблазнительно-кощунственное «Двенадцать», написал стихи «На поле Куликовом», «Русь», «Россия», проникнутые историческим смыслом, любовью к живому и вдохновенному образу России, поруганному безбожной и бесчеловечной, кощунственной и мерзкой революцией, в «Двенадцати» изображенной, не преодоленной ни эстетически ни религиозно. Невольно вспоминается вещее признание самого же Блока, что он принадлежит к

какой-то проклятой породе людей, к «детям страшных лет России», у которых «в сердцах восторженных когда-то есть роковая пустота» [347].

На правдивом изображении лица революции в «Двенадцати» лежит именно соблазнительная печать «роковой пустоты» в религиозном отношении.

Петр Струве.

Цена отдельной книжки «Русской Мысли» — 50 лева (10 французских франков, 40 германских марок, 4 шиллинга).

11 мая

1 мая, в первый день Пасхи, мы выехали на извозчике Е. Я. Билицкого, [348] в международном вагоне, с Чуковским и Алянским в Москву. На вокзале меня встретила Н. А. Нолле [349] в царском автомобиле Л. Б. Каменева с большим красным флагом. 3 вечера в политехникуме (мои с Чуковским), устроенные Облонской [350] с полным неуменьем, проходили с возрастающим успехом, но получил я гроши, кроме цветов, записок и писем. Еще я читал в «Доме печати» (где после была «пря» — «коммунист», П. С. Коган, С. Бобров, «футурист» [351]), в Studio Italiano (приветствие Муратова, Зайцев, милая публика) и в Союзе писателей. Болезнь мешала и читать и ходить. Я ездил в автомобиле (литовском, Балтрушайтиса) [352] и на извозчиках, берущих 10—15—25 тысяч, всегда вдвоем, с беременной Н. А. Нолле (иногда и с П. С. Коганом).

Свидания были с Зайцевым, Чулковым, И. Н. Бороздиным [353].

5 мая Н. А. Нолле пошла в Художественный театр, рассказала Немировичу и Станиславскому о моей болезни и потребовала денег за «Розу и крест». Каменный Немирович дал только 300 тысяч. Постановку поставили опять в зависимости от приезда заграничной труппы и т. д. Стали думать, кому продать. Остановились на Незлобине, к театру которого близок П. С. Коган. Управляющий делами Браиловский вычислил, что до генеральной репетиции (в сентябре), если приравнять меня к Шекспиру и дать четверной оклад лучшего режиссера РСФСР, нельзя мне получить больше $1^1/_2$ миллиона. Станиславский звонил мне каждый вечер, предлагая устроить мой вечер у него для избранной публики в мою пользу, платную генеральную репетицию оперной студии с ним, продажу Луначарскому каких-нибудь стихов для Государственного издательства миллиона за $1^1/_2$ (предложение самого Луначарского). От всего этого я, слава богу, сумел отказаться.

Узнав о цене Браиловского, Станиславский позвонил Шмуглейту [354] (театр Корша), который наговорил ему, по его словам, что я — Пушкин, что он не остановится перед 2—3 миллионами и даст сейчас 500 тысяч, чтобы я приостановил переговоры с Незлобиным. Узнав об этом от П. С. Когана, Браиловский мгновенно приехал на мой вечер в политехникум и на слова Н. А. Нолле, что меня устраивает 5 миллионов, сказал, минутку подумав, что он готов на это, а на следующий день привез мне 1 миллион и договор, который мы и подписали.

Все это бесконечно утомляло меня, но, будем надеяться, сильно поможет в течение лета, когда надо вылечиться.

Визит к Каменевым в Кремль с Коганами, ребенок, Ольги Давыдовны, [355] вид на Москву, чтение стихов.

П. С. Коган, убежденный марксист, хорошо действующий на меня своей мягкой манерой, много раз доказывал мне ценность искусства и художников с точки зрения марксизма и рассказывал, что приходится преодолевать Каменеву и Луначарскому, чтобы защитить нас.

Я был у Кублицких. Нежность Андрюши. Им живется плохо.

В Москве зверски выбрасывают из квартир массу жильцов — интеллигенции, музыкантов, врачей и т. д. Москва хуже, чем в прошлом году, но народу много, есть красивые люди, которых уже не осталось здесь, улица шумная, носятся автомобили, тепло (не мне), цветет все сразу (яблони, сирень, одуванчики, баранчики), грозы и ливни. Я иногда дремал на солнце у Смоленского рынка на Новинском бульваре.

Мама в Луге, Е. Я. Билицкий помог ей доехать бумагами, письмами, провизией и лошадью.

Люба встретила меня на вокзале с лошадью Билицкого, мне захотелось плакать, одно из немногих живых чувств за это время (давно; тень чувства).

25 мая

Наша скудная и мрачная жизнь в первые 5 месяцев: отношения Любы и мамы. Любин театр [356] (иногда по два раза в день на Кронверкский и обратно).

С 30 марта по 3 апреля Люба болела (доктор Сакович). Чаще всего у нас Е. Ф. Книпович. Потом *** (в начале кронштадтских дней я прервал с ней отношения), Алянский, Р. В. Иванов, Чуковский, Зоргенфрей (раз), Женя Иванов (раз), Л. Э. Браз, Ф. Ф. Нотгафт [357]. Случайные — некий Штейнгарт, Паскар [358]. Приезжали в феврале Верховский и Сухотин [359]. Л. А. Д[ельмас].

Болезнь моя росла, усталость и тоска загрызали, в нашей квартире я только молчал.

«Службы» стали почти невыносимы. В Союзе писателей, который бессилен вообще, было либеральничанье о свободе печати, болтовня о «пайках» и «ставках». Моя переписка с Ионовым, окончившаяся его покаянием в апреле. В «Союзе» — «профессор» Сазонов со своим заграничным займом, депутации (я, Волковыский и Волынский) у Озолина («губчека»). В феврале меня выгнали из Союза поэтов и выбрали председателем Гумилева. В театре — арест «Петьки или Леньки», путаная болтовня с Лаврентьевым, юбилейное кабаре 14/II (спирт, «Сон Блока» — Голубинский), [360] генеральная «Слуги двух господ», «автономия». Дом искусств «закрывали» и опять открыли.

Чтобы выцарапать деньги из Берлина, я писал Лундбергу, сочинял проект командирования Алянского за границу. Ответов нет.

У Добужинского [361] я смотрел эскизы к «Розе и кресту», некоторые очень хороши, все — немного деревянно.

Чуковский написал обо мне книгу и читал ряд лекций. Отсюда — наше сближение, вечер в театре 25 апреля, снимались Наппельбаумом.

Я заходил к А. Белому по делу в «Отель Спартак», где он поселился. Дела и ничего не вышло.

3/III объявили «осадное положение», потом скоро «военное». От канонады дребезжали стекла. 24-го открыли театры.

Много сил ушло на продажу и переправку книг в лавку Дома искусств [362].

Жизнь не украшали писание в альбомы, чтение скверных стихов (исключение — драмы Шагинян [363]), клянченье гибнущей на Удельной Свиридовой [364], * * *, его болтливые письма и скандал с Гумилевым.

Май после Москвы — я, слава богу, только маюсь. Я не только не был на представлении «Двенадцатой ночи» и в заседаниях, но и на улицу не выхожу и не хочу выходить.

Мама, после моего отъезда в Москву, при большой помощи Билицкого, уехала в Лугу и живет у тети.

18 июня

Что я собирал в своих архивах (и не храню больше — сейчас предаю огню):

1902 г. Речь Мережковского об Ипполите из «Нового Времени».

1904 г. Объявление войны Японии.

1906 г. Рецензии о театре Комиссаржевской, статьи из «Понедельников», повестки из театра.

1907 г. Повестки бар. Дризена. Фельетоны А. Белого, Мережковского.

1909 г. Фельетоны. Религиозно-философское общество. «Интеллигенция и народ». Смерть отца и И. Анненского.

1910 г. Вырезки из газет, которые я почему-то стал одно время выписывать (наследство). Анонимный пасквиль на Бенуа.

1911 г. Вооружение мира, близость большой войны (Мертваго, «Утро России»). Бейлис. Очевидно, я бы настрочил когда-нибудь мемуары с цитатами в три сажени — пухлую книгу. О, мерзость! Покушение на Дубасова, Мариавиты, юбилей Бальмонта.

1912 г. Китайская республика, кровавый навет, английские гости, Гермоген и Иллиодор, Флорищева пустынь, смерть Г. Банга, юбилей Стриндберга, Ведрин в Пиринеях, смерть В. Лаврова, Бенуа и футуристы, смерть гр. Д. А. Милютина, Горький о современности (в «Русском Слове»). Гибель «Титаника» (апрель). Смерть Стриндберга. Териокское казино (Люба), гибель Сапунова. Смерть Н. Анненского, самоубийство генерала Ноги, дело Мережковского («Павел I»), война Турции с Черногорией. Выставка Кульбина. Смерть П. И. Бартенева. Мережковский заступается за «Заложников жизни» Сологуба в Александринке («Осень и розы»). Смерть Бравича.

1913 г. Забастовки 9 января, «Электра» Штрауса. Беспокойные статьи Вл. Гиппиуса в газетах. «Кармозина» у Зонова. Хрусталев-Носарь обвиняется в краже. «Русская Молва» и споры с Мережковским. Арест А. Мгеброва. «Гибель Надежды» в Студии Художественного театра. Бейлис и поход на Розанова в религиозно-философском обществе. Горький о карамазовщине. Оправдание Бейлиса. Бальмонт отбывает с помпой за границу.

1914—1915—1916 гг. Мережковский валит на «декадентов» — самоубийства. В газетах поднимают дело

с разоблачениями интимных отношений Мережковского к Суворину. Самоубийство эго-футуриста Игнатьева. Мои вечера, устраиваемые «Тремя апельсинами». Книга Флоренского. «Не подходите к ней с вопросами», кукольный театр и многое, многое...

Мне трудно дышать, сердце заняло полгруди.

20 июня

Полежаев (1807 — 1838) уже скучен. Плохой поэт. К обычному выбору хрестоматий, всегда немножко слишком обильному, я прибавил бы «Цыганку» (Кто идет перед толпою по широкой площади с загорелой красотою на щеках и на груди).

Козлов — старый поэт, друг Жуковского, родился в 1779 г., окончательно ослеп в 1821. Верховский (в «Поэтах пушкинской поры») пропускает хорошее, беря посредственное.

На погребение английского генерала сэра Дж. Мура (Не бил барабан).

Плач Ярославны (из хороших переделок).

Вечерний звон (...лежать и мне в земле сырой...),

Между прочим, он перевел «Романс Дездемоны» (изд. 3-е, 1840, ч. I, стр. 208).

Нас семеро (из Вортсворта).

Мерзляков (1778—1830). Велизарий (Малютка, шлем носи...).

Среди долины ровные.

Ф. Глинка (1788). Вот мчится тройка удалая.

Кн. Вяземский (1792). Тройка мчится, тройка скачет.

Здравствуй, в белом сарафане.

Н. Ф. Павлов (1805—1864) Не говори, что сердцу больно.

Цыганов (1800). По полю, полю чистому.

Не шей ты мне, матушка.

Кукольник. Песня Рахили (цитируется Достоевским):

Загорит.
Заблестит
Луч денницы.

И. Аксаков. Прямая дорога, большая дорога.

Жар свалил. Повеяла прохлада.

Петр Вейнберг. Я вам не говорю про тайное страданье.

Он был титулярный советник.

Ф. Берг. Заинька у елочки попрыгивает.

Стихотворение Дм. фон-Лизандера.

Меж лиц изнуренных
Безумством житейских волнений
И их пресыщенных,
То грустных, то злых выражений,
Средь дикого шума
Их ложной и пошлой забавы,
Свободная дума
Томится, как цвет, вне дубравы:
И лица и звуки
Звучат безразлично и блещут;
От встреч, от разлуки
Ни сердце ни мысль не трепещут...
Глядишь — и не видишь.
Иль призраки видишь немые:
Любя, ненавидишь,
Иль любишь, но годы иные.

И грустный и бледный,
Стоишь средь толпы одиноко —
И, с мыслью бледной,
Ты, сердце, далеко, далеко..,
1843 год.

Мей. Еврейские песни. I. Поцелуй же меня, выпей душу до дна...

II. Хороша я и смугла,
Дочери Шалима!

III. Я — цветок полевой, я — лилея долин.

IV. Сплю, но сердце мое чуткое не спит.

(«Эх, пора тебе на волю, песня русская» и «Жиды, жиды, как дико это слово! Какой народ! Что шаг, то чудеса!..» Это все, я думаю, из пьяных стихов и безответственных мыслей).

Из древнего мира. Галатея.

Плясунья (окрыленная пляской без роздыху).

Камеи II. Ты на Юлию смотришь художник.

Из преданий и современной жизни.

Сумерки (Оттепель... Поле чернеет).

Переводы. Красинский: Спишь ты... Ангел ночи.

Шотландские легенды: Энни Лехроэн...

3 июля

Нумера оставшихся записных книжек: 1—12, 14—18, 20—33, 39, 41—42, 44—50, 52—53, 56, 60—61 [365].

1. Осень 1901 — май 1902. Большею частью черновые стихи, мистика, университетские занятия. Деревня.

2. Июнь — август 1902. Черновые стихи, деревня, Москва — Рогачево.

3. Август, осень 1902. Переезды в Петербурге. Черновые стихи у Мережковского в «Заклинаньи» (21—31/IX). Ольга Любимова [366]. У мамы — М. В. Лапина, [367] самоубийство ее брата. Смерть бабушки [368]. «Ипполит» [369].

4. Осень 1902—весна. Письма. Кое-какие черновики. Восстановляю в памяти более подробно: Соборы (Казанский, Исаакиевский). Лесной парк — лиловое небо. Ал. Мих. Никитина [370]. Ее подруга на Мещанской... До востребования. Около курсов [371]. С 8 декабря — Серпуховская. Дни и вечера там. Евангелье на Кабинетской. 6 и 11/XII — концерты Олениной [372]. Изредка — у Мережковских. Середина декабря — болезнь. Виша [373]. Переписка (в одном городе), иногда — с телеграммами, с немедленным беспокойством, как только нет письма. Никакого настоящего лечения, встал рано, опять слег, опять письма. 28 декабря разговор с мамой... У Кублицких, у дяди Николая [374] (всего этого могло бы и не быть). 2 января — она — невеста. 16 января 1903 года. 30 января — в «Новом Пути» [375]. Брюсов и Перцов (яд Брюсова). 31 января — очень неприятный конец Серпуховской. Мистическая записка под полом. Уже заботы («вместе сняться», «шпага»). Взаимные экзамены; мои: греческий («Пир»), латинский (Horat. od. II), Платонов, Форстен (Бергер), Введенский, Шляпкин (отдельно Жуковский). Мода на взаимные посылки стихов не прошла и после смерти Соловьевых (я шлю Бугаеву). Снялись у Здобнова.

5. 1903 г. Весна и лето за границей. Черновые стихи. Объявлены женихом и невестой. Белые ночи — в Палате.

Дм. Ив. Менделеев слоняется по светлым комнатам, о чем-то беспокоясь. В конце апреля я получил от отца 1 000 руб, с очень язвительным и наставительным письмом. 24 мая вечером мы исповедались, 25 утром в Троицу — причастились и обручились в университетской церкви у Рождественского.

Счеты, счеты с мамой — как бы выкроить деньги и на заграницу (я сопровождаю ее лечиться в Bad Nauheim), и на свадьбу, и на многое другое — кольца, штатское платье (уродливое от дешевизны).

В конце мая (по-русски) уезжаем в Nauheim. Скряжническое и нищенское житье там, записывается каждый пфенниг. Покупка плохих и дешевых подарков. В середине европейского июля возвращаемся в Россию (через С.-Петербург в Шахматово). Немедленные мысли о том, какие бумаги нужны для свадьбы, оглашение, букет, церковь, причт, певчие, ямщики и т. п. — В Bad Nauheim'е я большей частью томился, меня пробовали лечить, это принесло мне вред. Переписка с невестой — ее обязательно-ежедневный характер, раздувание всяких ощущений — ненужное и не в ту сторону, надрыв, надрыв...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В начале мая 1917 года Ал. Блок был приглашен занять место одного из редакторов стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц». По должности Ал. Блок получил право доступа в Петроградскую (Петропавловскую) крепость (удостоверение от 12 мая 1917 года за № 1174) и часто там присутствовал на допросах.

В связи с этим значительная часть дневника 1917 года посвящена работам Чрезвычайной следственной комиссии. В записях Александра Блока упоминаются следующие должностные лица и общественные деятели конца монархии: Белецкий С. П., сенатор, тов. министра внутренних дел; Беляев М. А., генерал, в 1917 году — военный министр; Васильев А. Т., директор департамента полиции; Веревкин А. Н., сенатор, член Государственного совета; Виссарионов С. Е., председатель комитета по делам печати и член совета мин. внутр. дел; Воейков В. Н., дворцовый комендант, прославившийся историей с минеральной водой «Кувака», о которой упоминается в «Дневнике»; Волконский В. М., петрогр. предводитель дворянства; Вырубова А. А., личный друг Александры Романовой и Распутина; Герасимов А. В, генерал, в 1905—1909 гг. — начальник охранного отделения; Голицын Н. Д., князь, председатель совета министров; Горемыкин И. Л., сенатор, б. председатель совета министров; Джунковский В. Ф., генерал, товарищ министра внутр. дел и командир отдельного корпуса жандармов в 1913—1915 гг.; Добровольский Н. А., министр юстиции; Золотарев И. М., сенатор; Иванов Н. И., генерал, отправленный в 1917 году из ставки с эшелоном георгиевских кавалеров в Петроград для подавления

революции; иеромонах Илиодор (Сергей Труфанов), известный черносотенец, впоследствии «раскаявшийся», враг Распутина; Климович Е. К., директор департамента полиции, бывший московский градоначальник; Коковцов В. Н., министр финансов в 1906—1914 гг. и председатель совета министров в 1911—1914 гг.; Комиссаров М. С., генерал, завед. секретным отделением жандармского управления; Крыжановский С. Е., статс-секретарь, член Госуд. совета; Курлов П. Г., б. командир отдельного корпуса жандармов и тов. министра внутр. дел; Ладыженский И. Н., сенатор, управл. делами совета министров; Макаров А. А., сенатор, б. министр внутр. дел; Маклаков Н. А., член Госуд. совета, министр внутренних дел; Марков II Н. Г. — член Госуд. думы, лидер «правых», член ЦК «Союза русского народа»; Нератов А. А., тов. министра иностр. дел; Орлов В. Г., один из главных руководителей «Союза русского народа»; Поливанов А. А., военный министр; Протопопов А. Д., министр внутр. дел; Ренненкампф П. К., б. командующий войсками Виленск. военн. округа, команд. армией в империалистическую войну и в 1915 году уволенный от службы; Ржевский Б. М., журналист, сотрудник А. Н. Хвостова; Собещанский М. Н., полковник, прикомандир. к петербургскому жандармскому управлению; Спиридович А. И., генерал, сотрудник охранки, ялтинский градоначальник; Сухомлинов В. А., б. военный министр, приговоренный в 1917 году к пожизненной каторге за превышение власти, государственную измену и служебные подлоги; Трусевич М. И., член Госуд. совета; Фредерикс В. Б., министр императ. двора; Хабалов С. С., командующий войсками петроградского военного округа; Хвостов А. А., сенатор; Хвостов А. Н., министр внутр. дел в 1915 году; Челноков М. В., член Госуд. думы, к-д.; Штюрмер Б. В., бывший председатель совета министров и министр иностр. дел; Щегловитов И. Г., председатель Госуд. совета, б. министр юстиции.

2. Н. К. Муравьев, председатель Чрезвычайной следственной комиссии. В дальнейшем упоминаются следующие ее члены и сотрудники: Гуревич, Домбровский, Жданов, Иванов, Киприанович, Косолапов, Лесневский, Мурашов, Романов, Руднев, Смитген, Спичаков-Заболотный, Червинский и Черномордик.

3. Доктор И. И. Манухин, прикомандированный к Чрезвычайной следственной комиссии и лечивший заключенных.

4. Поручик Чхония — комендант Петропавловской крепости. «Скандал» связан, вероятно, с большевистскими настроениями гарнизона.

5. В записной книжке № 52 имеются записи, сделанные Ал. Блоком 1 июня при допросах Васильева, Спиридовича, Климовича, Добровольского, Белецкого, Макарова, Герасимова, Виссарионова, Ренненкампфа и Воейкова. Они касаются, главным образом, физического состояния заключенных и степени существенности тех материалов, которые может получить от них Чрезвычайная следственная комиссия.

6. Критик М. Неведомский (М. П. Миклашевский) был главным редактором стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии.

7. Любовь Дмитриевна Басаргина-Блок, жена поэта и актриса, играла этот сезон во Пскове в труппе Беляева.

8. Газета социал-демократов интернационалистов, в которой ближайшее участие принимал М. Горький.

9. Л. А. Андреева-Дельмас, известная певица, близкий друг Ал. Блока.

10. Московское книгоиздательство «Земля», в котором тогда выходило «Собрание стихотворений» и «Театр» Ал. Блока. В. В. Пашуканис — руководитель издательства.

11. В. А. Пяст, поэт, символист, друг Ал. Блока. См. его «Воспоминания о Блоке» («Атеней», П., 1923 г.).

12. Ю. Н. Верховский, поэт и историк литературы.

13. Жена депутата Госуд. думы — кадета.

14. А. И. Менделеева, жена Дмитрия Ивановича Менделеева и мать Л. Д. Блок, автор книги «Менделеев в жизни» (изд. Сабашниковых, М., 1928 г.).

15. Один из сослуживцев Ал. Блока по 13-ой инженерно-строительной дружине Всероссийского земского и городского союза, в которой табельщиком, а затем заведыв. отделом служил поэт с июля 1916 года по апрель 1917 года. Начальником дружины был Л. И. Катонин. Н. И. Идельсон — завед. рабочей партией. А. М. Кононов и Шлыков — техники этой же

дружины. Все эти лица упоминаются на дальнейших страницах дневника.

16. Известный деятель кадетской партии.

17. Л. Я. Гуревич, писательница и театральный критик, была, как и Ал. Блок, одним из редакторов стенографических отчетов Чрезвыч. следств. комиссии.

18. М. А. Бекетова, известный биограф Ал. Блока.

19. Речь идет об упомянутом выше Н. Рудневе, следователе Чрезвыч. следств. комиссии.

20. Известный революционер-шлиссельбуржец.

21. Композитор С. В. Панченко, которого Ал. Блок очень любил. «Панченковское» в понимании Ал. Блока — некоторая доля скрытности, затаенность, мешающая «добраться до души».

22. Начальник инженерно-строительных дружин Земгора.

23. Речь идет об откомандировании Ал. Блока из 13-ой инжен.-строит. дружины в распоряжение Чрезвыч. следств. комиссии. Постановление исполнительной комиссии дружины гласит следующее: «Исполнительная комиссия, выражая свое глубокое сожаление по поводу утраты из своей среды редкого по своим хорошим качествам товарища, считает, что призыв Ал. Блока в состав Верховной следственной комиссии является залогом к тому, что ни одна деталь в его новом ответственном деле не будет упущена, и если состав Верховной следственной комиссии будет пополняться такими людьми, то революционная демократия должна быть спокойна и уверена в том, что изменники и деспоты отечества не избегнут справедливого приговора народного правосудия» (Протокол № 4 заседания комиссии от 7 июня 1917 года).

24. Пригородная местность по б. Приморской жел. дороге.

25. Писатель-символист.

26. «Ниагара» — кинематограф на Большом просп. Петроградской стороны.

27. Иерон. Иероним. Ясинский, романист.

28. К. А. Сомов, известный художник группы «Мир искусства».

29. Т. е. коровий навоз.

30. Десятник инжен.-строит. дружины, сослуживец Ал. Блока.

31. В записной книжке имеются заметки, связанные с допросами Виссарионова и Протопопова.

32. Имеется в виду поэма «Возмездие», начатая в 1909 году и оставшаяся незаконченной.

33. 41-ая лекция «Русской истории» В. О. Ключевского посвящена изложению «хода дел» в Смутное время.

34. Ал. Блоком было послано благодарственное письмо товарищам по работе в дружине в ответ на заключение исполнительной комиссии, приведенное в примеч. 23.

35. Ввиду того, что это лицо—один из членов Чрезв. следств. комиссии—проходит через ряд записей Ал. Блока, мы сочли возможным, отступая от нашего общего правила, зашифровать его имя при помощи не звездочек, а условного Х.

36. В рукописи слово «всем» подчеркнуто трижды.

37. В рукописи это слово трижды подчеркнуто.

38. П. Е. Щеголев, известный историк революционного движения, редактор-издатель журнала «Былое».

39. Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян. 6 тт. Изд. II, М., 1833 г.

40. Газета социалистов-революционеров.

41. Штаб-квартира анархистов на Охте.

42. Вечернее издание суворинского «Нового Времени».

43. Журналист, друг А. И. Куприна.

44. Игн. Ник. Потапенко, беллетрист и драматург.

45. С.-демократ, меньшевик.

46. Именьице Бекетовых в Московск. губ.

47. Пригороды Ленинграда.

48. С. Ф. Ольденбург, непременный секретарь Академии наук.

49. Имеются в виду почтовые учреждения, находившиеся против квартиры Блоков (б. Офицерская ул., д. 57, кв. 21).

50. Завед. продовольств. частью городской управы.

51. В. Н. Княжнин, историк литературы и друг Ал. Блока. Письма Ал. Блока к нему напечатаны в сборнике «Письма Ал. Блока», изд. «Колос», Лгр, 1925 г., стр. 195—219.

52. Генерал, команд. войсками петроградского военного округа.

53. В. Д. Менделеев, брат Л. Д. Блок, изобретатель.

54. Литер.-обществ. журнал, которым руководил Г. И. Чулков.

55. Буржуазная газета, финансируемая крупными банками, начавшая выходить в годы мировой войны.

56. Любопытно, что эти обывательские сплетни о немецких деньгах вызвали образование особой следственной комиссии.

57. Работник книгоиздательства «Шиповник».

58. М. И. Терещенко был в то время министром финансов. Знакомство с ним Ал. Блока, перешедшее скоро в дружбу, относится к 1912 году. См. М. Бекетова «А. Блок, биограф. очерк», стр. 173.

59. В переводе: будь на страже, Академия, да не потерпит разум в чем-либо ущерба.

60. Речонка на Петрогр. стороне.

61. Имеются в виду казармы лейб-гвардии-гренадерского полка, б. Петербургская набережная, д. 44, около Ботанического сада, где в квартире отчима поэта Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух, офицера гренадерского полка, жили, повенчавшись, молодые Блоки.

62. Вероятно, получение сразу большого количества писем.

63. Ф. И. Родичев, депутат думы, к-д., известный оратор.

64. Букинист на Петрогр. стороне.

65. В. М. Алексеев. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун-Ту (837—908 г.) Изд. Академии наук, Пгр., 1916 г.

66. Митрополит Андрей Шептицкий.

67. Профессор М. С. Грушевский, известный историк Украины.

68. Прислуга Блоков.

69. Александр Васильевич Гиппиус, товарищ Ал. Блока по университету и один из его ближайших друзей.

70. Евгений Павлович Иванов, один из самых близких друзей поэта.

71. Психиатрическая лечебница.

72. Еженедельник к.-д., выходивший в 1917 г.

73. А. К. Глазунов, знаменитый композитор, директор ленинградской консерватории.

74. В записной книжке № 53 имеется следующая запись:

«17 июля. Приморский вокзал. Сегодня С. Ф. Ольденбург, о котором газеты пишут, что он виднейший кандидат

на пост министра народного просвещения, говорил, что он собирается итти солдатом на фронт. Фронт важнее тыла. Он два года назад перенес экспедицию более трудную, чем всякий фронт, с казаками, и оказался выносливее всех. Керенский его отговаривал.

«Утреннее заседание не состоялось, все это очень на меня подействовало (менее перекрестных разговоров и, главным образом, того, что говорил Ольденбург). Не высидев на допросе А. Н. Хвостова, который уже начал свои распутинские сплетни, я бегу купаться в Шувалово.

«Ольденбург — кадет и из военной семьи».

75. В. А. Зоргенфрей, поэт и переводчик, друг Ал. Блока. Его воспоминания о Блоке напечатаны в «Записках мечтателей», № 6.

76. Портниха Л. Д. Блок.

77. Многоточие принадлежит Ал. Блоку.

78. Речь идет о выработке той формы, в которой отчет Чрезв. следств. комиссии должен быть представлен Учред. собранию.

79. Профессор Е. В. Тарле, известный историк Западной Европы.

80. В газетах того времени много писалось о похождениях и проделках этого знаменитого «братца».

81. Многоточие принадлежит Ал. Блоку.

82. Феликс Кублицкий-Пиоттух, двоюродный брат Ал. Блока.

83. Имение Кублицких-Пиоттух в Московской губ.

84. Многоточие принадлежит Ал. Блоку.

85. Деятель французского профессионального движения.

86. См. примеч. 7.

87. Из последней строфы стихотворения Вл. Соловьева «Мы сошлись с тобой не даром...»:

Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их.

(Стихотворения, изд. 7, стр. 112).

88. Многоточие принадлежит Ал. Блоку.

89. Письмо это было отправлено П. Б. Струве. В ответ Ал. Блоком было получено от Струве письмо приведенное в примеч. 99.

90. Имеется в виду, вероятно, одна из статей С. Н. Булгакова, может-быть, «О даре свободы» («Русская Свобода», № 2), где автор говорит о необходимости «духовной свободы».

91. Многоточие принадлежит Ал. Блоку.

92. Известные статьи Ал. Блока 1908 года, вошедшие в т. VII собрания его сочинений.

93. Юрист, б. профессор догмы римского права в петроградском университете, к.-д.

94. Эта работа Ал. Блока под заглавием «Последние дни императорской власти» издана «Алконостом» в 1921 году. В сокращенном виде под заглавием «Последние дни старого режима» напечатана в журнале «Былое», № 15.

95. Имеется в виду окончание обработки стенограммы допроса Н. А. Маклакова, б. министра внутренних дел.

96. А. И. Гучков, член Госуд. думы, лидер октябристов.

97. Из стихотворения А. Фета «Измучен жизнью, коварством надежд...». У Фета вся эта строфа читается так:

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевной,
Сверкают звезд золотые ресницы.

(«Вечерние огни», изд. 1893 г., стр. 13)

98. П. Н. Милюков, редактор «Речи» лидер к.-д.

99. Приводим полностью это очень характерное письмо:

2-го августа 1917 г. Дорогой Александр Александрович! Меня обрадовало Ваше согласие вступить в члены «Лиги». Что касается Горького, то церковь, если бы он ее признавал, должна была бы призвать его к покаянию, как она это делала в былое время с великими мира сего. Наше же скромное сообщество людей, для которых культура и нация неразрывны, может либо про себя, либо публично оплакать то ужасное явление духовного разложения, каким представляется

Горький-публицист. Сделать что-нибудь иное, мы лишены нравственного права. С. Ф. Ольденбург протестовал против заподазриваний личной порядочности Горького, но явление, которое тут перед нами, потому так и трагично, что совсем незачем подымать тот «личный» в узком смысле вопрос, который был поднят в газетной «полемике», и все-таки ощущать весь ужас падения и разложения, до которого дошла Россия.

Я бы очень хотел с глазу на глаз в диалоге уяснить Вам не свою точку зрения, а раскрыть свое о щ у щ е н и е этого ужаса, одно из многих «явлений» которого есть Горький.

Искренно Вам преданный Петр Струве.

Пометка Ал. Блока: «получ. 5 авг.».

«Лига русской культуры ставит своей задачей объединение усилий, направленных на развитие и укрепление национальной русской культуры...» (из § 1 устава).

100. Редактура допроса Виссарионова.

101. Т. е. Степана Разина и Емельяна Пугачева.

102. Литератор. О Блоке им написана книжка «Ал. Блок и Россия» (Гиз. 1923 г.).

103. Федор Степпун, философ-идеалист.

104. Члены Временного правительства.

105. Б. В. Савинков (В. Ропшин), известный с.-р., террорист и писатель, автор романов «Конь бледный» и «То, чего не было».

106. З. Н. Гиппиус, писательница, жена Д. С. Мережковского.

107. Ф. К. Сологуб (Тетерников), знаменитый поэт-декадент.

108. Лирическая драма Ал. Блока, написанная в 1906 году.

109. В. И. Иванов, известный поэт и теоретик символизма.

110. А. М. Ремизов, известный писатель.

111. Дальний родственник Ал. Блока по отцовской линии.

112. Алекс. Н. Чеботаревская, переводчица, сестра жены Ф. Сологуба.

113. Адда Корвин, талантливая танцовщица, подруга Л. Д. Блок.

114. Четырнадцатая годовщина свадьбы Блоков.

115. Мария Дмитр. Менделеева, сестра Л. Д. Блок.

116. Именье Менделеевых в Московской губ.

117. Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух, отчим Ал. Блока, офицер бывший в то время на фронте.

118. Т. е. программа работы «Последние дни старого режима».

119. Лейтенант Шмидт, поднявший в 1905 году восстание в черноморском флоте и за это расстрелянный.

120. А. И. Шатунова, прислуга М. А. Бекетовой. Тина, прислуга А. А. Бекетовой.

121. Популярный в то время артистический кабачок, помещавшийся на Марсовом поле.

122. Эта записная книжка в 1921 году Ал. Блоком уничтожена. А. И. Шингарев, видный деятель кадетской партии.

123. Т. е. аттестаты на получение офицерского жалованья за своего мужа Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух, находившегося на фронте.

124. П. Н. Малянтович, известный присяжный поверенный.

125. В переводе: не трогайте моих чертежей (слова Архимеда, обращенные к воинам, ворвавшимся в его дом при взятии Сиракуз).

126. После болезни А. И. Менделеева уезжала в Боблово.

127. Е. И. Тиме, известная артистка б. Александринского театра.

128. 30 августа по старому стилю — день ангела Ал. Блока.

129. М. В. Родзянко, председатель последней Государственной думы.

130. Деревня, куда часто ездил Ал. Блок, служа в инженерной дружине.

131. Лошадь, на которой ездил Блок.

132. Два брата, служившие в дружине.

133. Профессор зап.-европ. литературы, директор государственных театров.

134. Театрально-литературная комиссия б. императорских театров.

135. Е. П. Леткова-Султанова, писательница и общественный деятель.

136. П. О. Морозов, известный историк литературы и театра.

137. Профессор Н. К. Пиксанов, историк литературы.

138. Именины Л. Д. Блок.

139. А. Г. Горнфельд, литературный критик.

140. В этом месте в дневнике вклеена статья Бинокля, «„Смерть Иоанна Грозного“ под запретом артистов», в которой рассказывается о попытке группы артистов Александринского театра снять с репертуара эту пьесу А. Толстого, как несоответствующую духу времени.

141. Пьеса Б. Бьернсона «Свыше нашей силы», часть II.

142. Профессор С. О. Грузенберг, автор нескольких работ по истории философии.

143. А. В. Руманов, журналист.

144. Борис Никол. Бугаев (Андрей Белый), известный поэт и теоретик символизма, ближайший друг Ал. Блока. Его воспоминания о Блоке — в берлинском журнале «Эпопея» (№№ 1—4) и более кратко—в «Записках мечтателей», № 6.

145. Профессор С. А. Венгеров, историк литературы.

146. Инженер А. Н. Тихонов, завед. изд-вом «Парус».

147. Разумник Вас. Иванов (Иванов-Разумник), известный литературный критик.

148. В этом месте приложено к дневнику письмо работника из Шахматова матери Ал. Блока, Александре Андреевне Бекетовой, следующего содержания:

Ваше Превосходительство Милостивая Государыня Александра Андреевна.

Именье описали, ключи у меня отобрали, хлеб увезли, оставили мне муки немного, пудов 15 или 18. В доме произвели разруху. Письменный стол Александра Александровича открывали топором, все перерыли. Безобразие, хулиганства не описать. У библиотеки дверь выломана. Это не свободные граждане, а дикари, человеки-звери. Отныне я моим чувством перехожу в непартийные ряды. Пусть будут прокляты все 13 номеров борющихся дураков.

Лошадь я продал за 230 рублей. Я наверно скоро уеду, если вы приедете, то пожалуйста мне сообщите заранее, потому что от меня требуют, чтобы я доложил о вашем приезде, но я не желаю на Вас доносить и боюсь народного

гнева. Есть люди, которые Вас жалеют и есть ненавидящие. Я теперь не приму от них ничего.

Со всем уважением *.*

1917 года, ноября 10.

Пошлите поскорей ответ.

На рояли играли, курили, плевали, надевали бариновы кэпки, взяли бинокли, кинжал, ножи, деньги, медали, а еще не знаю, что было, мне стало дурно, я ушел. В ящике есть письмо, оно написано до события и потому в нем написано о благополучии в именьи.

149. С. А. Есенин, известный поэт.

150. Н. А. Клюев, известный крестьянский поэт, «старший брат» Есенина.

151. «Не все» в оригинале трижды подчеркнуто.

152. Последняя строфа стих. А. Белого «Россия», написанного в августе 1917 г. У А. Белого — не огневая, а «громовая стихия».

153. В оригинале это слово трижды подчеркнуто.

154. Этот замысел пьесы из жизни Иисуса остался неосуществленным. Любовь Дмитриевна должна была помочь Ал. Блоку своими знаниями и опытом в области сценической техники. Поэтому — «Начало (с Любой)».

155. В переводе: большой (патетический) стиль.

156. Известная книга Ренана «Жизнь Иисуса».

157. В переводе: все прекрасное — трудно (Платон).

158. Слово оборвано в оригинале.

159. Интересно сравнить этот набросок со «Скифами».

160. В переводе: гальское остроумие.

161. Популярная уличная газета. Тоже — «Петербургская газета».

162. Д. С. Мережковский.

163. Журнал, посвященный искусству и старине, выходивший под редакцией П. П. Вейнера.

164. Художественно-литературный журнал, выходивший с 1899 по 1904 г. под редакцией С. Дягилева.

165. В. Лебедев-Полянский, литературный критик и общественный деятель.

166. В оригинале в этом месте имеется пропуск. Автором, вероятно, забыта фамилия еще одного участника заседания.

167. Л. М. Рейснер, писательница.

168. Философ А. З. Штейнберг, последователь маргбургской школы.

169. Редактор-издатель «Журнала для всех».

170. В переводе: остерегайтесь. Начало известной формулы: Caveant consulles, ne quid res bublica detrimenti capiat, т. е., бдите, консулы, чтобы республика не потерпела в чем-либо ущерба.

171. Всев. Эм. Мейерхольд, знаменитый режиссер и деятель «левого театра».

172. Академик А. А. Шахматов, автоор «Очерка современного русского литературного языка».

173. Е. М. Люком, известная балерина.

174. Стэнич В. О., поэт и переводчик.

175. Многоточие принадлежит Ал. Блоку.

176. Е. П. Студенцов, артист б. Александринского театра.

177. «Петр Хлебник».

178. Евгения Федоровна Книпович, друг Ал. Блока в последние годы его жизни и всей его семьи.

179. Аполлон Григорьев, критик и поэт. Ал. Блок собрал и снабдил вступительной статьей («Судьба Аполлона Григорьева») и примечаниями издание его стихотворений (М., 1916 г.).

180. К. И. Чуковский и В. Е. Евгеньев-Максимов, известные некрасоведы.

181. Известный последователь Л. Толстого и издатель его сочинений.

182. В этом месте в дневник вклеены две статьи: А. Прутьева «Народ и книга» (беседа с комиссаром литер.-издат. отдела тов. Полянским) из газ. «Петерб. Эхо» от 14 февраля 1918 г. и сообщение из газ. «Вечерний Час» от 19 февраля 1918 г. — «Монополизация классиков». В перечне монополизированных писателей А. Блоком подчеркнут Некрасов. После перечня — приписка: «Где Григорьев?».

183. Генриетта Роджерс, актриса б. Михайловского театра.

184. См. конец поэмы Ал. Блока «Двенадцать».

185. Т. е. порыв, полет.

186. «Воля Народа» — газета правых с.-р. «Знамя Труда» — левых.

187. Евгений Лундберг, литературный критик.

188. См. примеч. 49.

189. В рукописи это слово заключено в круг.

190. И. Т. Посошков (ок. 1670—1726 г.) крестьянин-самоучка, экономист, автор «Книги о скудости и богатстве».

191. В рукописи слово «это» трижды подчеркнуто.

192. См. стр. 116.

193. Речь идет о статье Вл. Гиппиуса «Предчувствие», напечатанной в № 2 журнала «Мелос» за 1918 г.

194. Речь идет о поэме «Двенадцать» и о тех спорах, которые велись о смысле этого произведения.

195. Режиссер и историк театра.

196. Артист б. Александринского театра и режиссер.

197. Популярная мелодрама Лемуана и д'Эннери («A la Grase de Dieu»), переведенная Некрасовым и в 1842 г. поставленная в Александринском театре.

198. Театральный журнал, выходивший под ред. Ф. А. Кони с 1840 по 1856 г.

199. К. Ляндау (Алданов), писатель.

200. Профессор Ф. Ф. Зелинский, известный знаток классической филологии.

201. А. Вольф. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 г., ч. I и II, П., 1877 г. Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 г., П., 1884 г.

202. Имеются в виду сборник Н. Е. Ончукова «Северные народные драмы», СПБ, 1911 г. и труд Н. Тихонравова «Русские драматические произведения 1672—1725 гг.», т. I—II, СПБ, 1874 г.

203. Во всех стихотворных набросках в скобки заключаются варианты.

204. В записной книжке № 48 имеется следующий набросок, датированный весной 1915 года:

На белой льдине — моржий клык,
Дельфиний плеск на синем море.

В замоленной раке — древний лик
С (неумолимостью) во взоре.
Сибирских рек полночный ход,
Подземных руд глухое пенье,
Святая хмурость вечеров,
Ночей святой свинцовый холод.
(Россия губит своих детей)
Как необъятен кругозор.

Из авторской пометки явствует, что набросок этот должен был войти в какую-то поэму. Замысел ее остался, очевидно, неосуществленным.

205. Два последних наброска к «Русскому бреду» написаны, как показывает авторская пометка, 8 апреля 1919 года.

206. Два эти наброска — «Нам довелось еще подняться...» и «Sprudel» опубликованы в книге «Ал. Блок. Неизданные стихотворения (1897—1919 г.)», изд. «Жизнь Искусства», Лгр., 1926 г., стр. 118 и 120.

207. В записной книжке № 6 этого наброска не имеется.

208. Заглавие предположительно.

209. Этот черновик письма к З. Н. Гиппиус вклеен в дневник. О поводе к написанию письма и о дальнейшей судьбе его говорит следующая пометка Ал. Блока: «Получив книжку Гиппиус, я собирался ей ответить. Но решил — в стихах». — Итак, получивши книжку З. Гиппиус «Последние стихи», Ал. Блок пишет ей в ответ вышеприведенное письмо; затем, он решает ответить ей не прозой, а стихами. Письмо вклеивается в дневник, а адресатке отсылается стихотворение «Женщина, безумная гордячка», помеченное 1 июня 1918 года и вошедшее в т. IV собрания сочинений Ал. Блока.

210. Аделаида Ристори, знаменитая итальянская актриса. Ее автобиография «Recordi e studi artistici» вышла в Турине в 1887 г.

211. Знаменитые исполнители шекспировских ролей.

212. Имеется в виду русское издание Шекспира под ред. С. А. Венгерова (5 тт., изд. «Брокгауз-Ефрон», СПБ., 1902—1904 гг.).

213. Гервинус. Шекспир. Перев. К. Тимофеева, изд. 2, 4 тт., СПБ, 1878 г.

214. Эд. Дауден. Шекспир. Перев. Л. Д. Черновой, изд. 2, Одесса, 1898 г. Эта книга имеется не в двух переводах, а в двух изданиях.

215. Немецкий курорт, где лечилась мать Ал. Блока.

216. Ксения Михайловна Садовская, юношеское увлечение Ал. Блока. Об этом — в книге М. А. Бекетовой «Ал. Блок, биограф. очерк», стр. 55—57.

217. Издатель журнала «Родник».

218. Известный доктор, лечившая семью Бекетовых.

219. Дедушка Андрей Николаевич Бекетов.

220. История революционных движений в России».

221. Семья сестры отца Ал. Блока — Ольги Львовны.

222. См. примеч. 216.

223. Товарищ Ал. Блока по гимназии, покончивший самоубийством. Ему посвящены стихотворения «Ты много жил, я больше пел...» (1898 г.) и «На Волковом кладбище» (1902 г.).

224. С. И. Левицкая, жена офицера гренадерского полка, певица.

Ей посвящено стихотворение «Когда-нибудь, нескоро, вас я встречу...» (1898 г.).

225. Семья племянника Дм. Ив. Менделеева, доктора.

226. Репетитор братьев Л. Д. Блок, впоследствии профессор химии.

227. Тетка Л. Д. Блок, сестра ее матери.

228. Смирновы и жители Стрелицы — родственники Менделеевых.

229. Имение С. Г. Карелиной, сестры Е. Г. Бекетовой, бабушки поэта. «Тетя Соня» — его владелица.

230. На Забалканском проспекте в доме Палаты мер и весов жили тогда Менделеевы.

231. Гимназия.

232. Актриса б. Александринского театра.

233. Пьеса Жоржа Онэ.

234. Либеральный князь, пострадавший за попытку защитить избиваемых студентов.

235. Автор ошибся: он сидел второй год не на первом, а на втором курсе.

236. Серафима Дмитр. Менделеева, двоюродная сестра Л. Д. Блок.

237. М. В. Коваленская, троюродная сестра Ал. Блока со стороны матери.

238. Соловьевы — Ольга Михайловна и Михаил Сергеевич, брат Владимира Соловьева, редактор посмертных изданий его сочинений и отец Сергея Мих. Соловьева, поэта-символиста и друга Ал. Блока.

239. Двоюродная сестра матери Ал. Блока.

240. См. примеч. 238.

241. Журнал, который, перейдя в руки А. Л. Волынского и Л. Я. Гуревич, первым открыл свои страницы для произведений писателей-модернистов.

242. Екатерина Евг. Хрусталева, свойственница отца Ал. Блока, пианистка.

243. Т. е. о. Л. Д. Менделеевой.

244. Стихотворение «Хожу по камню темных плит», написанное 14 апреля 1900 года и переработанное 2 января 1916 г.

В новой редакции напечатано в сб. «Стихи, не вошедшие в собрания сочинений А. Блока», изд. «Петроград», 1925 г., стр. 259.

245. Стихотворение «Я покидаю шумный град...», написанное 16 мая 1910 года, переработанное 12 мая 1918 года и в новой редакции напечатанное в сб. «Стихи, не вошедшие в собрания сочинений А. Блока», стр. 272—273.

246. Ал. Блок рассказывал, что однажды над Бобловской горой в Дубровской березовой роще он видел облака, похожие на средневековый город.

247. Л. Д. поступила на Бестужевские курсы, на историко-филологический факультет.

248. Стихотворение «Вложив безумство вдохновений в холодный разум мудреца...» (А. Блок. «Неизданные стихотворения», Лгр., 1926 г., стр. 78—79).

249. В. К. Ернштедт, профессор классической филологии.

250. Стихотворение «Пора вернуться к прежней битве...», написанное 22 октября 1900 года.

251. Брат отца Ал. Блока. «Три смерти» — лирическая драма А. Н. Майкова из римской жизни эпохи Нерона. Поэт Лукан, философ Сенека и эпикуреец Люций — действующие в ней лица.

252. 11 февраля 1901 написано стихотворение «Мой путь страстями затемнен...», переработанное 3 января 1916 года (см. «Стихи, не вошедшие в собрания сочинений А. Блока», стр. 110), 26 февраля написано стихотворение «Я понял смысл твоих стремлений...» (Собр. сочин., т. I, стр. 62).

253. Стихотворение «Пять изгибов сокровенных...», написанное 10 марта 1901 года («Стихи, не вошедшие в собрания сочинений А. Блока», стр. 112).

254. Ежегодный литературный альманах издательства символистов «Скорпион».

255. Стихотворение «Все бытие и сущее согласно...», написанное 17 мая 1901 года (Собр. сочин., т. I, стр. 67).

256. Стихотворение «Небесное умом не измеримо...», написанное 28—29 мая 1901 года (Собр. сочин., т. I, стр. 71).

257. Сергей Соловьев.

258. Одна из шахматовских шуток: Ал. Блоку был поднесен лавровый венок на подушке, взятой из гостиной, которую он также счел подношением.

259. Миткальная фабрика, находившаяся в соседстве с Бобловым.

260. Близ лежащая к Боблову деревня.

261. Станция, от которой лежит путь в Пустыньку — именье С. П. Хитрово, где часто и подолгу живал Владимир Соловьев.

262. Стихотворение от 6 ноября 1901 года — «Зарево белое, желтое, красное...» (Собр. сочин., т. I, стр. 99). Строка «Ты другая, немая, безликая...» из стихотворения «Будет день, и свершится великое...», написанного 23 ноября 1901 года (Собр. сочин., т. I, стр. 101).

263. Актриса Александринского театра, дававшая частные уроки сценического искусства.

264. Период балов и вечеров в доме М. П. Боткина, на которых часто бывала Любовь Дмитриевна.

265. Л. Д. Ленц, знакомая семьи Менделеевых.

266. Стихотворение «Я шел, и вслед за мной . . . », написанное 1 января 1902 года (Собр. сочин., т. I, стр. 113).

267. Нужно иметь в виду, что хронология в этих воспоминаниях Ал. Блока очень спутана.

268. В т. IX (дополнительном) собрания сочинений Владимира Соловьева напечатаны его статьи из энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона. На стр. 19 статья «Мировая душа».

269. Стихотворение «Чем больней душе мятежной...», написанное 8 марта 1901 года (Собр. сочин., т. I, стр. 64).

270. См. прим. 253.

271. См. стихотворение «Ночью сумрачной и дикой...», написанное 23 апреля 1901 года (Собр. сочин., т. I, стр. 63).

272. Письмо не было послано.

273. И. И. Ионов, пролетарский поэт, завед. Ленгизом.

274. Юрий Анненков, известный художник, иллюстрировавший поэму «Двенадцать».

275. С. М. Алянский, руководитель издательства «Алконост».

276. Сотрудник И. Ионова.

277. В. И. Ленин, А. В. Луначарский и М. Горький.

278. В ноябре 1919 года была открыта не Вольная философская академия, а Вольно-философская ассоциация, просуществовавшая по май 1924 года. «Катилина» — статья Ал. Блока о римском революционере Люции Сергии Катилине, написанная в апреле 1918 г.

279. Забулдыга - крестьянин дер. Гудино.

280. Многоточие принадлежит Ал. Блоку.

281. В это время Ал. Блок был председателем репертуарной комиссии Тео.

282. Академик Н. А. Котляревский, известный историк литературы.

283. К. А. Сюннерберг (К. Эрберг), теоретик искусства и поэт.

284. Организованное М. Горьким издательство, поставившее себе задачей издание лучших художественных произведений мировой литературы.

285. А. Л. Волынский, известный литературный критик.

286. Андрей Левинсон, художественный критик.

287. Ф. А. Браун, профессор, знаток западно-европейской литературы.

288. Н. С. Гумилев, поэт, глава «акмеистов».

289. А. Н. Бенуа, известный художник и художественный критик.

290. Многоточие принадлежит Ал. Блоку.

291. Т. е. призывы к «веселой науке».

292. В переводе: великая битва времени.

293. Статья эта под заглавием «Кручи» напечатана в «Записках мечтателей», 1919 г., № 1.

294. Имеются в виду песни Гейне о ткачах.

295. М. Неймайр. История земли, т. I, стр. 60 – 65.

296. Эта дата проставляется нами условно. В оригинале ее нет.

297. Н. Павлович, М. Шкапская, Н. Оцуп, К. Сюннерберг (К. Эрберг) и Всев. Рождественский — поэты, забалотированные на выборах нового правления союза поэтов.

298. Осип Мандельштам, поэт.

299. Время размолвки между Ал. Блоком и Вл. Пястом. Об этом — в «Воспоминаниях» Вл. Пяста, стр. 73—75.

300. Н. Грушко и И. Одоевцева, поэтессы.

301. М. Лозинский, поэт и переводчик.

302. Статья В. Алексеева — «Китайская литература», напечатана в «Литературе Востока», вып. II. П., 1920 г.

303. Профессор ленинградской консерватории по классу пения.

304. Г. Уэллс, известный английский писатель-социалист, приезжавший в 1920 году в Ленинград.

305. Журналист.

306. Н. Бердяев, философ-идеалист. Г. Шпет — философ-неокантианец.

307. Известная переводчица.

308. Е. И. Замятин, известный писатель; П. Губер, литератор и переводчик; В. Ирецкий, журналист, б. сотрудник «Речи», Вл. Мазуркевич, поэт.

309. Известный художник и знаток старины.

310. Многоточие принадлежит Ал. Блоку.

311. Речь идет о Большом драматическом театре, в котором Ал. Блок был с 26 апреля 1919 года председателем режиссерского управления.

312. Т. е. «Мадам Сан-Жен» Сарду.

313. Известный артист Ю. М. Юрьев служил в то время не в Александринском, а в Большом драматическом театре.

314. Деятели Большого драматического театра: Н. Ф. Монахов, М. Ф. Андреева и упоминаемые ниже Г. М. Мичурин и В. В. Максимов — артисты; А. Н. Лаврентьев — главный режиссер; Старостин — председатель месткома; упоминаемый ниже А. И Гришин—управляющий театром.

315. Управляющий делами Тео.

316. А. И. Мозжухин, известный певец.

317. Перевод В. Зоргенфрея см. на стр. 204.

318. А. Неверов (А. С. Скобелев), известный крестьянский писатель.

319. П. С. Коган, историк литературы и критик-марксист.

320. См. статью Ал. Блока «О пяти пьесах 1920 г.» (Собр. сочинений, т. IX, стр. 219 — 223).

321. Андрей и Феликс Кублицкие - Пиоттух, двоюродные братья Ал. Блока.

322. Артур Лурье, композитор-модернист.

323. После этого в оригинале следуют 8 страниц записей, охватывающих январь 1921 года. Но так как по своему типу и характеру они более соответствуют записным книжкам Ал. Блока, нежели его дневнику, мы сочли правильным опустить их в настоящем издании. При публикации записных книжек Ал. Блока они будут восстановлены.

324. В этом месте в дневник вклеена заметка от декабря 1920 г. следующего содержания:

> Перевод довольно близок к подлиннику. Число стихов оригинала. Утечки образов мало. Соблюдаются по мере возможности мужские и женские окончания (кое-где переставлены). Редактируется по юбилейному изданию. Goethes Sämtliche Werke, Jubiläumes-Ausgabe in 40 Bänden, Stuttgart und Berlin, Cottasche Buchdendlung Nachfolger 12-er Band).

В переводе Яхонтова число строк не соблюдено, текст удлинен. Мужские и женские окончания соблюдены в гораздо меньшей степени.

№ стих 953?

стих 1351 — неправильный
1509 — тоже
2056 — тоже
3300 — неполный
3402 — тоже
3413 — неправильный
3416 — тоже.

325. В. А. Щуко, художник-архитектор, академик, написавший декорации для ряда постановок Большого драматического театра.

326. А. П. Чапыгин. «Гореславич», драматическое действие в 10 картинах, начала XII века. Подробный отзыв Ал. Блока об этой пьесе, до сих пор ненапечатанной, помещен в Собрании его сочинений, т. IX, стр. 234—237.

327. В переводе: добрые чувства. Имеются в виду гуманитарные тенденции молодого Александра I и его отзыв о «Деревне» Пушкина.

328. Стр. 492, т. VI собрания сочинений Пушкина в издании Брокгауза-Ефрона занята комментариями к стих. «Из VI Пиндемонте».

329. После этого в оригинале следует черновая запись приветственной речи Н. Ф. Монахову, непечатанная в Собрании сочинений Ал. Блока, т. IX, стр. 328—330.

330. Все ссылки делаются Ал. Блоком по изданию сочинений А. С. Пушкина под редакцией П. О. Морозова (Изд. «Просвещение», СПБ., 1903—1904 гг.).

331. После этого в оригинале следует черновик стихотворения «В альбом Пушкинского дома». Из наиболее существенных вариантов отметим следующие:

После 5-ой строфы, как ее логическое продолжение, намечалась следующая:

Но восторг, каким пылали
Наши юные сердца,

Но не в эти дни светило
Наше пламя без конца...

После 10-ой заключительной строфы намечалась еще одна, сохранившаяся в черновике в таких вариантах:

I. И душа в плаче
Может-быть, еще богаче
И зрелее, чем была.

II. Если жар души растрачен,
Если даже смерть пришла,
Но печаль порой богаче
Все [illegible]

332. В оригинале против этих строк на полях стоит вопросительный знак.

333. Эти мысли развиты Ал. Блоком в речи «О назначении поэта», произнесенной им на торжественном заседании в Доме литераторов в 84-ую годовщину смерти Пушкина. Напечатана она в Собрании сочинений, т. VII, стр. 333—343.

334. Письмо обращено к А. Н. Лаврентьеву и А. И. Гришину.

335. Имеется в виду известное определение вдохновения из заметки «О вдохновении и восторге»: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следовательно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии...».

336. Теоретик поэзии и литературный критик, сотрудник «Аполлона».

337. Софья Зах. Федорченко, автор книги «Народ на войне».

338. М. А. Рейснер, профессор-юрист и публицист. Его дочь — Лариса Рейснер.

339. «Летопись войны», выходившая под редакцией ген. Дубенского в годы мировой войны. В журнале помещалось много иллюстраций.

340. Журнал, выходивший под редакцией М. Горького в 1915—17 гг. А. Н. Тихонов—завед. издательской частью.

41. Имеются в виду переводы писателей наших национальных меньшинств. Ал. Блок перевел несколько произведений армянского поэта Исаакиана.

342. Т. е. Петроградский театральный отдел.

343. См. статью Ал. Блока «В жюри конкурса революционных пьес при Петерб. театр. отделении» (Собр. сочин., т. IX, стр. 223 — 225).

В. Я. Шишков, известный писатель, автор «Тайги» и «Ватаги».

344. Артистка Большого драматического театра.

345. В переводе: только то задушевно и верно, что здесь — в глубине. Фальшиво и трусливо все, что радуется там — наверху.

346. Бывшая гувернантка Ф. Я. Кублицких-Пиоттух.

347. Эти строки подчеркнуты Ал. Блоком.

348. Е. Я. Белицкий служил в то время в отделе управления Петросовета.

349. Жена проф. П. С. Когана.

350. Актриса, устраивавшая московские вечера Ал. Блока.

351. Поэт и теоретик литературы, близкий к футуризму.

352. Поэт Ю. К. Балтрушайтис был дипломатическим представителем Литвы.

353. Историк.

354. Директор театра Корша.

355. Жена Л. Б. Каменева, бывшего тогда председателем Моссовета.

356. Л. Д. Блок служила в это время в «Народной комедии» С. Радлова.

357. Знаток искусства и коллекционер.

358. Руководительница детского театра в Москве.

359. П. П. Сухотин, писатель.

360. Пародия на Ал. Блока в исполнении артиста Больш. драмат. театра Голубинского.

361. М. В. Добужинский, известный художник группы «Мир искусства», написавший эскизы декораций к драме Ал. Блока «Роза и крест», которую предполагали поставить в Моск. Худож. театре.

362. В последние годы жизни Ал. Блок распродал значительную часть своей библиотеки.

363. М. С. Шагинян, писательница.

364. Писательница Свириденко.

365. Остальные записные книжки были Ал. Блоком уничтожены.

366. Подруга К. Хрусталевой.

367. Приятельница матери Ал. Блока.

368. Елизавета Григорьевна Бекетова, переводчица.

369. Трагедия Еврипида.

370. Подруга Любови Дмитриевны.

371. Речь идет об ожиданиях Ал. Блоком Любови Дмитриевны около Бестужевских курсов. Многие дальнейшие фразы связаны с теми или иными моментами их романа.

372. М. А. Оленина-д'Альгейм, певица, основательница «Дома песни».

373. В. В. Грек, школьный товарищ Ал. Блока.

374. Н. Н. Бекетов, химик.

375. Журнал, в котором впервые были напечатаны стихи Ал. Блока (1903 г., № 3).

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие 7
1917 год 9
1918 год 89
1919 год 139
1920 год 167
1921 год 199
Примечания 250

25455
22431/687